

ДЖЕЙМС ДЭШНЕР

БЕГУЩИЙ В ЛАБИРИНТЕ

БЕГУЩИЙ В ЛАБИРИНТЕ
■
ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ
■
ЛЕКАРСТВО ОТ СМЕРТИ

ТОЛЬКО НЕ ОСТАНАВЛИВАЙСЯ!

Джеймс Дэшнер

Бегущий в Лабиринте (сборник)

«АСТ»

2009-2011

Дэшнер Д.

Бегущий в Лабиринте (сборник) / Д. Дэшнер — «АСТ»,
2009-2011

ISBN 978-5-17-087563-4

Вчера они были обычными парнями... Сегодня они – пешки в чужой игре, похищенные неизвестно кем для участия в чудовищном эксперименте. Их память стерта. Их новый дом – гигантский комплекс, отгороженный от еще более огромного Лабиринта стенами, которые раздвигаются утром и замыкаются вечером. И никто еще из тех, кто остался в Лабиринте после наступления ночи, не вернулся... Они не сомневаются: если сумеют разгадать тайну Лабиринта, то вырвутся из заточения и вернуться домой. Итак, что же будет дальше? Кто рискнет жизнью ради других, и кто выживет в смертоносном испытании?..

ISBN 978-5-17-087563-4

© Дэшнер Д., 2009-2011

© АСТ, 2009-2011

Содержание

Бегущий в лабиринте	6
Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	13
Глава четвертая	18
Глава пятая	22
Глава шестая	26
Глава седьмая	30
Глава восьмая	34
Глава девятая	40
Глава десятая	45
Глава одиннадцатая	48
Глава двенадцатая	52
Глава тринадцатая	55
Глава четырнадцатая	59
Глава пятнадцатая	61
Глава шестнадцатая	66
Глава семнадцатая	71
Глава восемнадцатая	75
Глава девятнадцатая	79
Глава двадцатая	81
Глава двадцать первая	83
Глава двадцать вторая	86
Глава двадцать третья	90
Глава двадцать четвертая	94
Глава двадцать пятая	98
Глава двадцать шестая	101
Глава двадцать седьмая	105
Глава двадцать восьмая	109
Глава двадцать девятая	114
Глава тридцатая	117
Глава тридцать первая	120
Глава тридцать вторая	123
Глава тридцать третья	129
Глава тридцать четвертая	134
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Джеймс Дэшнер

Бегущий в Лабиринте (сборник)

James Dashner
THE MAZE RUNNER
THE SCORCH TRIALS
THE DEATH CURE

Перевод с английского Д. Евтушенко («Бегущий в Лабиринте») и Н. Абдуллина («Испытание огнем», «Лекарство от смерти»)

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Dystel & Goderich Literary Management и Andrew Nurnberg

© James Dashner, 2009, 2010, 2011
Школа перевода Баканова, 2012, 2013
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

* * *

Бегущий в лабиринте

*Посвящается Линетт.
За три года, пока я писал эту книгу, ты не усомнилась во мне ни
разу*

Глава первая

Он очнулся в холодном мраке и вдохнул затхлый пыльный воздух. С этого мгновения для него началась новая жизнь.

Раздался громкий металлический стук; пол дрогнул и вдруг ушел из-под ног. От внезапного толчка он упал и, неуклюже барахтаясь, попытался встать. Несмотря на холод, лоб покрылся капельками пота. Поднявшись, он оперся спиной о твердую металлическую стену, какое-то время скользил вдоль нее, затем уткнулся в угол. Сполз на пол, прижал колени к груди и крепко обхватил их руками, надеясь, что глаза скоро привыкнут к темноте.

После очередного толчка комната начала двигаться вверх, точь-в-точь как старый подъемник в горнорудной шахте.

Резкий скрежет цепей и вращающихся блоков, какой можно услышать лишь в цехах древнего завода, наполнил кабину, отражаясь от стен гулким эхом. Темный лифт продолжал подниматься, медленные покачивания взад-вперед вызывали тошноту. Совсем дурно стало, когда в нос ударил запах горелого машинного масла. Хотелось заплакать, но слезы не текли. Оставалось лишь сидеть и ждать.

Меня зовут Томас, – мелькнула далекая мысль.

Единственное, что он смог о себе вспомнить.

Происходящее не укладывалось в голове. Томас пытался трезво оценить окружающую обстановку и найти выход из создавшегося положения. В сознание разом ворвалось целое море информации – факты, образы, воспоминания, детали окружающего мира и того, как в нем все устроено. Томас увидел снег на деревьях, устланную листьями дорогу, зеленый луг, освещенный бледным светом луны, шумную городскую площадь с сотнями людей; вспомнил о том, как ест гамбургер и плавает в озере.

Но как он оказался в темном лифте, кто его родители и кто он вообще такой, бедняга вспомнить не мог. Он даже фамилии своей не знал. В памяти всплывали образы каких-то людей, однако понять, кто они, не получалось, – вместо лиц виделись лишь расплывчатые цветочные пятна. Он безуспешно силился припомнить хотя бы одного знакомого человека или обрывок разговора.

Плавно покачиваясь, лифт продолжал подниматься. Томас перестал обращать внимание на противный скрежет цепей, тянувших кабину вверх. Казалось, прошло уже много времени; сколько – точно сказать было невозможно: минуты растянулись в часы, а каждая секунда длилась целую вечность.

Как ни странно, первоначальный страх улетучился, словно рой мошкар, сметенный порывом ветра, и теперь его место заняло сильное любопытство. Очень хотелось понять, где он очутился и что, собственно, происходит.

Издав скрип, а затем глухой металлический звук, кабина резко остановилась, и сидевшего в углу Томаса неожиданным рывком отбросило на середину лифта. Опершись руками об пол, он явственно ощутил, что кабина постепенно перестает раскачиваться. Затем она окончательно замерла: наступила тишина.

Прошла минута. Еще одна. Томас покрутил головой. Темнота. Он снова ощупал стены, пытаюсь найти выход – ничего, лишь холодный металл. От отчаяния Томас застонал, и эхо, отразившись от стен, показалось зловещим завыванием смерти. Наконец эхо смолкло, и вновь наступила тишина. Он опять закричал, позвал на помощь, заколотил кулаками в стены.

Ничего.

Томас съезжился в углу, обхватив плечи руками и трясаясь от нахлынувшего страха. Сердце едва не выскакивало из груди.

– Кто-нибудь... помогите... помогите мне! – закричал он.

Каждое слово причиняло нестерпимую боль в горле.

Когда над головой раздался громкий лязг, Томас чуть не задохнулся. Он посмотрел вверх – потолок лифта разрежала тонкая полоска света, становившаяся все шире. Низкий скрипучий звук наводил на мысль о том, что кто-то с трудом поднимает тяжелые двойные створки. Томас отвернулся и заслонил лицо руками – после долгого времени, проведенного в кромешной темноте, яркий свет резал глаза.

Внутри все похолодело, когда он услышал над собой чьи-то голоса.

– Глянь-ка на этого шанка.

– Сколько ему лет?

– Выглядит как кланк, только в майке.

– Сам ты кланк, балда стебанутая.

– Черт, у кого-то ноги воняют!

– Надеюсь, путешествие в один конец тебе понравилось, Шнурок.

– Точно, обратного билета уже не будет, брат.

Чувство полнейшего замешательства овладело Томасом.

Странные голоса отдавались в голове эхом, некоторые слова он слышал впервые, другие казались отдаленно знакомыми. Прищурившись, он поднял голову к свету, чтобы понять, кто говорит. Поначалу Томас смог разглядеть лишь двигающиеся неясные силуэты, однако вскоре они оформились в человеческие фигуры – над люком в потолке лифта склонились люди и, глядя сверху вниз, указывали на него пальцами.

Зрение сфокусировалось – будто объектив фотокамеры: лица обрели резкость. Да, молодые парни – но разного возраста. Томас и сам толком не знал, что ожидал увидеть, однако отчего-то удивился: на него смотрели обычные подростки, почти дети. Страх немного отступил, хотя сердце продолжало бешено колотиться.

Кто-то сбросил вниз веревку с большой петлей на конце. Томас поколебался, затем просунул в петлю правую ступню, крепко ухватился за веревку, и его немедленно потащили наверх. К нему потянулись руки, множество рук, схватили за одежду и принялись вытаскивать из кабины. Все вокруг – лица людей, свет, яркие краски окружающего мира – замельтешило перед глазами, слившись в одно расплывчатое пятно. От нахлынувших эмоций свело живот и затошнило; хотелось кричать и плакать. Гул голосов утих, но когда ему помогли перебраться через острый край темной кабины, кто-то произнес:

– С прибытием, шанк. Добро пожаловать в Глэйд¹.

Томас почему-то был уверен, что никогда не забудет эти слова.

¹ Glade (англ.) – поляна, лужайка.

Глава вторая

Чьи-то руки поддерживали Томаса, пока он не смог стоять самостоятельно. Немного пошатываясь, ослепленный ярким светом, он отряхнул одежду. Его разбирало любопытство, но сильная слабость не позволяла толком рассмотреть, что происходит вокруг. Обступившие подростки молча наблюдали, как новичок крутит головой, пытаясь хоть что-то понять.

Под любопытными взглядами он сделал несколько неуверенных шагов. Раздались смешки, кто-то ткнул в Томаса пальцем. Тут было по меньшей мере полсотни человек самого разного роста, телосложения, возраста и национальности. Все с волосами разной длины и в грязной, пропитанной потом одежде, словно эти люди занимались тяжелым физическим трудом.

Ничего не понимая, Томас смотрел то на подростков, то на ландшафт необычного места, в котором очутился. Они находились в центре огромной площади размером с несколько футбольных полей, окруженной четырьмя циклопическими стенами из серого камня, местами густо увитыми плющом. Стены, высота которых, вероятно, была не меньше нескольких сотен футов, образовывали идеальный квадрат. В центре каждой из его сторон зиял проход высотой во всю стену, ведущий, как отсюда показалось Томасу, в длинные ходы и коридоры.

– Гляньте на салагу, – раздался скрипучий голос; Томас не видел, кто это произнес. – Ему так понравились новые апартаменты, что он сейчас шею свернет.

Несколько парней засмеялись.

– Захлопнись, Галли! – грубо рявкнул кто-то.

Томас снова перевел взгляд на окруживших его незнакомцев. Высокий белокурый парень с квадратной челюстью и безучастным лицом, глядя на него, хмыкнул. Другой, коренастый, смотрел на Томаса круглыми от удивления глазами, нервно переминаясь с ноги на ногу. Еще один, плотный мускулистый юноша с азиатской внешностью и высоко закатанными рукавами, обнажавшими бицепсы, также внимательно изучал Томаса. А темнокожий, тот самый, что поприветствовал Томаса, нахмурился. Остальные разглядывали Томаса с не меньшим интересом.

– Где я? – спросил Томас, поразившись забытому звуку собственного голоса.

– В дрянном местечке, – произнес темнокожий. – Расслабься и наслаждайся жизнью.

– Кто будет его куратором? – выкрикнули из толпы.

– Да ты только глянь на эту кучу кланка, балда стебанутая! Как пить дать, станет слопером!

Толпа отозвалась дружным смехом, как будто подростки в жизни не слышали ничего забавнее.

От обилия слов, значения которых Томас не понимал, он и вовсе растерялся. Шанк, кланк, куратор, слопер... Подростки обменивались этими словами с такой легкостью, что казалось странным, почему он их не понимает. Наверное, вместе с памятью он утратил и часть словарного запаса... Да, неприятно.

Смятение, любопытство, паника, страх – его переполняла целая гамма чувств. Но главенствовало все-таки тягостное ощущение безысходности, словно прошлая жизнь закончилась, была стерта из памяти и заменена чем-то пугающим. Хотелось убежать и спрятаться.

– ...даже в этом случае. Ставлю на кон свою печенку, – донесся давешний скрипучий голос.

Томас по-прежнему не видел лица говорившего.

– Заткнитесь, я сказал! – прикрикнул темнокожий парень. – Еще одно слово – и следующий перерыв будет сокращен вполтину!

Должно быть, их главарь, решил Томас. Нескрываемое любопытство парней смущало, и он сосредоточился на осмотре места, которое темнокожий назвал Глэйдом.

Площадь была выложена массивными каменными блоками, из трещин и стыков которых торчали пучки высокой травы и бурьяна. В одном из углов площади находилась ветхая деревянная постройка странного вида, который сильно контрастировал с серой каменной стеной. Строение окружали несколько деревьев – их корни цеплялись за каменное основание, будто узловатые руки. В другом углу виднелось что-то вроде огорода – отсюда Томас смог разглядеть кукурузу, кусты томатов и какие-то фруктовые деревья.

В противоположной стороне он заметил небольшие дощатые загоны для овец, коров и свиней. Наконец, четвертый угол скрывали заросли деревьев; ближайшие были чахлыми – казалось, что они вот-вот засохнут. Было очень светло, однако солнца на голубом и безоблачном небе Томас не увидел. Ни о сторонах света, ни о времени по отбрасываемым стенами теням судить было невозможно – сейчас могло быть как раннее утро, так и поздний вечер. Пытаясь успокоиться, Томас глубоко вдохнул и уловил целый букет запахов: свежевспаханная почва, навоз, хвоя, что-то гниющее, какой-то приятный аромат. Почему-то он был уверен, что так пахнет ферма.

Томас снова посмотрел на пленивших его людей; несмотря на смущение, ему страшно хотелось буквально засыпать их вопросами.

Пленник, – подумал он. – *Почему это слово всплыло в памяти?*

Он всматривался в лица, стараясь оценить, с кем имеет дело. Глаза одного из юношей горели нескрываемой ненавистью, и Томас невольно поежился. У парня настолько злобный вид, что напади он сейчас на Томаса с ножом, тот бы нисколько не удивился. Черные волосы юноши упали на глаза, он отбросил их назад резким движением головы, после чего развернулся и пошел к блестящему металлическому шесту рядом с деревянной лавкой. На вершину шеста пополз разноцветный флаг, вяло повисший в неподвижном воздухе.

Томас в изумлении наблюдал, как, подняв флаг, парень повернулся и сел на лавку. Томас быстро отвел глаза.

Внезапно лидер группы – на вид ему было лет семнадцать – сделал шаг вперед. Одет он был вполне привычно – в черную футболку, джинсы и кроссовки, на руке красовались электронные часы. Было странно видеть обычно одетого человека: Томас почему-то решил, что каждый здесь должен носить нечто более мрачное, что-то наподобие тюремной робы. Волосы темнокожего были коротко подстрижены, а лицо – тщательно выбрито. За исключением постоянно хмурого взгляда, в его облике не было ничего угрожающего.

– Это долгая история, шанк, – произнес он. – Постепенно ты все узнаешь – завтра я возьму тебя на экскурсию. А до тех пор... постарайся ничего не сломать. Я – Алби.

Протянув руку, темнокожий молча ждал рукопожатия.

Не отдавая себе отчета, Томас отвернулся от Алби, молча побрел к ближайшему дереву и сел под ним, опершись спиной о шершавый ствол. Его вновь охватил почти невыносимый страх, но он глубоко вдохнул и попытался заставить себя не паниковать. *Просто смирись. Если поддашься страху, не сможешь разобраться в ситуации.*

– Так расскажи, – произнес Томас срывающимся голосом. – Расскажи мне долгую историю!

Алби удивленно оглянулся на приятелей.

Томас снова окинул взглядом толпу: его первоначальная оценка оказалась верной – здесь было человек пятьдесят–шестьдесят самого разного возраста, как совсем еще дети, так и подростки постарше, вроде Алби. Тот выглядел одним из самых старших. И вдруг Томас с ужасом понял, что совсем не помнит, сколько лет ему самому.

– Нет, серьезно, – спросил он, оставив всякую попытку скрыть страх. – Где я?

Алби подошел к Томасу и сел напротив, скрестив ноги; за ним последовали и другие ребята, сгрудившись позади. Всем хотелось видеть говорящих получше, поэтому подростки толкались и вытягивали головы.

– Если тебе не страшно, – начал Алби, – значит, ты не нормальный человек, а псих. Будешь вести себя не как все – сброшу с Обрыва.

– Обрыва?.. – переспросил Томас, побледнев.

– Ладно, забей. – Алби потер глаза. – Невозможно объяснить все сразу, понимаешь? Мы тут не убиваем шанков вроде тебя. Гарантирую. Но тебе придется постараться не быть убитым. Или выжить. Называй как хочешь.

Алби умолк.

Томас почувствовал, как кровь отхлынула от лица.

– Слушай, – тяжело вздохнул Алби, проведя пальцами по коротко стриженным волосам, – я не силен в таких вещах. Ты у нас первый Салага с тех пор, как убили Ника.

От этих слов у Томаса перехватило дыхание.

Из толпы вышел какой-то парень и, подойдя к Алби, отвесил тому шуточный подзатыльник.

– Дождись, когда поведешь его на гребаную экскурсию, Алби, – произнес он хриплым голосом с необычным акцентом. – Не видишь, парень совсем перепугался? Первый раз слышит о таких вещах. – Он наклонился и протянул Томасу руку. – Меня зовут Ньют, и мы все будем очень признательны, Шнурок, если ты простишь нашего нового кланголового босса.

Томас пожал ему руку – в отличие от темнокожего, Ньют казался более дружелюбным. Ростом он был чуть выше Алби, но выглядел немного моложе – на год или около того. Длинные светлые волосы спадали по обтянутой футболкой спине, на мускулистых руках выступали вены.

– Брось, – проворчал Алби, жестом приглашая товарища сесть рядом. – Он понимает едва ли половину из того, что я говорю.

Раздались редкие смешки. Чтобы лучше слышать Ньюта и Алби, окружающие подступили почти вплотную к ним.

Алби широко развел руки ладонями вверх.

– Это место называется Глэйд. Здесь мы живем, едим и спим. Себя мы называем глэйдерами. Это все, что пока...

– Кто отправил меня сюда? – требовательно спросил Томас. Страх уступил место злости. – И как...

Не успел он договорить, как рука Алби метнулась к Томасу и ухватила его за майку.

– Поднимайся, шанк! Вставай! – Алби вскочил на ноги, потащив за собой Томаса.

Обескураженный Томас встал и пятился от надвигающегося на него Алби, пока не уперся спиной в дерево.

– Не стоит меня обрывать, щенок! – рявкнул Алби ему прямо в лицо. – Слушай, придурок, если бы мы рассказали тебе все сразу, ты наделал бы полные штаны кланка прямо тут, а то и вообще помер бы со страха! А потом чистильщики выкинули бы тебя куда подальше, потому что пользы от тебя уже не было бы никакой!

– Не врубаюсь, о чем ты толкуешь, – медленно произнес Томас, отметив, однако, что голос наконец-то обрел твердость.

К Алби подскочил Ньют и обхватил того за плечи.

– Остынь, Алби, только хуже сделаешь. Не понимаешь разве?

Тяжело дыша, Алби отпустил майку Томаса.

– Нет времени любезничать, Салага. Старая жизнь закончилась. Началась новая. Учись быстро, слушай других и помалкивай. Сечешь?

В поисках поддержки Томас посмотрел на Ньюта. Внутри все kloкотало, глаза горели от наворачивающихся слез.

Ньют кивнул.

– Слышал, что он сказал, Шнурок?

Томас кипел от злости, страшно хотелось наброситься на кого-нибудь с кулаками, но он просто ответил:

– Да.

– Лады, – сказал Алби. – Первый День – вот что для тебя сегодня, шанк. Надвигается ночь, и скоро вернутся бегуны. Сегодня Ящик прибыл поздно, так что на экскурсию времени не осталось. Прогуляемся завтра, сразу после подъема. – Он повернулся к Ньюту. – Обеспечь его лежанкой. Пусть поспит.

– Лады, – ответил Ньют.

Алби пристально посмотрел на Томаса.

– Спустя несколько недель ты освоишься, шанк. Будешь наслаждаться жизнью и нам помогать. Каждому было тяжело в Первый День, ты – не исключение. С завтрашнего дня у тебя начнется новая жизнь.

Он повернулся и сквозь расступившуюся толпу зашагал к покосившейся деревянной постройке в углу. Остальные начали расходиться, напоследок бросая на новичка долгие взгляды.

Томас скрестил руки, закрыл глаза и глубоко вздохнул. Пустота, выедавшая его изнутри, быстро уступила место такой печали, что от нее закололо в сердце. Навалилось слишком много. Где он? Что это за место? Какое-то подобие тюрьмы? Если так, за что его отправили сюда и на какой срок? Язык здешних обитателей непривычен, а их самих, казалось, вообще не беспокоит, будет он жить или умрет.

Вновь подступили слезы, но Томас сдержался.

– Что я такого сделал? – прошептал он, не рассчитывая, что его кто-то услышит. – Почему меня бросили сюда?

– Мы все прошли через это, Шнурок. – Ньют похлопал Томаса по плечу. – У всех нас был Первый День, и каждого когда-то вытащили из темного Ящика. Не скрою, у тебя большие неприятности, а дальше может быть еще хуже. Но пройдет время, и ты станешь настоящим бойцом без страха и упрека. Видно, что ты не какой-нибудь долбаный слюняй.

– Это тюрьма? – спросил Томас. В сумраке сознания он безуспешно пытался отыскать малейший проблеск, который позволил бы вспомнить прошлое.

– Слишком много вопросов, – сказал Ньют. – Ничего обнадеживающего ответить не могу. Во всяком случае, пока. Сейчас постарайся успокоиться и прими положение как данность – утро вечера мудренее.

Томас промолчал, понурив голову и разглядывая под ногами трещины в камнях. Вдоль края одного из каменных блоков росла полоска бурьяна с мелкими листочками. Крохотные желтые цветочки тянулись вверх, словно пытались дотянуться до солнца, скрытого исполинскими стенами Глэйда.

– Думаю, Чак будет тебе хорошим напарником, – продолжал Ньют. – Толстяк малость неуклюж, зато отличный собеседник, когда все дела сделаны. Побудь здесь. Я скоро вернусь.

Едва он успел закончить фразу, как воздух прорезал истошный вопль – высокий, пронзительный, почти нечеловеческий крик эхом разнесся по выложенной камнем площади, заставив обернуться всех, кто на ней находился. От мысли, что вопль раздался из деревянной постройки, у Томаса кровь застыла в жилах.

Даже Ньют подскочил, как ужаленный.

– Вот хрень! На десять минут нельзя отлучиться без того, чтобы медаки не начали истязать бедолагу! – Он покачал головой и слегка пнул Томаса ногой. – Найди Чака и передай, что я поручил ему позаботиться о твоём спальном месте.

Сказав это, он со всех ног помчался к постройке.

Томас сполз на землю по грубой коре дерева, оперся спиной о ствол и закрыл глаза. Как бы ему хотелось, чтобы все происходящее оказалось лишь кошмарным сном!

Глава третья

Томас долго сидел так, будучи не в силах пошевелиться. Наконец он заставил себя посмотреть в сторону кособокой постройки. Возле нее крутилась группа мальчишек, которые то и дело беспокойно поглядывали на верхние окна, будто ожидали, что вот-вот случится взрыв и оттуда в туче осколков стекла и щепок на них вылетит какая-нибудь омерзительная тварь.

Внимание Томаса привлек странный стрекочущий звук. Он посмотрел вверх и успел заметить бледный красный огонек, тут же скрывшийся в ветвях. Томас поднялся и обошел дерево с другой стороны, вытягивая шею и стараясь понять, откуда исходит стрекотание, но не увидел ничего, кроме голых серо-коричневых веток, вытянувшихся словно костлявые пальцы и придававших дереву сходство с живым существом.

– Это один из этих... жуков-стукачей, – произнес кто-то.

Томас обернулся – рядом стоял невысокий пухлый мальчуган. Совсем юный – вероятно, самый молодой из всех, кого Томас успел здесь встретить; на вид ему было лет двенадцать-тринадцать. Длинные темные волосы, заложенные за уши, доходили до плеч, на румянном круглом лице блестели грустные голубые глаза.

Томас кивнул ему.

– Жуков... каких, говоришь, жуков?

– Стукачей, – повторил мальчик, указывая на верхушку дерева. – Если у тебя хватит ума не лезть к нему первым, он тебя не тронет, – он сделал паузу, – шанк.

Кажется, парнишке было неловко произносить последнее слово, будто диалект Глэйда по-прежнему оставался ему чуждым.

Опять раздался леденящий душу вопль – на сей раз более протяжный, – от которого Томаса прошиб холодный пот.

– Что там происходит? – спросил он, показывая на постройку.

– Не знаю, – ответил круглолицый мальчик высоким детским голоском. – Это Бен. Ему здорово досталось. Все-таки *они* до него добрались.

– *Они?*..

Зловещий тон, каким мальчик произнес это слово, Томасу очень не понравился.

– Ага.

– Кто – они?

– Надеюсь, тебе не придется это почувствовать на собственной шкуре, – ответил парнишка как-то слишком уж спокойно и непринужденно. Он протянул руку. – Меня зовут Чак. Пока не появился ты, я считался Салагой.

Так вот кто должен позаботиться о моем ночлеге, – подумал Томас. Мало того, что он не мог избавиться от чувства полнейшего дискомфорта, так теперь еще и был раздражен. От непонимания происходящего разболелась голова.

– Почему все называют меня Салагой? – спросил он Чака, коротко пожав тому руку.

– Потому что ты самый новый из всех новичков. – Чак ткнул в Томаса пальцем и засмеялся.

Из дома вновь донесся душераздирающий крик, похожий на рев животного на скотобойне.

– Как ты можешь смеяться? – поразился Томас, напуганный загадочным воплем. – Такое впечатление, будто там кто-то умирает.

– Все с ним будет нормально. Никто еще не умер, если успевал получить сыворотку. Тут все – или ничего. Смерть или жизнь. Просто очень болезненно.

– Что – болезненно? – спросил Томас, выдержав небольшую паузу.

Глаза Чака забегали.

– Ну... когда жалят гриверы.

– Гриверы?

Томас все больше заходил в тупик. *Жалят... Гриверы...* Услышав слова, от которых веяло чем-то зловещим, он уже не был уверен, что хочет знать подробности.

Чак пожал плечами и, закатив глаза, отвернулся.

Томас досадливо вздохнул и вновь прислонился к дереву.

– Сдается, ты знаешь не намного больше меня, – слукавил он.

Его амнезия была очень странной. Томас помнил, как устроен мир в общем и целом, но многие детали – например, лица людей и их имена – напрочь вылетели из головы. Как если бы в новой книге отсутствовало каждое десятое слово, отчего смысл понять невозможно. Томас не помнил даже своего возраста.

– Чак... как ты думаешь, сколько мне лет?

Мальчик окинул его взглядом с ног до головы.

– Я бы сказал, шестнадцать. Рост примерно метр восемьдесят, шатен... если тебя это интересует. А еще: ты выглядишь хуже, чем обжаренный на костре кусок печенки. – Он хихикнул.

Томас был поражен настолько, что последних слов уже не слышал. Шестнадцать?! Неужели ему всего шестнадцать? Он-то ощущал себя куда более взрослым.

– Ты серьезно? – Он умолк, пытаясь подобрать нужное слово. – Как...

Томас почувствовал себя совсем плохо.

– Успокойся. Первые дни будет очень погано, потом привыкнешь. Как я, например. Всяко лучше, чем жить в куче кланка. – Он искоса посмотрел на Томаса, будто ожидая нового вопроса. – Кланком мы называем дерьмо. Когда дерьмо падает в ночной горшок, оно издает звук, похожий на «кланк».

Томас уставился на Чака, не веря ушам.

– Офигеть, – только и смог он вымолвить.

Томас встал, прошел мимо Чака и направился к обветшалому дому, который нелепым пятном выделялся на фоне массивной каменной стены. Определение «развалина» подходило к его внешнему виду, пожалуй, лучше всего: в высоту дом выглядел как трех– или четырехэтажное здание, но складывалось впечатление, что он в любую минуту готов завалиться. Судя по нелепому нагромождению балок, досок, окон и толстых веревок, дом, видимо, сколотили в большой спешке.

Проходя через площадь, Томас уловил отчетливый запах дыма и аромат жарящегося на огне мяса. В животе заурчало. Теперь, когда Томас узнал, что кричал всего лишь покусанный мальчик, ему стало легче. Конечно, если не думать, кто именно покусал...

– Как тебя зовут? – спросил Чак, стараясь поспеть за Томасом.

– Что?

– Твое имя. Ты нам до сих пор не сказал. Наверняка ты его помнишь.

– Томас.

Он едва слышал собственный голос. Его мысли направились в новое русло: если Чак прав, тогда Томас только что выявил нечто общее между обитателями Глэйда. Потеря памяти у всех была похожей – они помнили собственные имена, но почему-то забыли, как зовут их родителей и друзей. И почему-то никто здесь не помнил своей фамилии.

– Рад знакомству, Томас, – сказал Чак. – Не беспокойся, я позабочусь о тебе. Я тут уже целый месяц и знаю Глэйд вдоль и поперек. Положись на меня.

У входа в дом-развалюху, где толпилась группа мальчишек, Томаса внезапно обуял приступ раздражения. Он резко обернулся и, приблизившись к Чаку вплотную, бросил тому прямо в лицо:

– Ты даже на мои вопросы толком ответить не можешь!

Удивившись собственной решительности и отваге, он повернулся и пошел к двери с твердым намерением войти внутрь и получить ответы.

Чак пожал плечами.

– Ну а что толкового я могу тебе рассказать?! Я ведь еще новичок, как и ты. Но я мог бы стать тебе другом...

– Мне не нужны друзья! – отрезал Томас.

Потянув на себя дверь, сбитую из выцветших на солнце досок, Томас увидел нескольких парней. Они стояли у лестницы, ступеньки и поручни которой были настолько кривыми, что буквально торчали во все стороны. Стены холла и коридора покрывали обои мрачного цвета, местами ободранные, а на одной из них висел черно-белый портрет какой-то женщины, одетой в старомодное белое платье. Единственным предметом мебели здесь был стол на трех ножках. Все это смахивало на дом с привидениями. Тут даже некоторых половиц не хватало.

Пахло пылью и плесенью, что сильно контрастировало с приятными ароматами снаружи. С потолка свисали помаргивающие флуоресцентные лампы, но Томасу некогда было задуматься, откуда в Глэйде электричество. Сейчас его внимание было приковано к женщине на портрете. Неужели она жила здесь когда-то и помогала местным обитателям?

– Эй, глянь-ка, Салага пришел.

Томас вздрогнул, когда понял, что это произнес тот самый черноволосый парень, совсем недавно глядевший на него со смертельной ненавистью. Выглядел он лет на пятнадцать, долговзый и худой. Нос был размером с маленький кулак и напоминал картофелину неправильной формы.

– Видать, шанк совсем обделался, когда услышал, как визжит старина Бенни. Может, тебе подгузник сменить, кланкорожий?

– Меня зовут Томас.

Он не знал, как себя дальше вести, да и не хотелось связываться, поэтому, не произнеся больше ни слова, двинулся к лестнице – ближайшему пути к отступлению. Задира мгновенно преградил ему собой путь, выставив руку.

– Туда нельзя, Шнурок. – Он указал большим пальцем на потолок. – Новичкам запрещено смотреть на... ужаленных. Ньют и Алби этого не одобряют.

– А в чем проблема? – сказал Томас, пытаясь скрыть страх и не думать о том, что парень подразумевал под словом «ужаленный».

– Послушай меня, Салага. – Подросток скрестил руки на груди и нахмурился. – Я видел тебя раньше. Как-то подозрительно мне, что ты у нас здесь появился...

– А вот я никогда в жизни тебя не видел, понятия не имею, кто ты такой, и мне абсолютно на тебя наплевать, – прошипел Томас.

Парень коротко рассмеялся, затем посерьезнел и нахмурился.

– Я видел тебя, шанк. Не очень многим в этих краях довелось быть покусанными. – Он указал пальцем вверх. – Я один из них. Я знаю, каково сейчас Бенни. Я был там. Я видел тебя во время Метаморфозы. – Он ткнул Томасу пальцем в грудь. – Готов спорить на твой первый ужин у Фрайпана², что Бенни тоже тебя видел.

Томас продолжал молча смотреть в глаза задире. Им снова овладел страх. Неужели этот кошмар никогда не закончится?

– Слово «гривер» заставило тебя обмочиться? – ехидно усмехнулся парень. – Поджилки трясутся? Небось не хочешь быть покусанным, а?

Вот опять. *Покусанный*. Томас попытался отогнать от себя тревожные мысли и указал на лестницу, откуда по всему дому эхом разносились стоны.

– Если Ньют там, я должен с ним поговорить.

² Fry pan (англ.) – сковорода.

Парень несколько секунд сверлил Томаса взглядом, затем кивнул.

– А знаешь, ты прав, Томми. Мне не следует быть таким грубым с новичками. Ступай наверх. Уверен, Алби и Ньют все тебе объяснят. Серьезно, иди. И извини меня.

Он слегка похлопал Томаса по плечу, а потом шагнул назад и жестом пригласил пройти. Томас понимал: тот что-то затевает – отсутствие некоторых фрагментов памяти отнюдь не превратило его в идиота.

– Как тебя зовут? – спросил Томас, раздумывая, стоит ли вообще подниматься.

– Галли. Кстати, не позволяй вводить себя в заблуждение. Настоящий лидер тут – я, а совсем не те двое чокнутых шанков наверху. Заруби себе на носу. Можешь называть меня Капитан Галли, если хочешь.

Впервые он улыбнулся. Зубы были под стать уродливому носу: двух-трех не хватало, а остальные нельзя было назвать белыми даже при всем желании. Зловонное дыхание Галли напомнило Томасу о чем-то отвратительном из прошлой жизни.

– Есть, Капитан Галли! – ответил он, чувствуя, что еще немного – и его вывернет наизнанку. Страшно захотелось выругаться и двинуть Галли по физиономии.

Ощувив прилив адреналина, Томас демонстративно откозырял ему.

В толпе раздалась сдержанные смешки. Галли побагровел, обернулся, потом снова с ненавистью вперил взгляд в Томаса. Его лоб прорезали глубокие морщины, ноздри на огромном носу раздулись.

– Давай, поднимайся. И держись от меня подальше, ушмарок. – Он снова указал пальцем вверх, не сводя при этом глаз с Томаса.

– Как скажешь.

Томас еще раз окинул взглядом окружающих. От растерянности, смущения и злости к лицу прилила кровь. Никто, кроме Чака, стоявшего в двери и качавшего головой, не шелохнулся, чтобы его остановить.

– Не надо, – сказал мальчик. – Ты новичок и не имеешь права туда идти.

– Ну, поднимайся! – повторил Галли. – Чего стоишь?

Томас успел пожалеть, что вообще зашел в дом, но стремление поговорить с Ньютом было непреодолимо.

Он начал подниматься по лестнице. Каждая ступенька угрожающе скрипела под его весом, и если бы не желание поскорее выкрутиться из неловкой ситуации, Томас трижды подумал бы, стоит ли идти дальше, рискуя провалиться сквозь гнилые доски. Он продолжал подниматься, вздрагивая от малейшего скрипа, достиг площадки, свернул налево и оказался в длинном коридоре с поручнями вдоль стен и несколькими дверями. Только из-под одной из них сквозь щель пробивался свет.

– Метаморфоза! – крикнул Галли снизу. – Посмотри, что тебя ждет, хмырина кланкорозяя!

Издавка подстегнула Томаса, придав смелости. Не обращая внимания на треск половиц под ногами и улюлюканье снизу, он подошел к входу в освещенную комнату, медленно повернул медную ручку и приоткрыл дверь.

Ньют с Алби склонились над кем-то, лежащим на кровати.

Томас вытянул шею, чтобы лучше рассмотреть «пациента» и понять, что вызвало такой переполох.

От увиденного на голове зашевелились волосы, а к горлу подступил ком.

Взгляд был мимолетным – всего несколько секунд, – но и этого было достаточно. Конечности и обнаженная грудь мальчика были покрыты густой сетью вздутых вен необычно зеленого цвета, выпирающих из-под кожи, словно веревки. Тело дергалось и корчилось – все в багровых синяках, красных язвах и кровавых порезах. Налитые кровью глаза вылезали из орбит. Картина успела врезаться в память Томасу прежде, чем перед ним вырос Алби. Вытолкнув

Томаса из комнаты, он захлопнул за собой дверь, которая, впрочем, не могла заглушить стоны и крики несчастного.

– Что ты тут делаешь, Шнурок?

Томас почувствовал себя совсем плохо.

– Я... я хотел поговорить, – пролепетал он дрожащим голосом.

Что могло произойти с тем парнем?..

– Проваливай отсюда! Немедленно! – приказал Алби. – Чак тебе поможет. И если до завтрашнего утра ты еще хоть раз попадешься мне на глаза, этот день станет для тебя последним. Я лично сброшу тебя с Обрыва! Ты понял?

От унижения и страха Томас будто уменьшился до размеров маленькой крысы. Он молча юркнул мимо Алби и почти бегом спустился по шатким ступенькам. Не обращая внимания на детей, изумленно разинувших рты – в особенности на Галли, – Томас выскочил наружу, схватив Чака за руку и увлекая за собой.

Томас ненавидел их. Всех. Кроме Чака.

– Пожалуйста, уведи меня!

Он вдруг понял, что Чак – его единственный друг во всем мире.

– Нет проблем, – бодро ответил тот – явно в восторге от собственной значимости. – Сначала заглянем к Фрайпану и возьмем для тебя какой-нибудь еды.

– Не уверен, что после увиденного ко мне когда-нибудь вернется аппетит.

Чак кивнул.

– Вернется, будь спок. Встретимся у того самого дерева. Я буду минут через десять.

Томас был безумно рад убраться подальше от страшного дома, поэтому направился назад к дереву. Стоило ему представить, как непросто будет здесь выжить, как возникло желание бежать отсюда со всех ног. Жутко захотелось вспомнить что-нибудь из прошлой жизни. Хоть малейшую деталь – мать, отца, какого-нибудь друга, школу, увлечение, подружку...

Он несколько раз сильно зажмурился, стараясь выбросить из головы картину того, что увидел в старом доме.

Метаморфоза. Галли назвал это *Метаморфозой*.

Томас поежился, хотя было совсем не холодно.

Глава четвертая

Прислонившись спиной к дереву, Томас еще раз окинул взглядом Глэйд – свой новый дом, кошмарное пристанище, в котором он обречен провести, возможно, весь остаток жизни. Тень от увитой плющом стены вытянулась настолько, что уже наползла на край противоположной стены.

Это помогло немного сориентироваться: деревянная хибара, погруженная сейчас в густую тень, находилась в северо-западном углу, а небольшой лес – на юго-западе. Сельскохозяйственный участок занимал северо-восточную часть Глэйда. В юго-восточной стороне мычала, блеяла и кукарекала всякая домашняя живность.

Прямо в центре площади зиял все еще незакрытый люк Ящика – словно приглашал снова прыгнуть в него и вернуться домой, – а неподалеку, примерно футах в двадцати к югу, располагалась какая-то приземистая будка, сложенная из бетонных блоков. В будке не было ни единого окна, виднелась только мрачного вида тяжелая стальная дверь с большой круглой ручкой наподобие колеса, вроде тех, какие используют для задривания люков на подлодках. Глядя на будку, Томас и сам не понимал, что сейчас чувствует острее: любопытство и желание узнать, что находится внутри, или боязнь очередного страшного открытия.

Едва он переключил свое внимание на проходы в центре каждой из четырех стен Глэйда, как подошел Чак, держа в руках пару сэндвичей, яблоки и две металлические кружки с водой. Чувство облегчения, охватившее Томаса, удивило даже его самого – в этом мире он был не совсем одинок.

– Фрайпан не обрадовался, что я пришел на кухню до ужина, – сказал Чак, усаживаясь под деревом и жестом приглашая Томаса сделать то же самое.

Томас сел, взял было сэндвич, но остановился: в памяти вновь всплыла чудовищная сцена в старом доме. Однако голод одержал верх, и он принялся за еду, ощутив во рту упоительный вкус ветчины, сыра и майонеза.

– О господи... – промычал Томас с набитым ртом. – Умираю с голоду.

– А я что говорил! – невнятно отозвался Чак, уплетая свой сэндвич.

Откусив еще несколько раз, Томас наконец-то задал давно мучивший его вопрос:

– Так что все-таки случилось с этим Беном? Он же на человека перестал быть похож.

Чак бросил взгляд на дом.

– Я и сам точно не знаю, – пробормотал он. – Я его не видел...

Томас понимал, что Чак врет, но решил не давить на мальчишку.

– Не думаю, что тебе бы понравился его вид, уж поверь мне, – сказал он, грызя яблоко.

Томас снова перевел взгляд на огромные просветы в стенах. Хотя отсюда и было плохо видно, ему показалось, что края каменных стен, ведущих в коридоры, какие-то странные. Глядя на стены, он вдруг почувствовал головокружение, словно не сидел у их основания, а парил над ними.

Он тряхнул головой и спросил:

– А там что? Какой-то замок, что ли?

Чак замялся.

– Гм... Ну... я отсюда никогда не выходил...

– Что-то ты темнишь, – сказал Томас, отправив в рот последний кусок яблока и делая большой глоток из кружки.

До сих пор ему никто ничего толком не объяснил, и это начинало действовать на нервы.

– Почему все здесь такие скрытные?

– Так уж сложилось. В этом местечке творятся очень странные вещи, и большинство из нас не знает всей правды. В лучшем случае – половину.

Чака, видимо, все это нисколько не беспокоило. Он был совершенно равнодушен к тому, что у него отобрали прошлое. Да, похоже, с ребятами что-то не так...

Томас встал и пошел в направлении восточного прохода.

– Никто мне не говорил, что я не имею права осмотреться.

Хотелось узнать об этом месте хоть что-нибудь, чтобы не сойти с ума.

– Эй, погоди! – крикнул Чак, пытаясь догнать Томаса. – Будь осторожен. Эти штуковины вот-вот закроются.

– Закроются? Ты про что?

– Да про ворота, шанк!

– Ворота? Что-то я не вижу никаких ворот.

Впрочем, Томас был уверен, что просто так пугать Чак не станет. Было ясно – он упускает что-то очевидное. От этой мысли стало не по себе, и Томас замедлил шаг, уже не очень уверенный в том, стоит ли приближаться к стене.

– А как бы ты назвал эти большие проходы? – Чак указал на невероятно высокие проемы в стенах. Сейчас ребята находились в каких-то тридцати футах от них.

– Я бы назвал их *большими проходами*.

– Так вот, это ворота. И на ночь они всегда закрываются.

Томас остановился, размышляя над словами Чака. Что-то не сходилось. Он поднял глаза, посмотрел по сторонам и уставился на массивные каменные стены, ощущая, как недоумение постепенно перерастает в откровенную тревогу.

– В каком смысле – *закрываются*?

– Сейчас сам все увидишь. Скоро вернутся бегуны. Потом большие стены сдвинутся, и проход закроется.

– Да ты бредишь, – пробормотал Томас.

Как можно сдвинуть эти исполинские стены? Чуть. Он пожал плечами и успокоился, решив, что Чак просто его дурачит.

Наконец они добрались до огромного просвета в стене, ведущего наружу – в длинные каменные коридоры. Разинув рот, Томас смотрел в проход: от увиденного у него перехватило дыхание.

– Восточные Ворота, – объявил Чак с такой гордостью, будто сам их построил.

Томас его почти не слушал, пораженный тем, насколько большим оказался просвет с близкого расстояния. В ширину он был не меньше двадцати футов и уходил высоко вверх до самого края стен, чьи торцы, обрамляющие проходы, были гладкими, за исключением одной странной детали: с левой стороны Восточных Ворот виднелось множество глубоких отверстий диаметром в несколько дюймов. Отверстия были просверлены прямо в камне, начинались у самого подножия стены и уходили вверх с интервалом примерно в фут. При этом из правого торца Ворот, прямо напротив отверстий, выступали штыри – также несколько дюймов в диаметре и длиной в фут. Назначение конструкции угадывалось безошибочно.

– Так ты не шутишь? – спросил Томас. Его снова охватило волнение. – Стены и правда двигаются?

– А что я еще мог иметь в виду?

Томасу потребовалось какое-то время, чтобы собраться с мыслями.

– Ну, не знаю. Я думал, есть какая-то обычная дверь или небольшая стенка, которая выдвигается из основной стены. Не пойму, как такие громадины могут перемещаться. Да они небось здесь тыщу лет так стоят!

От мысли, что стены могут сомкнуться и замуровать его внутри Глэйда, как в ловушке, стало очень неуютно.

Чак всплеснул руками.

– Да понятия не имею! Знаю только, что они двигаются, причем с грохотом. То же самое происходит и в других частях Лабиринта: стены там перемещаются каждую ночь.

От услышанного Томаса словно пронзило током. Он повернулся к мальчику.

– Что ты сказал?

– То есть?

– Ты сказал – «лабиринт». Сказал: «То же самое происходит и в других частях лабиринта».

Чак покраснел.

– Я устал от твоих вопросов. С меня хватит.

Он пошел назад к дереву, под которым они только что ели.

Томас крепко задумался. Что находится за пределами Глэйда? *Лабиринт?* Сквозь Восточные Ворота прямо перед собой он видел коридоры, уходящие налево, направо и прямо. Стены коридоров выглядели точь-в-точь как те, что огораживали Глэйд, да и пол был вымощен похожими массивными каменными блоками. Но заросли плюща там казались более густыми. В отдалении виднелось еще несколько просветов в стенах, ведущих в новые коридоры, а еще дальше, примерно в сотне ярдов, был прямой ход, заканчивающийся тупиком.

– И правда, смахивает на лабиринт, – прошептал Томас, нервно хихикнув.

Чудесно. Ему стерли память и бросили в гигантский лабиринт. Ситуация представлялась настолько абсурдной, что делалось действительно смешно.

И тут случилось неожиданное: из одного из правых ответвлений внезапно выскочил какой-то парень и побежал по главному коридору прямо на Томаса – в направлении Ворот, ведущих в Глэйд. Мальчишка с покрасневшим лицом, покрытый потом настолько, что одежда прилипла к телу, пронесся мимо, едва взглянув на Томаса, и, не сбавляя скорости, помчался к приземистой бетонной будке возле лифтовой шахты.

Томас проводил бегуна удивленным взглядом, не понимая, чего тот, собственно, так торопится. Почему бы ребятам не делать вылазки в Лабиринт?.. И тут он заметил, что и из остальных трех Ворот выскочили парни – не менее взмыленные, чем тот, который прошмыгнул мимо него. Что-то недоброе таилось в Лабиринте, если все они возвращались оттуда в такой спешке.

Выбежавшие собрались у металлической двери маленькой будки. Кряхтя от усилия, один из мальчиков пытался крутануть ржавое колесо. Так вот, значит, про каких бегунов говорил Чак. Интересно, а что они делали в Лабиринте?..

Тяжелая дверь наконец-то подалась, громко и противно лязгнув. Ребята общими усилиями распахнули дверь пошире и тут же скрылись внутри, с грохотом захлопнув ее за собой. Томас смотрел на все это, разинув рот и пытаясь найти происходящему хоть какое-нибудь объяснение. Да, было тут что-то такое, отчего по всему телу пробежали мурашки.

Кто-то дернул его за рукав, выводя из состояния задумчивости. Это вернулся Чак.

Томас тут же буквально набросился на него:

– Кто эти парни? Откуда они пробежали? Что это за будка такая? – Он повернулся и ткнул пальцем в сторону Восточных Ворот. – Почему вы вынуждены жить в центре этого чертового Лабиринта?

От гнетущего чувства непонимания происходящего буквально раскалывалась голова.

– А я больше ничего не скажу, – ответил Чак неожиданно твердо. – Думаю, тебе надо пораньше лечь спать и хорошенько выспаться. И... – тут он умолк и приложил правую руку к уху. – Начинается...

– Что?.. – спросил Томас, удивленно глядя на Чака. Сейчас тот говорил, как взрослый, и уже не вел себя словно маленький ребенок, которому очень хотелось видеть в Томасе друга.

Внезапно воздух сотряс оглушительный грохот, сопровождающийся чудовищным треском и хрустом. Томас подскочил на месте, попятился, споткнулся и упал. Вокруг все затряс-

лось, как при землетрясении. В панике Томас обернулся – стены пришли в движение. Они действительно ползли, запирая его в Глэйде, как в ловушке. От внезапного приступа клаустрофобии сдавило дыхание, легкие будто наполнились водой.

– Не волнуйся, Шнурок! – крикнул Чак сквозь грохот. – Это всего лишь стены!..

Томас был настолько поражен видом закрывающихся Ворот, что едва услышал его. Он кое-как поднялся и сделал несколько неуверенных шагов назад, чтобы лучше рассмотреть происходящее. В то, что он сейчас видел, было почти невозможно поверить.

Гигантская стена справа от них, пренебрегая всеми известными законами физики, ползла по земле, высекая искры и поднимая клубы пыли. От рокота дробящегося камня у Томаса завибрировали все кости. И тут он понял: двигается только *эта* стена. Она направлялась навстречу той, что слева, и собиралась вот-вот замуровать проход: штыри были готовы войти в отверстия.

Томас посмотрел на другие Ворота: по всем четырем сторонам Глэйда, смещаясь влево и перегораживая проходы, двигались правые стены.

Это невозможно!.. Ужасно захотелось убраться отсюда, в последний момент проскочить в закрывающийся створ Ворот и сбежать подальше от чертова Глэйда. Но здравый смысл одержал верх – в Лабиринте наверняка куда опаснее, чем здесь.

Он попытался представить себе, как работает вся конструкция. Очевидно, огромные каменные стены – сотни футов в высоту – скользили по земле, как раздвижные двери. В памяти промелькнул смутный образ из прошлой жизни. Томас постарался ухватиться за обрывок воспоминания, дополнить картину лицами, именами, окружающей обстановкой, но все растворилось в сумраке. Его пронзило щемящее чувство тоски.

Выступающие штыри правой стены плавно вошли в круглые отверстия левой, и стены сомкнулись. По Глэйду прокатился жуткий грохот. Все четыре прохода закрылись.

Томасу опять стало не по себе, по телу пробежала легкая дрожь, которая, впрочем, тут же исчезла. Внезапно он ощутил удивительное спокойствие.

– Вот это да!.. – выдохнул он, понимая, впрочем, что простое «вот это да» никак не соответствует масштабам увиденного.

– Фигня, как сказал бы Алби, – буркнул Чак. – Со временем привыкнешь.

Томас огляделся: теперь, когда они были наглухо замурованы в Глэйде, атмосфера этого места полностью изменилась. Он попытался понять, для чего закрывались выходы, но предположения были одно хуже другого: либо их запирали тут, как в тюрьме, либо ограждали от чего-то извне. Мысль о том, что в Лабиринте таится какая-то смертельная опасность, снова вывела Томаса из состояния душевного равновесия. Вернулся страх.

– Да пошли уже, – сказал Чак, дернув его за рукав. – Поверь, к ночи тебе лучше быть в постели.

Понимая, что выбора нет, Томас попытался справиться с бушующими в душе чувствами и побрел за мальчиком.

Глава пятая

Они оказались в густой тени между Хомстедом – так Чак назвал трехэтажную деревянную развалюху – и каменной стеной.

– И куда мы идем? – спросил Томас. Сейчас он думал одвигающихся стенах и о зловещем Лабиринте. Выходило плохо – в том смысле, что ум заходил за разум. Томас потряс головой и сделал слабую попытку пошутить: – Если ты рассчитываешь на поцелуй перед сном, не обольщайся.

Чак юмора не оценил.

– Заткнись и иди за мной.

Томас глубоко вздохнул и, пожав плечами, последовал за Чаком вдоль задней стены дома. Тихо, на цыпочках, они приблизились к небольшому мутному окошку, сквозь которое пробивался мягкий свет. Судя по звукам, внутри кто-то находился.

– Туалет, – прошептал Чак.

– И что? – насторожившись, спросил Томас.

– Люблю проделывать такие штучки. Перед сном лучшего развлечения и не придумаешь.

– Какие еще штучки? – Интуиция подсказывала Томасу, что Чак задумал что-то нехорошее. – Знаешь, я лучше...

– Молчи – и просто смотри.

Чак осторожно взобрался на большой деревянный ящик, стоявший прямо под окном, пригнулся, чтобы тот, кто находился внутри, не смог его заметить, а затем вытянул руку и легонько постучал по стеклу.

– Ты что творишь? – прошептал Томас. Более неудачного момента для выделывания подобных фокусов выбрать было трудно: там запросто мог оказаться Ньют или Алби. – Я только что попал к вам, и всякие неприятности мне совершенно без надобности!..

Чак, зажав рот ладонью, беззвучно смеялся. Не обращая внимания на Томаса, он снова постучал в окно.

В окне мелькнула чья-то тень, окошко открылась. Томас быстро отскочил и вжался в стену дома. Что за ерунда – какой-то сосунок смог подбить его на идиотскую выходку!.. Пока что Томас оставался незамеченным, но стоило тому, кто находился в туалете, высунуться из окна, и они попались.

– Кто там? – раздраженно заорал кто-то из уборной скрипучим голосом.

У Томаса перехватило дыхание, когда он понял, кто кричит – голос Галли он запомнил хорошо.

И тут резко, без предупреждения, Чак выпрямился перед окном и заорал что есть мочи. Судя по грохоту в туалете, шутка удалась, но, судя по последовавшим жутким ругательствам, Галли был явно не в восторге. Страх и неловкость одновременно охватили Томаса.

– Я тебя убью, хмырина кланкороя! – завопил Галли, но Чак уже успел спрыгнуть с ящика и теперь несся прочь.

Услышав, как Галли открывает внутреннюю дверь и выбегает из уборной, Томас похолодел.

Однако он быстро пришел в себя и рванул следом за своим новым и единственным другом, но едва завернул за угол, как нос к носу столкнулся с Галли, выскочившим из Хомстеда. Тот был похож на вырвавшегося на волю разъяренного дикого зверя.

– А ну иди сюда!.. – заорал Галли.

Внутри у Томаса от страха что-то екнуло. Похоже, сейчас ему крепко заедут по физиономии.

– Это не я! Клянусь!.. – крикнул он.

Впрочем, смерив противника взглядом, Томас решил, что бояться его, пожалуй, не стоит – Галли выглядел не настолько крепким, чтобы с ним нельзя было справиться.

– Не ты?! – рявкнул Галли, свирепо вращая глазами. – Тогда откуда ты знаешь, что что-то случилось, если не делал этого?

Томас ничего не ответил. Он уже немного успокоился.

– Я не дурак, Шнурок, – прошипел Галли, ткнув пальцем в грудь Томасу. – Я видел жирную харю Чака в окне. Ты должен как можно скорее решить для себя, кто твои враги, а с кем лучше не ссориться. Врубаешься? Мне плевать, чья это была идея, но еще одна такая выходка – и прольется кровь. Ты меня понял, новичок?

Не успел Томас ответить, как Галли развернулся и пошел прочь.

Однако Томасу очень хотелось поскорее замять конфликт.

– Извини, – пробормотал он, понимая, насколько глупо это звучит.

– Я знаю тебя, – бросил Галли, не оборачиваясь. – Я видел тебя во время Метаморфозы и очень скоро выясню, зачем ты здесь.

Томас проводил задиру взглядом, пока тот не скрылся в Хомстеде. Несмотря на провалы в памяти, что-то подсказывало ему: никого отвратительнее Галли встречать ему еще не доводилось. Просто поразительно, как сильно он возненавидел человека, которого увидел впервые в жизни. Да-да, Томас ненавидел Галли всей душой.

– Ну, спасибо тебе, приятель, – сказал он подошедшему Чаку. Тот стоял с виноватым видом, понуро уставившись в землю.

– Извини. Если бы я знал, что там Галли, ни за что бы этого не сделал. Честно.

Неожиданно для самого себя Томас засмеялся, хотя всего час назад был уверен, что больше никогда в жизни не услышит звука собственного смеха.

Чак пристально посмотрел на него и неловко улыбнулся.

– Чего это ты?

Томас замотал головой.

– Ладно, не извиняйся. Так этому... шанку и надо. Хотя я и не знаю, что это слово значит. Но все равно, прикольно вышло.

Ему стало немного легче.

Спустя пару часов Томас лежал рядом с Чаком в мягком спальном мешке на траве. Местом ночевки служила широкая лужайка, которую он раньше не заметил. Ее выбрали для ночлега многие, что Томасу показалось странным. Хотя, с другой стороны, всем в Хомстеде все равно не хватило бы места. Тут, по крайней мере, было тепло, и это в который раз заставило Томаса подумать о том, в какой части света они находятся. Он совершенно не помнил ни географических названий, ни названий государств, не имел представления о каких-либо ключевых событиях в мире. Жители Глэйда, очевидно, тоже ничего подобного не знали, а если что-то и знали, то предпочитали помалкивать.

Он долго лежал, глядя на звезды и прислушиваясь к чужим негромким разговорам. Спать не хотелось совсем: отчаяние и безысходность никак не отпускали его, а облегчение, вызванное шуткой, которую Чак сыграл с Галли, давно прошло. Это был бесконечный и очень странный день.

Все было так... непривычно. Томас помнил множество мелких вещей из прошлой жизни – что-то о еде, одежде, учебе, играх. Но все это никак не желало складываться в целостную картину. Он словно смотрел сквозь толстый слой мутной воды. И, пожалуй, сильнее всего он чувствовал... обиду.

– Твой Первый День, Шнурок, и ты выжил, – прервал Чак его раздумья.

– И что из того?

Очень хотелось сказать: «Не сейчас, Чак. Я не в настроении».

Чак приподнялся на локте и внимательно посмотрел на Томаса.

– Через пару дней ты узнаешь гораздо больше. Начнешь потихоньку привыкать. Лады?

– Ну, да... кажется, лады. Кстати, откуда взялись все эти странные словечки?

Все выглядело так, будто обитатели Глэйда позаимствовали их из чужого языка.

Чак снова плюхнулся на землю.

– Не знаю. Я тут всего месяц, если помнишь.

Интересно, Чак действительно ничего не знает или просто предпочитает держать язык за зубами? Этот сообразительный и веселый мальчишка выглядел как сама невинность, но кто может за него поручиться? Как и все в Глэйде, он оставался для Томаса загадкой.

Прошло несколько минут, и Томас почувствовал, что усталость после долгого дня наконец-то взяла свое – его начало клонить в сон.

И тут Томаса словно током ударило – настолько неожиданной была пришедшая в голову мысль.

Глэйд, стены, Лабиринт – все это внезапно показалось каким-то... родным и уютным. Приятное ощущение тепла и умиротворения разлилось в груди, и впервые с тех пор, как Томас оказался здесь, он подумал, что Глэйд – не самое плохое место во Вселенной. Он замер, широко раскрыв глаза и затаив дыхание. *Что это со мной?* – подумал Томас. – *Что изменилось?* Удивительно, но от мысли, что все будет хорошо, стало немного не по себе.

Неожиданно он осознал, *что* должен делать, хотя и не понимал, откуда взялась такая уверенность. Это чувство озарения было странным – чуждым и знакомым одновременно, но принятое решение казалось единственно верным.

– Я хочу стать одним из тех парней, которые выбираются наружу, – громко сказал он. – В Лабиринт.

– Чего? – отозвался Чак.

Томас уловил в сонном голосе Чака нотки раздражения.

– Я про бегунов. Что бы они там ни делали, я хочу в этом участвовать, – пояснил он.

Интересно, – подумал он, – *что это такое на меня нашло?*

– Ты понятия не имеешь, о чем толкуешь, – проворчал Чак и отвернулся. – Спи лучше.

Хотя Томас действительно не понимал, о чем говорит, настроен он был очень решительно.

– Я хочу стать бегуном.

Чак снова повернулся к нему и приподнялся на локте:

– Можешь прямо сейчас распрощаться с этой мыслью.

Реакция Чака слегка удивила Томаса, однако он не унимался:

– Не пытайся меня...

– Томас. Новичок. Друг мой. Забудь об этом!

– Ладно. Поговорю завтра с Алби.

Бегун, – подумал Томас. – *Я ведь даже не знаю, кто они такие. Может, я и правда свихнулся?*

Чак со смехом откинулся на спину.

– Ну ты и кусок кланка! Спи давай!

Однако Томас не сдавался:

– Что-то есть в Лабиринте такое... Все кажется до боли знакомым...

– Да спи ты, говорю!

Томас вдруг почувствовал, что в его мозгу сложились воедино несколько фрагментов мозаики. Хотя он понятия не имел, какая картина получится в итоге, но следующие слова пришли к нему будто извне, словно за него говорил кто-то посторонний:

– Чак, мне кажется, я раньше уже бывал здесь.

Он услышал, как мальчишка резко сел и как-то порывисто вздохнул, но Томас решил не продолжать разговор и повернулся на бок, опасаясь, как бы чувство душевного покоя и уверенности в себе не покинуло его.

Сон пришел гораздо быстрее, чем он предполагал.

Глава шестая

Томас проснулся оттого, что кто-то пытался его растормошить. Он открыл глаза и увидел чье-то лицо, склонившееся над ним в предзакатном сумраке. Томас хотел что-то сказать, но холодная рука мгновенно зажала ему рот. Томас не на шутку испугался, но, поняв, кто его разбудил, сразу успокоился.

– Тс-с, Шнурок. Мы ведь не хотим разбудить Чака, верно?

Говоривший обдал его несвежим утренним дыханием.

Ньют. Он, кажется, был вторым по старшинству после Алби.

Томас был удивлен, однако страх улетучился. Стало любопытно: захотелось узнать, что от него нужно Ньюту. Он кивнул. Ньют убрал руку.

– Пойдем, Шнурок, – сказал он, поднимаясь на ноги и протягивая руку, чтобы помочь Томасу встать. Ньют, казалось, обладал такой силой, что мог запросто оторвать ему кисть. – Хочу показать тебе кое-что до подъема.

Последние остатки сна вмиг улетучились.

– Хорошо, – с готовностью ответил Томас, понимая, что надо оставаться настороже, потому что здесь никому доверять нельзя, но любопытство брало верх.

Он быстро вскочил и надел туфли.

– А куда мы...

– Просто иди за мной и не отставай.

Они на цыпочках пошли через лужайку, переступая через тела спящих. Несколько раз Томас чуть было не споткнулся. Потом наступил на чью-то руку, заставив спящего вскрикнуть от боли, за что немедленно получил пинок в ногу.

– Извини, – прошептал он, не обращая внимания на сердитый взгляд Ньюта.

Оказавшись на бетонных плитах двора, Ньют перешел на бег, направляясь к западной стене. Какое-то время Томас колебался, не понимая, зачем ему бежать, потом махнул рукой и помчался следом.

В тусклом свете каждое препятствие на пути выделялось черной тенью, поэтому Томас мог бежать достаточно быстро. Ньют остановился прямо у высоченной стены, которая высилась над ними, словно небоскреб – еще один неясный образ из прошлого, промелькнувший в закоулках опустошенной памяти.

Томас заметил маленькие красные огоньки, вспыхивающие то тут, то там на поверхности стены: они хаотично двигались и замирали, вспыхивали и внезапно гасли.

– Что это? – громко прошептал он с дрожью в голосе.

Мигающие красные огоньки таили в себе какую-то скрытую угрозу.

Ньют стоял всего в паре футов от стены, утопающей в густых зарослях плюща.

– Блин, со временем ты все узнаешь, Шнурок!

– По-моему, глупо посылать меня туда, где все кажется непонятным, и при этом не отвечать на вопросы. – Томас умолк, удивившись собственной решительности. – Шанк, – добавил он, вкладывая в незнакомое слово весь сарказм, на какой был способен.

Ньют издал короткий смешок.

– А ты мне нравишься, Шнурок. Я собираюсь показать тебе кое-что. Ладно. Молчи и смотри.

Он шагнул к стене, запустил руки в заросли плюща и отодвинул в сторону несколько стеблей: под ними обнаружилось квадратное окно шириной в пару футов, покрытое толстым слоем пыли. Сейчас оно выглядело абсолютно черным, словно было закрашено краской.

– И куда смотреть? – прошептал Томас.

– Держи портки покрепче и постарайся не обделаться, дружок. Один из них вот-вот появится.

Прошла минута. Вторая. Потом еще несколько... Томас переминался с ноги на ногу, не понимая, почему Ньют неподвижно стоит и всматривается в окно, за которым нет ничего, кроме темноты.

Но внезапно что-то изменилось.

В окне появилось странное свечение; проникая сквозь стекло, оно переливалось всеми цветами радуги на лице и теле Ньюта, словно тот стоял у края бассейна, подсвеченного изнутри. Томас застыл и прищурился, стараясь разглядеть то, что находилось по другую сторону стекла. К горлу подступил комок.

Что это, черт возьми?!

– Там, за стенами, Лабиринт, – шепнул Ньют. Глаза его были широко раскрыты, будто он находился в состоянии транса. – Все, что мы делаем в жизни, абсолютно все, связано с Лабиринтом, Шнурок. Каждый божий день своей жизни мы посвящаем лишь одному – разгадать гребаную тайну этого гребаного Лабиринта, понимаешь? Я хочу, чтобы ты узнал, с чем имеешь дело и почему эти чертовы стены каждый вечер задвигаются. Надеюсь, после этого ты уяснишь, что тебе никогда и ни при каких обстоятельствах не стоит высовывать туда свою задницу.

Продолжая придерживать стебли плюща, Ньют отступил назад и жестом предложил Томасу стать на его место и заглянуть в окно.

Томас наклонился вперед и уткнулся носом в холодную поверхность стекла. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы сквозь слой пыли и грязи различить смутный двигающийся силуэт: ради этого Ньют и привел его сюда. От увиденного у Томаса перехватило дыхание, словно ледяной ветер ворвался в легкие и сковал их льдом.

Нечто – какое-то существо – размером с корову, но без каких-либо четких очертаний, проворачиваясь и пульсируя, поползло по коридору. Взобравшись на противоположную стену, оно вдруг прыгнуло прямо на окно, ударившись о толстое стекло с громким глухим звуком. Томас невольно вскрикнул и отпрянул от окна, как ошпаренный, однако тварь отскочила назад, не нанеся стеклу ни малейшего вреда.

Томас сделал два глубоких вдоха и снова прильнул к окну. Темнота мешала рассмотреть существо подробно, однако оно излучало странное свечение, позволявшее видеть блестящую скользкую шкуру с торчащими из нее серебристыми шипами. Из тела чудовища, словно руки, выступали жутковатого вида странные механические приспособления со всякими инструментами на концах: дисковая пила, ножницы, какие-то длинные штыри, о назначении которых можно было лишь догадываться...

Тварь оказалась жуткой помесью животного и машины. Скорее всего, она понимала, что за ней наблюдают, знала, *что* находится за стенами Глэйда, и ей, видимо, очень хотелось проникнуть внутрь и полакомиться человеческим мясом. Страх, словно опухоль, разрастался в груди Томаса, сдавливая дыхание. Несмотря на провалы в памяти, он не сомневался, что ни с чем более страшным сталкиваться ему еще не доводилось.

Томас отошел от окна; хорошее настроение, которое он почувствовал минувшим вечером, улетучилось без следа.

– Что это такое? – спросил Томас, чувствуя, как от страха сводит живот. Он снова подумал, что никогда больше не сможет притронуться к еде.

– Мы называем их гриверами, – ответил Ньют. – Мерзкая тварь, верно? Слава богу, они вылазят только по ночам. Если бы не Ворота...

Томас сглотнул, начиная сомневаться, что когда-нибудь вообще сможет сбежать отсюда. От былой решимости стать *бегуном* ничегошеньки не осталось. И все-таки выбора у него не было. Так или иначе, сделать это придется.

Странная мысль, если принимать во внимание только что увиденное.

Ньют отрешенно посмотрел на окно.

– Теперь, дружище, ты знаешь, какая нечисть водится в Лабиринте. Все это не шутки. Но раз уж ты оказался в Глэйде, мы рассчитываем, что ты постарайся выжить и сможешь выполнить то, ради чего нас сюда послали.

– Что именно? – спросил Томас, не надеясь услышать ничего утешительного.

Ньют посмотрел ему прямо в глаза. Первые проблески зари падали на него, и Томас мог видеть лицо Ньюта в мельчайших подробностях – грубая кожа и изрезанный морщинами лоб.

– Найти выход отсюда, Шнурок, – произнес Ньют. – Разгадать тайну поганого Лабиринта и вернуться домой.

Спустя пару часов – к этому времени Ворота уже открылись – Томас сидел за старым кособоким столиком неподалеку от Хомстеда. Из головы никак не выходили гриверы: что они делают по ночам в Лабиринте? И каково это – быть атакованным этими чудовищными тварями?

Он попытался отбросить мысли о гриверах и сосредоточиться на чем-нибудь другом. На бегунах. Томас постоянно думал о них. Бегуны только что, не сказав никому ни слова, покинули Глэйд и помчались в Лабиринт, быстро скрывшись в его коридорах. Томас нехотя ковырял вилкой яичницу с беконом, ни с кем не разговаривая, даже с Чаком, который сидел рядом и молча ел. Бедняга изо всех сил пытался завязать с Томасом беседу, а тот упорно не отвечал. Сейчас ему хотелось лишь одного – чтобы его оставили в покое.

Разум отказывался верить в реальность происходящего. Ситуация выглядела просто невозможной. Неужели Лабиринт настолько огромен, что дюжине подростков не удалось изучить его за время многочисленных вылазок? Как вообще можно построить такое циклопическое сооружение? И что более важно – для чего? Ведь должно быть у него какое-то назначение. Кроме того, оставалось неясным, как давно существует Лабиринт и с какой целью сюда забрасывают людей.

От раздумий трещала голова.

Несмотря на все попытки не думать о гривере, мысли об отвратительном существе возвращались снова и снова. Всякий раз, как только Томас закрывал глаза, ему чудилось, будто на него набрасывается призрачный собрат омерзительной твари.

Томас знал – об этом говорило какое-то шестое чувство, – что сам он далеко не дурак. Тем не менее все здесь оставалось непонятным. За исключением одного – ему суждено стать бегуном. Интересно, подумал Томас, а почему он в этом так уверен? Особенно теперь, когда знает, какие кошмарные страшилища обитают в Лабиринте...

Кто-то хлопнул его по плечу, выведя из состояния задумчивости. Томас обернулся: за спиной, скрестив руки на груди, стоял Алби.

– Судя по твоему паршивому виду, проснулся ты рано, – произнес он. – Как тебе видок из окна? Понравилось?

Томас поднялся, надеясь, что вскоре выяснит что-нибудь важное или как минимум отвлечется от мрачных мыслей.

– Понравилось настолько, что захотелось узнать об этом местечке поподробнее, – ответил он, опасаясь, как бы его слова опять не вызвали у Алби приступ гнева, какой он наблюдал днем ранее.

Алби кивнул.

– Пошли со мной, шанк. Экскурсия начинается прямо сейчас. – Сделав несколько шагов, он вдруг остановился. – И никаких вопросов до самого окончания, сечешь? У меня нет времени трепаться с тобой весь день.

– Но... – Томас запнулся, увидев, что Алби нахмурил брови. Неужели этот парень не может быть хоть чуточку любезнее? – Расскажи мне. Я хочу знать все об этом месте.

Ночью он решил пока никому не признаваться в том, что чувствует себя так, будто бывал здесь раньше и многие вещи кажутся ему знакомыми. Озвучивать подобные мысли представлялось не самой хорошей идеей.

– Я расскажу только то, что посчитаю нужным, Шнурок. Пошли.

– А мне с вами можно? – спросил Чак.

Алби подошел к столу и схватил мальчика за ухо.

– Ай!.. – вскрикнул Чак.

– У тебя что, нет обязанностей, балда?! – рявкнул Алби. – Или думаешь, помои с дерьмом куда-то испарились?!

Чак поморгал, потом испуганно посмотрел на Томаса.

– Удачи...

– Спасибо.

Внезапно Томасу стало жалко Чака – к нему здесь, видимо, относились без особого уважения. Как бы то ни было, сейчас мальчишке ничем не поможешь – пора идти.

Он улыбнулся Чаку и поспешил вслед за Алби.

Глава седьмая

«Экскурсия» началась у Ящика. Сейчас люк закрывали две металлические створки, лежащие на уровне земли. Белая краска на них давно потускнела и кое-где потрескалась. Было уже довольно светло. Тени от предметов падали теперь в другую сторону, чем вчера. Солнца еще не было видно, но казалось, что оно может появиться над восточной стеной в любую минуту.

Алби указал на створки.

– Это Ящик. Раз в месяц, строго по расписанию, он привозит одного новичка, вроде тебя. На нем же раз в неделю сюда доставляют кое-какие вещи – одежду и продукты питания. Много нам не надо. Мы в Глэйде и своим прекрасно обходимся.

Томас кивнул. Его так и подмывало снова начать спрашивать. *Прямо хоть клян в рот вставляй*, подумал он.

– Как работает Ящик, откуда приезжает и кто им управляет – мы без понятия. Ни один из прибывших шанков не смог о нем ничего рассказать. У нас есть электричество, одежду нам присылают, а пищей мы в основном обеспечиваем себя сами. Однажды попробовали отправить одного новенького назад, но пока он там сидел, Ящик так и не сдвинулся с места.

Томас чуть было не спросил, что находится за створками, когда Ящика нет, но передумал. Сейчас он испытывал смешанные чувства – любопытство, растерянность, удивление; ко всему этому примешивался непреодолимый страх перед зловещными гриверами.

– Глэйд разделен на четыре участка, – продолжал тем временем Алби. На Томаса он не смотрел. – Плантация, Живодерня, Хомстед, Могильник. Ты запоминаешь?

Томас помедлил, затем неуверенно кивнул головой.

Алби поморщился, словно был здорово раздосадован тем, что у него по горло неотложных дел, а он вынужден терять время с каким-то новичком.

– Плантация. – Он указал на северо-восток, где располагались сады и огороды. – Там мы выращиваем еду. Вода поступает через проложенные под землей трубы – водопровод был тут с самого начала. Если бы не он, мы бы давно уже подошли с голода. Дождей тут не бывает. Никогда. – Он махнул рукой в сторону загонов для скота в юго-восточном углу Глэйда. – Живодерня – там мы выращиваем и забиваем скотину... А вон там – Хомстед. Сейчас эта убогая халупа раза в два больше, чем была, когда тут появились первые из нас. Мы ее достраиваем по мере того, как Ящик привозит доски и прочее строительное барахло. Выглядит, конечно, стремно, но жить там можно. Хотя большинство все равно спит под открытым небом.

От обилия информации и от незадаанных вопросов у Томаса раскалывалась голова. Он никак не мог привести мысли в порядок.

Алби ткнул пальцем в юго-западный угол Глэйда, скрытый густыми зарослями. Возле хилых деревьев у самого края рощицы виднелись скамейки.

– Вон то место мы называем Могильником. Кроме кладбища – это где лес погуще, – там больше нет ничего. Ты свободно можешь пойти туда посидеть, отдохнуть или просто пошляться от нефиг делать. Делаешь что хочешь, короче. – Он кашлянул и умолк, словно хотел сменить тему. – Каждый день в течение следующих двух недель ты будешь работать под руководством нескольких кураторов. Так мы узнаем, какая работа тебе подходит лучше всего – слопер, технар, чистильщик, копач. Тут у всех есть специальность. Пошли.

Алби зашагал к Южным Воротам, расположенным между Могильником и Живодерней. Томас побрел следом. Он поморщился, когда со стороны фермы до него донесся резкий запах навоза. *Кладбище*, подумал он. *Зачем кладбище там, где живут одни подростки?* Это беспокоило его даже сильнее, чем обилие непонятных слов вроде «слопера» и «чистильщика».

Любопытство буквально распирало Томаса, и он чуть было не перебил Алби, но вовремя опомнился и заставил себя молчать, переключив внимание на Живодерню.

Возле большого корыта стояли несколько коров, меланхолично пережевывая сено. В грязной луже неподалеку неподвижно лежали несколько свиней, и если бы они время от времени не шевелили хвостиками, можно было бы подумать, что они давно сдохли. Кроме того, Томас увидел загон с овцами; еще там находились клетки с индюками и курятник. Там и сям по участку деловито сновали какие-то ребята; выглядели они так, словно провели всю жизнь на ферме.

Почему мне знакомы эти животные? – удивился Томас. Для него в них не было ничего нового и интересного. Он отлично знал, как они называются, чем питаются и как выглядят. Почему эта информация осталась в его в мозгу, а то, где и с кем он прежде их видел, забылось совершенно? Странной выборочной амнезии не находилось никакого объяснения.

Алби указал на большой хлев. Его некогда красные стены давно выцвели и приобрели мрачный ржавый оттенок.

– Это скотобойня. Грязная у них работенка, надо сказать. Очень грязная. Впрочем, если не боишься вида крови, можешь стать забойщиком.

Томас замотал головой. Перспектива стать забойщиком его совершенно не привлекала.

«Экскурсия» продолжалась. Томас обратил внимание на противоположную сторону Глэйда, на ту его часть, которую Алби назвал Могильником. Ближе к углу, где находилось кладбище, деревья росли плотнее, их листва выглядела более здоровой и полной жизни. Похоже, там постоянно царил полумрак. Зажмурившись, Томас посмотрел вверх и наконец-то увидел солнце – правда, выглядело оно странно: более оранжевое, что ли, чем обычно. Томас снова поразился необычной избирательности своей амнезии.

Он снова перевел взгляд на Могильник, но огненный диск солнца продолжал маячить перед глазами. Томас часто заморгал, чтобы избавиться от светового пятна, и вдруг снова заметил красные огоньки, поблескивавшие глубоко в темных кронах деревьев. *Что это за штуковины?* – недоуменно подумал он, злясь на Алби за то, что тот не отвечает на вопросы. Чрезмерная скрытность «экскурсовода» раздражала все сильнее.

Алби остановился, и Томас с удивлением обнаружил, что они оказались у Южных Ворот: по обе стороны высились громадные стены. Гигантские блоки из серого камня, местами потрескавшиеся, были почти полностью скрыты плющом. Глядя на них, Томасу подумалось, что ничего древнее этих стен ему, скорее всего, видеть еще не приходилось. Он задрал голову, пытаясь сообразить, как высоко они поднимались, но испытал странное ощущение, будто смотрел не вверх, а вниз, в бездонную пропасть. Голова закружилась: Томас, пошатываясь, отступил назад, продолжая поражаться невиданной архитектуре своего нового пристанища. Он повернулся к Алби; тот стоял спиной к проходу.

– Там Лабиринт. – Алби ткнул большим пальцем через плечо и замолчал.

Томас посмотрел в зияющий просвет между стен, служивший выходом из Глэйда. Простиравшиеся за ним коридоры выглядели точь-в-точь как те, которые он утром увидел у Восточных Ворот через окно. От мысли, что в любую минуту на них может напасть гривер, бросило в жар. Инстинктивно Томас попятился.

Успокойся! – одернул он себя.

– Я в Глэйде уже два года. Дольше, чем все остальные. Те, кто появился тут до меня, уже мертвы, – произнес Алби. При этих словах у Томаса часто забило сердце. – Мы два года бьемся над разгадкой тайны, но так ни к чему и не пришли. По ночам долбаные стены в Лабиринте двигаются, как здесь Ворота, поэтому составить карту Лабиринта чертовски сложно. Практически невозможно.

Он кивнул в сторону приземистой бетонной будки, в которой прошлой ночью скрылись бегуны.

Разум Томаса с трудом мог переварить услышанное. Алби здесь уже два года? Стены в Лабиринте перемещаются?..

А сколько человек погибло?

Он шагнул вперед, желая взглянуть на Лабиринт собственными глазами, словно все ответы были написаны на его стенах.

Алби выставил руку и остановил Томаса, слегка оттолкнув назад.

– Туда нельзя, шанк.

Томас сдержался и спросил лишь:

– Почему?

– Думаешь, я утром подослал к тебе Ньюта ради развлечения? Правило Номер Один гласит, что никто – абсолютно никто! – кроме бегунов, не имеет права выходить в Лабиринт. Это единственное правило, за нарушение которого не бывает пощады. Посмеешь его нарушить – и если к тому времени тебя еще не прикончат гриверы, за них это сделаем мы. Сечешь?

Томас нехотя кивнул, подумав, что Алби наверняка преувеличивает. По крайней мере, хотелось бы в это верить. Как бы то ни было, но если после ночного разговора с Чаком остались какие-то сомнения, теперь они полностью исчезли: он хочет стать бегуном. И он им станет. Он обязан попасть в Лабиринт. Несмотря на все, что Томас узнал и увидел собственными глазами, его тянуло туда как магнитом.

Внезапно его внимание привлекло едва уловимое движение в верхней части левой стены. Он быстро повернул голову и успел заметить, как в зарослях плюща мелькнуло нечто – мелькнуло и тут же исчезло, блеснув чем-то серебристым.

Томас не смог ничего с собой поделаться: вопрос сам сорвался с языка.

– Что это было?

Алби даже не оглянулся.

– Сколько раз повторять – никаких вопросов до окончания, шанк! – Он помолчал, потом глубоко вздохнул и все-таки ответил: – Жуки-стукачи. С их помощью за нами наблюдают Создатели. Тебе лучше не...

Внезапно его прервал пронзительный вой сирены, разнесшийся по всему Глэйду. От неожиданности Томас присел, зажал уши ладонями и ошалело завертел головой: сердце было готово буквально выскочить из груди. Он посмотрел на Алби и растерялся: тот, кажется,нисколько не испугался надсадного рева сирены, а выглядел всего лишь удивленным.

У Томаса отлегло от сердца: его «экскурсовод», по-видимому, был далек от мысли, что наступил конец света. Впрочем, если и наступил, то Томасу уже порядком надоело постоянно чего-то бояться.

– Что происходит? – спросил он.

– Странно, – произнес Алби и прищурился.

Томас посмотрел в сторону Живодерни: люди, работавшие в загонах, были, очевидно, тоже весьма удивлены, потому что недоуменно озирались по сторонам. Один из них, низенький худой парнишка, крикнул Алби, почему-то глядя при этом на Томаса:

– В чем дело?

– Понятия не имею, – сухо бросил Алби в ответ.

Терпение Томаса иссякло.

– Алби! Что происходит?

– Ящик, балда ты стебанутая! Ящик! – бросил Алби на ходу.

– А что с ним? – настаивал Томас, стараясь поспеть за ним.

Ему захотелось заорать: «*Ответь же мне!*»

Алби не ответил и даже не замедлил шага. Приблизившись к Ящику, Томас увидел, что со всех концов Глэйда к лифтовой шахте стекаются подростки. Среди них был и Ньют. Стараясь

сдержат нарастающий страх и убеждая себя, что все будет хорошо и происходящему есть разумное объяснение, Томас окликнул его:

– Ньют, что происходит?!

Увидев Томаса, Ньют кивнул и пошел навстречу ему шагом, странно спокойным для такой суматохи. Подойдя, он похлопал Томаса по спине.

– Это значит, что к нам прибывает очередной чертов новичок. – Ньют умолк, наблюдая за реакцией Томаса. – Вот прямо сейчас.

– И что?

Внимательнее всмотревшись в лицо Ньюта, Томас понял: то, что он ошибочно принял за спокойствие, на самом деле было растерянностью; судя по всему, его новый приятель с трудом верил в реальность происходящего.

– Как что?! – воскликнул Ньют, даже слегка приоткрыв рот от удивления. – К нам еще никогда не присылали двух новеньких в течение одного месяца, Шнурок! Не говоря уже о двух днях подряд...

Сказав это, он махнул рукой и помчался к Хомстеду.

Глава восьмая

Просигналив ровно две минуты, сирена смолкла. Вокруг стальных створок люка в центре площади собралась толпа. От мысли, что он прибыл сюда лишь вчера, Томас вздрогнул.

Вчера? – подумал он. – *Неужели это было только вчера?*

Кто-то взял его за локоть. Он обернулся и снова увидел Чака.

– Как дела, Салага? – спросил тот.

– Отлично, – ответил Томас, хотя это была чистейшая ложь. Он кивнул на закрывающиеся шахту створки. – Почему все так переполошились? Ведь каждый из вас попал сюда этой же дорогой.

Чак пожал плечами.

– Просто, насколько я знаю, Ящик всегда прибывал четко по расписанию – только один раз в месяц, в один и тот же день. Может быть, те, кто управляют Лабиринтом, решили, что сморозили большую глупость, послав тебя сюда, и теперь отправили кого-то на замену.

Чак ткнул Томаса локтем в бок и совершенно по-детски хихикнул, что, как ни удивительно, вызвало у Томаса еще большую симпатию к мальчишке.

Он посмотрел на нового приятеля нарочито строго.

– Иногда ты просто невыносим. Серьезно говорю.

– Ага, но мы теперь друзья, так ведь? – Теперь Чак аж захрюкал от смеха.

– Похоже, выбора мне ты не оставляешь.

Томасу и в самом деле был нужен друг, и Чак подходил на эту роль как нельзя лучше.

Мальчишка с довольным видом скрестил руки на груди.

– Рад, что вопрос улажен. В такой дыре каждому нужен приятель.

Томас шутливо схватил Чака за воротник и сказал:

– Хорошо, *приятель*. Тогда будь добр называть меня по имени. Томас! Запомнил? Иначе сброшу тебя в шахту, когда Ящик уедет. – Его вдруг осенило; он отпустил Чака. – Пстой-ка. Вы никогда не...

– Пробовали, – ответил Чак, прежде чем Томас успел договорить.

– Пробовали – что?

– Залезть в Ящик, после того как нам доставили посылку, – сказал Чак. – Не срабатывает.

Ящик не тронется с места, пока в нем кто-то есть.

Томас вспомнил, что Алби говорил ему то же самое.

– Я знаю, но что если...

– И это пробовали.

Томас еле сдержался, чтобы не зарычать от досады.

– Черт! Как с тобой трудно говорить. Что именно пробовали?

– Проникнуть внутрь, когда Ящика не было. Облом. Створки открыть можно, но за ними ничего – пустота и кромешная тьма. И никаких тебе тросов. Nada³! Спуститься не получится.

Да как такое возможно?

– А если...

– Тоже пробовали.

На этот раз Томас издал громкий недовольный вздох.

– Ну, хорошо. Говори.

– Бросали в шахту разные предметы. Но так и не услышали, чтобы они обо что-то стукнулись. Шахта уходит черт-те на какую глубину.

³ Ни фига (*исп.*).

Томас помолчал, прежде чем заговорить, опасаясь, как бы Чак не оборвал его и на этот раз.

– Ты что, мысли читать умеешь? – спросил он с наивозможным сарказмом.

– Просто я очень умный, вот и все, – подмигнул Чак.

– Слушай, Чак. Никогда мне больше так не подмигивай, – недовольно произнес Томас.

Чак действительно немного его раздражал, но все-таки было в мальчишке что-то такое, отчего окружающий мир казался не таким мрачным. Томас глубоко вздохнул и снова перевел взгляд на толпу, окружившую люк.

– А сколько времени занимает подъем Ящика?

– Обычно приезжает через полчаса после сирены.

Томас задумался. Наверняка должно быть что-то, чего они еще не испробовали.

– Ты насчет шахты точно уверен? Вы не пытались... – он сделал паузу, но на этот раз Чак смолчал. – Вы не пытались сделать веревку?

– Ага. Пытались. Сплели из плюща самую длинную, какую только смогли. Скажем так, эксперимент... не совсем удался.

– В каком смысле?

– Меня тут еще не было, но я слышал, что парень, который вызвался сделать это, не успел спуститься и на десять футов, как снизу что-то вылетело и перерубило его пополам.

– Чего? – засмеялся Томас. – Ни за что не поверю в эту чушь!

– Ты, наверное, считаешь себя самым умным? Я лично видел кости этого бедняги. Его разрезало точно пополам – будто нож взбитые сливки. То, что осталось, выставили напоказ в специальном гробу, чтобы другим неповадно было.

Приняв слова Чака за очередную шутку, Томас ожидал, что тот сейчас засмеется или хотя бы улыбнется. Разве можно перерубить человека надвое? Но Чак был серьезен.

– Ты не шутишь?

Чак спокойно посмотрел Томасу в глаза.

– Я не вру, Са... э-э... Томас. Пойдем, глянем, кого к нам забросили. Поверить не могу, что ты пробыл Салагой всего лишь день. Везет же кланкоголовым.

По пути Томас задал еще один мучивший его вопрос.

– А с чего вы взяли, что Ящик привез человека, а не какие-нибудь вещи?

– В таких случаях сирена не воет, – просто ответил Чак. – Вещи доставляются раз в неделю в один и тот же час. Эй, глянь-ка!

Чак остановился и показал пальцем на кого-то в толпе. С нескрываемой ненавистью на них смотрел Галли.

– Вот черт, – произнес Чак. – Ты явно пришелся ему не по нраву.

– Ну да, – пробормотал Томас. – Я это успел заметить.

Чак толкнул Томаса локтем, и приятели пошли дальше. Подойдя к остальным ребятам, они остановились и молча стали ждать. Встреча с Галли отбила у Томаса всякую охоту продолжать беседу.

А вот Чак, видимо, не наговорился.

– Почему бы тебе не пойти и не выяснить с ним отношения сразу, не откладывая в долгий ящик? – спросил он, стараясь говорить твердо.

Томасу хотелось верить, что у него хватит смелости подойти к Галли, но сейчас это было бы величайшей глупостью.

– Начнем с того, что у него гораздо больше друзей, чем у меня. Так что Галли – не тот человек, с которым стоит ссориться у всех на виду.

– Верно, но ты куда умнее. Да и шустрее. Я уверен, у тебя хватит сил справиться и с ним, и со всеми его дружками.

Один из подростков, стоящий перед ними, бросил сердитый взгляд через плечо. *Должно быть, один из дружков Галли*, подумал Томас.

– Помолчи лучше, а? – прошипел он.

За его спиной хлопнула дверь. Томас обернулся – из Хомстеда вышли Алби и Ньют. Оба выглядели очень уставшими.

В памяти всплыла ужасная картина – извивающийся на кровати Бен.

– Дружище, ты должен мне рассказать, что такое Метаморфоза и что они там делали с бедолагой Беном.

Чак пожал плечами.

– Да я, в общем-то, не в курсе. Знаю только, что гриверы что-то такое делают с человеком, отчего он долго мучается. А когда все заканчивается, человек становится... другим.

Томас почувствовал, что у него появился шанс наконец-то получить хоть один внятный ответ.

– Другим? В каком смысле? Каким образом гриверы могут изменить человека? Галли именно это имел в виду, когда говорил про «быть ужаленным гривером»?

Чак приложил палец к губам:

– Тс-с.

От досады Томас хотел сплюнуть, но сдержался. Он твердо решил вернуться к этому разговору позже, захочет Чак того или нет.

Алби и Ньют протиснулись сквозь толпу в самый центр и остановились возле люка, закрытого двумя металлическими створками. В наступившей тишине Томас расслышал скрежет и громыхание поднимавшегося лифта и вспомнил собственное кошмарное путешествие накануне. Ему стало неприятно, словно он заново переживал ужасные минуты после пробуждения во мраке кабины. Кто бы ни находился сейчас в Ящике, Томас искренне ему сочувствовал, понимая, через какие испытания тот проходит.

Раздался приглушенный удар: лифт прибыл.

Сгорая от нетерпения, Томас наблюдал, как Ньют и Алби заняли позиции на противоположных сторонах люка, взяли за простые ручки в виде крюков, закрепленные на каждой из створок, и одновременно потянули их в стороны. С гулким грохотом створки упали на землю, подняв в воздух клубы пыли.

Воцарилось напряженное молчание. Откуда-то издали донеслось бляение козы. Томас подался вперед, насколько было возможно, стараясь увидеть того, кто находился в кабине.

Ньют наклонился, чтобы лучше разглядеть новичка. Внезапно он резко выпрямился; на его лице читалось изумление.

– Господи... – выдохнул он, дико озираясь по сторонам.

Реакция Алби, успевшего к этому времени тоже заглянуть в кабину, была похожей.

– Не может быть... – пробормотал он, словно в трансе.

Толпа оживленно загомонилась и ринулась к небольшому отверстию люка. *Что такого они там увидели*, – удивился Томас. – *Что там?!* В душу закрался противный страх: чувство было похоже на то, которое он пережил утром при виде таинственного свечения в окне.

– Не подходите! – громко приказал Алби. – Отойдите назад!

– Кто там? – крикнули в толпе.

Алби выпрямился.

– Два новичка за два дня, – еле слышно прошептал он. – И теперь еще это... Два года никаких изменений, и вот – пожалуйста...

Тут он почему-то посмотрел на Томаса.

– Что происходит, Шнурок?

– А мне откуда знать? – ответил Томас, смущенно глядя на Алби.

Лицо залил румянец, а в животе неприятно заныло.

– Почему бы тебе просто не сказать нам, что за шанк сидит там внизу? – крикнул Галли. При этих словах подростки зашумели и снова подались вперед.

– Заткнитесь, шанки! – заревел Алби. – Ньют, скажи им!..

Ньют еще раз заглянул в Ящик, затем повернулся к толпе.

– Там девчонка, – мрачно произнес он.

Все возбужденно загалдели; до слуха Томаса доносились лишь отдельные отрывки фраз:

– Девчонка?!..

– Чур, моя будет!

– Как она на вид?

– Сколько ей лет?

Томас был в полнейшем замешательстве. *Девчонка?..* До этого момента он почему-то не задумывался, почему в Глэйде жили только парни. Впрочем, пока у него не было времени особо над этим задумываться. *Кто она? Почему...*

Ньют жестом призвал толпу к тишине.

– Но это еще не все, блин, – сказал он и кивнул в сторону Ящика. – Кажется, она умерла.

Чтобы извлечь тело девушки из Ящика, Алби и Ньют спустились вниз по веревкам, сплетенным из стеблей плюща. Толпа притихла. Глэйдеры с серьезными лицами переминались с ноги на ногу, изредка о чем-то негромко переговариваясь. Никто из окружающих не признавался, что ему не терпится посмотреть на девушку, но Томас был уверен, что они сгорали от любопытства не меньше его.

Галли был среди тех, кто держал веревки, чтобы вытащить из Ящика Алби, Ньюта и труп. Томас присмотрелся к нему внимательнее: глаза парня заволакивала темная пелена, и в них читалось какое-то очень нездоровое возбуждение. Глядя на него, Томас ощутил, что начинает опасаться Галли еще сильнее, чем всего минутой раньше.

Из глубины шахты послышался крик Алби, и Галли с несколькими подростками принялись с усилием тащить веревку. Несколько мгновений спустя безжизненное тело девушки извлекли из кабины и положили на землю. Глэйдеры мгновенно ринулись вперед, окружив труп плотным кольцом. Напряжение, висевшее в воздухе, казалось буквально осязаемым. Томас остался стоять на месте. От наступившей гнетущей тишины у него по спине поползли мурашки, словно они только что раскопали свежую могилу.

Несмотря на любопытство, он не стал продираться сквозь толпу поближе к телу девушки – слишком плотным было скопление народа. Но перед тем как ему заслонили обзор, Томас все-таки успел краем глаза увидеть неизвестную: она была худощавой и довольно высокой – пять с половиной футов ростом, насколько он мог судить. На вид лет пятнадцать-шестнадцать. Но что его поразило больше всего, так это ее кожа – светлая, почти белая, словно жемчуг; и по контрасту – иссиня-черные волосы.

Выбравшись из шахты, Ньют и Алби протиснулись сквозь толпу к трупу и исчезли из поля зрения Томаса. Но спустя буквально несколько мгновений подростки неожиданно расступились, и в образовавшемся просвете Томас увидел Ньюта, который указывал на него пальцем.

– Подойди сюда, Шнурок! – крикнул он грубо.

Сердце у Томаса подпрыгнуло к самому горлу, ладони вспотели. Чего они от него хотят?.. Похоже, ситуация принимала все более нежелательный оборот. Усилием воли Томас заставил себя шагнуть вперед, стараясь держаться непринужденно, но при этом не выглядеть так, словно он в чем-то виноват.

Успокойся, ты ничего плохого не сделал!

Однако его не покидало странное чувство, будто он мог стать причиной неприятностей, сам того не осознавая.

Глэйдеры расступились. Пока Томас шел по образовавшемуся проходу, они сверлили его злобными взглядами, словно он нес личную ответственность за все происходящее – за Лабиринт, за Глэйд, за гриверов. Томас старался не смотреть по сторонам.

Он подошел к Ньюту и Алби, которые склонились над телом девушки. Чтобы не встретиться с ними глазами, Томас сосредоточил внимание на незнакомке. Да, она была красива. Более того – прекрасна. Шелковистые волосы, бархатистая кожа, губы идеальной формы, стройные ноги... Оценивать внешность мертвого человека было очень неприятно, но он не мог отвести взгляда от девушки. Долго она не будет так выглядеть, пронеслось в голове у Томаса, и по телу пробежал холодок. Скоро начнется процесс гниения...

Его передернуло.

– Ты знаешь эту девчонку, шанк? – раздраженно спросил Алби.

Томас меньше всего ожидал подобного вопроса.

– Знаю ее? Разумеется, нет! Я вообще никого, кроме вас, не знаю...

– Не в этом смысле... – начал Алби, но тут же запнулся, подбирая слова. – Ну, в смысле... она тебе *кажется* знакомой? Есть такое чувство, будто ты видел ее раньше?

– Нет. Абсолютно, – покачал головой Томас, глядя то под ноги, то снова на девушку.

Алби поморщился.

– Ты уверен?

Судя по сердитому выражению лица Алби, он не верил ни единому слову Томаса.

Да с чего он решил, что я имею к этому какое-то отношение? – раздраженно подумал Томас. Он выдержал взгляд Алби и ответил единственно возможным образом:

– Да, уверен. А что?

– Проклятье, – проворчал Алби, оглядываясь на девушку. – Совпадения быть не может. Два дня и два новичка. Один живой, другой – мертвый.

Только сейчас Томас начал понимать, к чему клонит Алби, и обомлел от ужаса.

– Да ты что...

Слова застряли у него в горле.

– Расслабься, Шнурок, – сказал Ньют. – Никто не говорит, что ты прикончил девчонку.

Голова у Томаса пошла кругом. Он был уверен, что никогда прежде ее не видел, но почему-то теперь в душу стали закрадываться сомнения.

– Я клянусь, что она мне совершенно незнакома...

– А ты...

Ньют поперхнулся и умолк: девушка вдруг резко дернулась и села. Хватая ртом воздух, она часто заморгала и принялась крутить головой, дико глядя на обступивших ее людей. Алби вскрикнул и повалился на спину, Ньют испуганно ахнул и отскочил назад. Томас не двинулся с места, парализованный страхом, и продолжал, словно замороженный, смотреть на то, что только что считалось трупом.

Горящие голубые глаза девушки были широко открыты, рот жадно хватал воздух. Потом она попыталась что-то сказать, но слов разобрать было нельзя.

И вдруг девушка замерла, а потом внятно произнесла глухим, каким-то замогильным голосом одну-единственную фразу:

– Скоро все изменится.

Томас с изумлением наблюдал, как после этого девушка закатила глаза, повалилась на спину и затихла. При этом ее согнутая в локте правая рука взметнулась вверх и застыла, указывая в небо. В кулаке был зажат сложенный лист бумаги.

Томас попытался сглотнуть, но в горле пересохло. Подскочил Ньют и с трудом вытащил листок из стиснутых пальцев бывшего трупа. Дрожащими руками он развернул записку и, встав на колени, расправил ее на земле. Томас подошел поближе и заглянул Ньюту через плечо.

На листке жирными черными буквами небрежным почерком было написано всего два слова: *«Она последняя»*.

Глава девятая

Повисла странная тишина, словно над Глэйдом пронесся ветер и вымел все звуки. Для тех, кто не мог увидеть записку, Ньют прочитал ее содержимое вслух, однако никаких криков, возгласов или вопросов, которые ожидал услышать Томас, не последовало – глэйдеры, не произнося ни слова, ошеломленно смотрели на девушку. Она лежала на земле и выглядела так, будто спала: грудь поднималась и опускалась в такт едва уловимому дыханию. Судя по всему, девушка, оказывается, не умерла и вовсе не собиралась этого делать.

Ньют поднялся. Томас ожидал, что он начнет успокаивать всех, даст какое-то более или менее разумное объяснение происходящему, но тот лишь скомкал записку, сжав кулаки с такой силой, что на них проступили вены. Сердце Томаса оборвалось. На душе сделалось совсем скверно.

– Медаки! – крикнул Алби, сложив ладони рупором.

Томас не успел подумать, что значит это слово – он слышал его однажды, – как кто-то с силой отпихнул его в сторону: два подростка постарше продирались сквозь толпу зевак. Один высокий, со стрижкой ежиком и носом размером с крупный лимон, другой – маленький, черноволосый, с первыми признаками седины на висках. Томас решил, что их появление внесет хоть какую-то ясность в происходящее.

– Ну и что нам с ней делать? – спросил тот, что повыше, неожиданно высоким голосом.

– А я откуда знаю? – бросил Алби. – Вы у нас тут медаки, вот вы и думайте.

Медаки, – мысленно повторил Томас, начиная догадываться о значении слова. – *Скорее всего, это что-то вроде врачей.*

Невысокий медак склонился над девушкой, проверил ее пульс и, прижав ухо к груди, послушал биение сердца.

– А кто сказал, что Клинт должен первый к ней клеиться? – сострил кто-то в толпе. Несколько человек громко рассмеялись.

– Я – следующий! – раздался чей-то выкрик.

Как они могут шутить в такой ситуации? – возмутился Томас. – *Девушка чуть не умерла.* Он почувствовал отвращение.

Глаза Алби сузились, а рот перекосила недобрая усмешка, не предвещавшая ничего хорошего.

– Если хоть кто-нибудь прикоснется к ней – отправится ночевать к гриверам в Лабиринт, – сказал Алби. Он сделал паузу, медленно обводя взглядом окружающих, слово хотел заглянуть в глаза каждому. – Повторяю: никто ее не тронет!

Первый раз Томасу понравилось сказанное Алби.

Невысокий парень, которого звали Клинтом – если выкрикнувший его имя не ошибался, – завершил беглый медицинский осмотр и встал.

– Она вроде в порядке. Дыхание и пульс в норме. Правда, немного замедленные. Физически она так же здорова, как ты и я, но, видать, в коме. Джеф, давай-ка отнесем ее в Хомстед.

Джеф взял девушку за руки, а его напарник Клинт ухватил за ноги. Томас хотел как-то помочь – с каждой секундой он все сильнее сомневался в том, что не видел ее раньше. Она действительно казалась ему странно знакомой, он чувствовал с девушкой какую-то невидимую связь, хоть и не мог объяснить – какую. Подумав об этом, Томас нервно оглянулся, словно посторонние могли подслушать его мысли.

– На счет «три», – скомандовал Джеф. Его высокая, согнутая пополам фигура выглядела довольно нелепо. – Раз... два... три!

Они рывком подняли незнакомку с земли и почти подбросили в воздух – девушка, очевидно, оказалась куда легче, чем они предполагали, – и Томас еле сдержался, чтобы не заорать на них.

– Думаю, придется понаблюдать за ней какое-то время, – произнес Джеф, ни к кому особенно не обращаясь. – Если быстро не очухается, начнем кормить ее бульоном.

– Позаботьтесь о ней, – сказал Ньют. – Что-то в девчонке особенное. Иначе ее бы сюда не прислали.

У Томаса засосало под ложечкой. Он уже не сомневался, что как-то связан с девушкой. Они прибыли сюда с разницей в один день, ее лицо показалось ему знакомым, и, несмотря на все ужасное, что Томас узнал о Лабиринте, он испытывал необъяснимую потребность стать бегуном... Что все это могло значить?

Перед тем как медаки понесли девушку в Хомстед, Алби еще раз внимательно всмотрелся в ее лицо.

– Положите девчонку в соседней с Беном комнате и глаз с нее не спускайте! Обо всех изменениях немедленно сообщать мне. И не важно, что произойдет – обделается она или начнет говорить во сне. Сразу доложите!

– Хорошо, – буркнул Джеф, и они с Клинтом понесли девушку в Хомстед. Ее тело безжизненно раскачивалось.

Когда медаки ушли, толпа начала расходиться, на ходу обсуждая ситуацию и выдвигая все новые и новые предположения относительно произошедшего.

Томас рассеянно наблюдал за ними, погружившись в раздумья. О его необъяснимой связи с девушкой подозревал не он один. Неприкрытые намеки по поводу того, что Томас имеет к девушке какое-то отношение, свидетельствовали о том, что глэйдеры явно о чем-то догадывались, но вот о чем? Мало того, что он и так ничего не понимал, так теперь еще и эти обвинения... На душе сделалось совсем гадко. Словно прочитав его мысли, к нему подошел Алби и схватил за плечо.

– Ты уверен, что никогда ее раньше не видел? – спросил он.

Томас помедлил, прежде чем ответить.

– Нет... скорее, я не помню, – ответил он осторожно.

Интересно, а если он и вправду ее знал? Что бы это могло значить?

– Уверен? – допытывался Ньют, остановившийся рядом с Алби.

– Я... нет, не думаю. Чего ты ко мне пристал? И так тошно...

Сейчас Томасу хотелось лишь одного – чтобы поскорее наступила ночь и он смог бы остаться в одиночестве и заснуть.

Алби покачал головой, отпустил Томаса и повернулся к Ньюту.

– Что-то тут не так. Созывай Совет.

Он произнес это так тихо, что окружающие наверняка его не услышали, но в приказе слышалось что-то зловещее.

Алби и Ньют ушли, и Томас с радостью заметил, что к нему направляется Чак.

– Послушай, а что такое Совет?

Чак напыжился.

– Это когда собираются кураторы, – с важным видом сказал он. – Собrania проводятся очень редко – когда происходит что-то очень необычное или трагическое.

– Думаю, сегодняшнее событие подпадает под оба определения. – Урчание в желудке прервало поток мыслей. – Кстати, можно где-нибудь раздобыть чего-нибудь пожевать? А то утром я толком и не позавтракал. Умираю от голода.

Чак удивленно поднял брови.

– При виде этой полудохлой цыпочки в тебе проснулся голод? Да ты еще больший псих, чем я думал.

– Просто раздобудь поесть, хорошо? – вздохнул Томас.

Несмотря на скромные размеры кухни, она была укомплектована всем необходимым, чтобы приготовить полноценный обед. Тут имелись: большая плита, микроволновая печь, посудомоечная машина и два стола. Оборудование выглядело старым и изношенным, однако содержалось в идеальной чистоте. При виде кухонной утвари и привычной обстановки Томас вдруг почувствовал, что воспоминания, настоящие и цельные воспоминания, вот-вот вернутся к нему. Но важнейшие элементы – лица, имена, места и события, – по-прежнему отсутствовали. Все это буквально сводило с ума.

– Садись, – сказал Чак. – Я тебе что-нибудь принесу, но клянусь – в последний раз. Хорошо, что Фрайпана сейчас нет – он терпеть не может, когда мы суемся в его холодильник.

Томас был рад, что они остались одни. Пока Чак гремел посудой, доставая еду из холодильника, он выдвинул из-под небольшого пластикового стола деревянный стул и сел.

– Кошмар какой-то. Нас отправили сюда какие-то злодеи. Поверить не могу, что это на самом деле происходит...

– Перестань ныть. Просто прими как есть и не думай об этом, – отозвался Чак после небольшой паузы.

– Да, ты прав.

Томас посмотрел в окно. Похоже, сейчас наступил удачный момент, чтобы найти ответ хотя бы на один из миллиона вопросов, вертевшихся у него в голове.

– Откуда здесь электричество?

– А кого это волнует? Мне лично все равно.

Опять скрывает, – с досадой подумал Томас.

Чак поставил на стол две тарелки: на одной лежали сэндвичи с пышным белым хлебом, на другой – аппетитно блестящая ярко-оранжевая морковь. В животе снова заурчало, поэтому Томас схватил один из сэндвичей и жадно принялся его уплетать.

– Потрясающе, – прочавкал он с набитым ртом. – По крайней мере, еда здесь отменная.

Несмотря на странность всего окружающего, он вдруг снова почувствовал умиротворение. К счастью, Чак не горел желанием вступить в беседу, поэтому Томас спокойно пообедал в тишине, за что остался очень благодарен мальчишке.

Подкрепившись, он собрался с мыслями и решил, что с этого момента перестанет хныкать и начнет действовать.

Проглотив последний кусок сэндвича, Томас откинулся на спинку стула.

– Слушай, Чак, – начал он, вытирая губы салфеткой, – а что надо сделать, чтобы стать бегуном?

Чак поднял глаза от тарелки, с которой подбирал последние крошки, и громко отрыгнул. Томас невольно поморщился.

– Только снова не начинай!

– Алби сказал, что скоро я начну заниматься с разными кураторами. Как думаешь, когда я смогу попробовать себя в качестве бегуна?

Томас ждал от Чака толкового ответа, но тот лишь картинно закатил глаза, давая понять, что более идиотского желания и придумать нельзя.

– Они вернутся через несколько часов. Вот прямо у них и спросишь.

Томас решил не обращать внимания на иронию.

– Что они делают, когда возвращаются из Лабиринта? Что находится в той бетонной будке?

– Карты. Они собираются там сразу после возвращения, чтобы ничего не забыть.

– Карты? – Томас не поверил своим ушам. – Если они пытаются создать карту, что мешает им взять с собой бумагу и делать это прямо в Лабиринте?

Карты... Это заинтриговало его сильнее, нежели все остальное, о чем довелось услышать в последнее время. Впервые он услышал о чем-то, что могло помочь выбраться из заточения.

– Конечно же, они так и делают, но есть еще много всяких вещей, которые им нужно обсудить и проанализировать. К тому же, – Чак опять закатил глаза, – они почти все время *бегают*, а не рисуют. Потому и называются «бегунами»!

Томас задумался. Неужели Лабиринт настолько огромен, что за два года они так и не смогли найти из него выход? Это казалось невероятным. Но он вспомнил, как Алби что-то говорил про перемещающиеся стены. Что, если глэйдеры приговорены провести здесь весь остаток жизни?

Приговорены.

Слово вызвало панический ужас, и огонек надежды, зародившийся в нем после сытного обеда, моментально угас.

– Чак, а вдруг мы все – преступники? Какие-нибудь убийцы или вроде того...

– Чего?.. – Чак посмотрел на него как на сумасшедшего. – Откуда такие бредовые мысли?

– Сам посуди: нам стерли память, мы живем в месте, из которого невозможно сбежать, а территорию вокруг охраняют кровожадные монстры. Тебе это не напоминает тюрьму?

Теперь, когда Томас озвучил свою теорию вслух, она показалась еще более правдоподобной. Сердце у него екнуло.

– Чувак, мне примерно двенадцать лет. – Чак ткнул себя в грудь. – Максимум – тринадцать. Ты правда думаешь, что я совершил преступление, за которое меня могли бросить в тюрьму до конца жизни?

– Да какая разница, совершил или нет! Так или иначе, ты в заточении! Или ты считаешь, что оказался в летнем лагере?

Господи, – думал Томас. – Хотел бы я ошибаться.

Чак помолчал, затем произнес:

– Не знаю. По крайней мере, это лучше, чем...

– Да, я уже слышал! Лучше, чем жить в куче кланка!

Томас встал и задвинул стул назад под стол. Пусть Чак и был ему симпатичен, но любые попытки завязать с ним более или менее нормальный разговор заканчивались ничем и только злили.

– Можешь сделать себе еще один сэндвич, а я пойду на разведку. Увидимся.

Он быстро выскочил из кухни во двор, не давая Чаку возможности увязаться за собой. Глэйд снова принял обычный вид – люк был закрыт, подростки вернулись к своим делам, а в небе по-прежнему светило солнце. Никаких следов появления странной девицы, доставившей зловещую записку, не осталось.

Так как утренняя экскурсия была прервана, Томас решил самостоятельно пройтись по Глэйду, рассмотреть его как следует и, что называется, прочувствовать дух места. Сначала он направился в северо-восточный угол, к длинным рядам высоких кукурузных стеблей, с которых уже можно было снимать урожай. Неподалеку росли томаты, салат, горох и какие-то незнакомые Томасу растения.

Он глубоко втянул носом воздух, наслаждаясь запахами земли и травы. Томас надеялся, что запахи пробудят хоть какие-то воспоминания, однако этого не произошло. Подойдя ближе к огородам, он увидел нескольких парней, которые пололи и рыхлили грядки. Один из них, улыбаясь, махнул ему рукой, и улыбка была искренней.

Может, здесь не так уж и плохо, подумал Томас. Не все же тут сволочи. Он еще раз глубоко вдохнул приятный аромат и пошел дальше – ему хотелось посмотреть многое.

Он направился к юго-восточному углу Глэйда, где в небрежно сколоченных деревянных загонах содержались коровы, овцы и свиньи. И ни одной лошади. Хреново. Толку от наездников было бы куда больше, чем от бегунов. Когда Томас приблизился к ферме, то подумал, что

в прежней жизни он, вероятно, имел дело с животными. И запахи, и звуки казались ему очень знакомыми.

Запах фермы, конечно, был не так приятен, как аромат растений, но Томас посчитал, что могло быть и хуже. Исследуя Глэйд, он все больше поражался умению местных жителей вести хозяйство и сохранять среду обитания в идеальной чистоте. Его впечатлило, насколько организованными они, очевидно, были и как упорно сообща трудились. Можно себе представить, в какое отвратительное место превратился бы Глэйд, если бы все вдруг поглупели и обленились.

Наконец он оказался в юго-западном углу, неподалеку от роши.

Томас как раз приближался к редким хилым деревьям, стоящим на самой границе, за которыми начинались густые заросли, когда уловил под ногами едва различимое движение, сопровождающееся щелкающим звуком. От неожиданности он вздрогнул. Диковинное существо, отдаленно напоминающее игрушечную крысу, промелькнуло мимо него и, сверкнув на солнце стальным блеском, устремилось в сторону деревьев. Когда существо отбежало от Томаса футов на тридцать, он сообразил, что это была вовсе не крыса, а скорее ящерица, только на шести лапках.

Жук-стукач, осенило Томаса. «С их помощью за нами наблюдают» – вспомнил он слова Алби.

Глядя вслед убегающему существу, Томас заметил, что тот отбрасывал перед собой на землю красноватый свет, вероятно, исходящий из глаз. И еще Томас мог поклясться, что на покато́й спине жука большими зелеными буквами было написано «ЭТО ПОРОК», хотя логика подсказывала: разум просто решил сыграть с ним злую шутку.

Решив во что бы то ни стало разгадать загадку, он помчался вслед за жуком-шпионом и спустя всего несколько секунд оказался во мраке под сенью густых деревьев.

Глава десятая

Томас поразился внезапно обступившей его темноте. Со стороны лес выглядел не таким уж большим – пара акров, не больше. Однако высокие толстые деревья росли настолько плотно друг к другу, что сквозь густые кроны свет почти не проникал. Воздух в роще, казалось, имел легкий зеленоватый оттенок, словно на Глэйд внезапно опустились густые сумерки. Зрелище завораживало красотой и таинственностью одновременно.

Стараясь двигаться максимально проворно, Томас все глубже заходил в непролазные заросли. Тонкие ветки хлестали его по лицу, а под ногами шуршал толстый слой опавшей листвы и валежника. Чтобы пройти под здоровенными ветвями, приходилось пригибаться чуть ли не до самой земли, хватаясь за них руками, чтобы удержать равновесие.

Все это время взгляд Томаса был прикован к убегающему жуку-стукачу. И чем дальше жук углублялся в темную лесную чащу, тем ярче становились красноватые огоньки.

Когда юноша пробежал сто или сто пятьдесят футов, уклоняясь от сучьев, пригибаясь и то и дело падая на землю, жук прыгнул на самое толстое дерево и быстро вскарабкался вверх по стволу. Но когда Томас добежал до дерева, жук пропал из виду. Он бесследно исчез в густой кроне, словно его и не было.

Томас его упустил.

– Маленький ушмарок, – прошептал юноша, невольно улыбнувшись.

Как ни странно, выражение сорвалось с губ совершенно естественно, словно он уже становился глэйдером.

Где-то справа хрустнула ветка, и он резко повернул голову на звук. Затаив дыхание, Томас продолжал прислушиваться. Снова что-то хрустнуло – на этот раз громче, будто кто-то переломил о колено толстую палку.

– Кто здесь? – крикнул юноша, начиная нервничать.

Голос отразился от листвы и разнесся эхом по лесу. Томас стоял неподвижно, словно прирос к земле. Эхо стихло: наступила тишина, нарушаемая лишь отдаленным щебетанием птиц. Ответа не последовало. Как и нового хруста веток.

Не слишком задумываясь над тем, что делает, Томас пошел на источник звука. Нисколько не пытаясь скрыть свое продвижение, он двигался вперед, с шумом раздвигая ветки, которые, пружиня, тут же возвращались обратно. Он прищурился – глаза с трудом привыкали к нарастающей темноте, – и пожалел, что нет фонаря. Мысль о фонаре вернула его к размышлениям о потере памяти. Он снова вспомнил предмет из прошлого, но не мог соотнести его с местом, временем, событием или людьми. Невыносимо.

– Тут есть кто-нибудь?.. – снова позвал Томас. Он немного успокоился, отметив, что странные звуки больше не повторялись. Наверное, шорох произвело какое-то животное, а может, другой жук-стукач.

На всякий случай он снова крикнул:

– Это я! Томас! Новичок! Вернее, предпоследний новичок...

Томас поморщился и покачал головой, надеясь, что никто его не услышал. Сейчас он себя вел как последний идиот.

Снова тишина.

Он обошел толстый ствол раскидистого дуба и остановился как вкопанный – впереди было кладбище. По коже пробежали мурашки.

Небольшая полянка была покрыта густыми зарослями бурьяна. Из земли тут и там торчали простые деревянные кресты, горизонтальные перекладины которых были примотаны к столбам полусгнившими от времени веревками. Могильные кресты были выкрашены белым,

но, видимо, в большой спешке – в некоторых местах дерево было не покрашено вовсе. На крестах были вырезаны имена умерших.

Томас нерешительно подошел к ближайшей могиле и присел, чтобы рассмотреть, кто в ней похоронен. Здесь было настолько темно, что юноше казалось, будто он глядит через черную пелену дыма. Птицы притихли, словно отправились на ночевку, и даже жужжание насекомых было едва слышно. Только теперь Томас заметил, насколько влажен лесной воздух – на лбу и тыльных сторонах ладоней выступили крупные бусинки пота.

Он наклонился к кресту, установленному, очевидно, совсем недавно. На нем значилось имя – «Стивен». Вырезавший имя, видимо, не рассчитал, сколько места нужно для надписи: буква «н» была очень маленькой и едва умещалась на самом краю.

Стивен, размышлял Томас. Ему вдруг стало жалко умершего. *Что с тобой случилось? Может, Чак надоел тебе до смерти?..*

Он встал и пошел к соседнему кресту, почти полностью скрытому в зарослях. Могила выглядела самой старой, земля на ней была твердой как камень. Кто бы тут ни покоился, он явно был одним из первых умерших.

Хозяина могилы звали Джордж.

Томас посмотрел вокруг: тут находилась еще пара десятков могил, две из которых выглядели такими же свежими, как и первая. Внезапно внимание Томаса привлек серебристый отблеск, не очень похожий на сверкание жука, но не менее странный. Юноша пошел через кладбище и оказался у могилы, прикрытой то ли пластиком, то ли стеклом с грязными краями. Он попытался рассмотреть, что находится внутри, а когда понял, с ужасом отшатнулся. Это было что-то вроде окошка на могиле, в которой лежали полуистлевшие останки человека.

Любопытство пересилило отвращение, и Томас наклонился, чтобы рассмотреть могилу получше. Она была раза в два меньше обычной, и неудивительно: в ней находилась только верхняя половина покойника. В памяти всплыл рассказ Чака о том, как один смельчак попытался спуститься в пустую шахту, но был перерублен пополам чем-то, прилетевшим из глубины. На стекле Томас едва смог различить нацарапанную надпись. Она гласила:

**Пусть полушанк служит предупреждением
каждому: через шахту Ящика сбежать не получится.**

Странное дело, но Томас чуть не рассмеялся – слишком уж неправдоподобной казалась история. Впрочем, он тут же мысленно отругал себя за несерьезность. Покачав головой, юноша направился читать надписи на других могилах, но тут прямо перед ним, за деревьями на противоположной стороне кладбища, снова раздался хруст ломающейся ветки.

Затем еще один. И еще. Все ближе и ближе. В сумраке леса невозможно было ничего разглядеть.

– Кто здесь?! – крикнул Томас дрожащим голосом. Отзвуки эха были такими, словно он находился в туннеле. – Знаешь, это совсем не смешно!..

Неприятно признаваться самому себе, что испугался до смерти.

Тот, кто скрывался за деревьями, не ответил и, отбросив всякие попытки скрыть свое присутствие, побежал, с шумом продираясь сквозь лесную чащу. Томас окаменел от ужаса, поняв, что кто-то, огибая кладбище, направляется прямо к нему. Когда, судя по звуку, бегущий находился от него всего в нескольких футах, в тени деревьев Томас мельком увидел сухощавого парня, который бежал, странно подпрыгивая.

– Какого черт...

Неизвестный выскочил из леса прежде, чем Томас успел закончить фразу. Он успел лишь увидеть похожую на привидение фигуру с бледной кожей и огромными глазами. Томас закры-

чал и попытался убежать, но было поздно. Призрачная фигура подпрыгнула в воздухе и навалилась на него сверху, вцепившись в плечи мертвой хваткой. Томас повалился на землю, в падении задел чей-то могильный крест, поломав его надвое, и разодрал себе спину.

Он изворачивался и изо всей силы бил напавшего, но тот, очевидно, не собирался сдаваться и снова атаковал Томаса. Совершенно бледный, костлявый, клацающий зубами, напавший выглядел, как чудовище из кошмарного сна, но Томас понимал, что имеет дело с человеком – правда, абсолютно обезумевшим.

Неизвестный сильно укусил его за плечо, и Томас заорал от боли; выброс адреналина придал ему сил – он уперся ладонями в грудь нависающему над ним парню и с силой оттолкнул от себя. Противник опрокинулся назад, сокрушив при этом могильный крест – тот издал резкий треск.

Томас встал на четвереньки, жадно глотая воздух. Лишь теперь он смог хорошо рассмотреть напавшего на него безумца.

Это был Бен – парень, пострадавший от гривера.

Глава одиннадцатая

По-видимому, Бен не вполне восстановился, так как выглядел почти таким же, каким Томас видел его в Хомстед. Сейчас на нем были только шорты. Белая кожа, обтягивающая костлявое тело, напоминала бумагу, которой плотно обернули пучок хвороста, на теле пульсировали зеленые раздутые вены, хотя выступали они немного меньше, чем сутками ранее. Налитые кровью глаза смотрели на Томаса так, словно Бен собирался перегрызть ему глотку.

Бен присел, готовясь снова броситься в драку. Внезапно в его правой руке появился нож. Томас оцепенел от ужаса, не веря, что это происходит на самом деле.

– Бен!..

Томас резко повернулся на голос и увидел Алби – тот стоял на краю кладбища в полумраке леса и был здорово похож на привидение. Томас с облегчением заметил, что Алби держит большой лук и, натянув тетиву, целится прямо в Бена.

– Бен, – повторил Алби, – если немедленно не уймешься, ты – труп!

Томас перевел взгляд на нападавшего – тот со злостью глядел на Алби, облизывая пересохшие губы. Что с ним произошло? Парень превратился в настоящего монстра, но почему?

– Если убьешь меня, то убьешь не того! – взвизгнул Бен, брызгая слюной с такой силой, что она долетела до лица Томаса. – Ты должен прикончить этого шанка!..

Его голос был полон безумия.

– Кончай дурить, Бен, – спокойно произнес Алби, продолжая держать его на прицеле. – Томас у нас появился только что, так что не о чем волноваться. Ты просто еще не очухался от Метаморфозы. Будет лучше, если ты вернешься в Хомстед.

– Он чужак! – закричал Бен. – Я видел его! Он... он – враг! Мы обязаны его прикончить! Позволь мне выпустить ему кишки!

Услышав такое, Томас инстинктивно попятился. Интересно, что Бен имел в виду, когда сказал, что *видел* Томаса? И с чего он взял, что Томас – враг?..

Алби не шелохнулся, продолжая целиться в Бена.

– Такие вопросы решать мне и кураторам, утырок стебанутый. – Алби держал лук настолько твердо, словно опирался рукой о дерево. – Успокойся и тащи свою костлявую задницу назад в Хомстед!

– Он хочет вернуть нас домой! – крикнул Бен. – Он хочет вывести нас из Лабиринта! Уж лучше сразу прыгнуть с Обрыва или перерезать друг друга!

– О чем ты говоришь? – оторопел Томас.

– Заткнись! – заорал Бен. – Захлопни свой поганый рот, предатель!

– Бен, – тихо произнес Алби. – Я считаю до трех.

– Он – враг! Враг, враг, враг... – словно заклинание, зашептал Бен.

Неотрывно глядя на Томаса, он медленно покачивался взад-вперед, перекладывая нож из одной руки в другую.

– Раз.

– Враг, враг, враг, враг...

Теперь Бен улыбался. В сумраке леса его зубы, казалось, испускали тусклое зеленоватое свечение.

Томасу хотелось отвернуться, вскочить и убежать, но, парализованный страхом, он был не в силах сдвинуться с места.

– Два.

Голос Алби прозвучал громче и более угрожающе.

– Бен, – произнес Томас, пытаясь как-то уладить конфликт. – Я не... Я вообще не знаю, что...

Бен издал дикий вопль и бросился вперед, замахнувшись ножом.

– Три!.. – крикнул Алби и спустил туго натянутую тетиву.

Воздух прорезал свист выпущенной стрелы, и ее наконечник с отвратительным чавкающим звуком вонзился в живую плоть.

Голова Бена резко дернулась влево. Развернувшись, он пошатнулся и рухнул на живот – ногами к Томасу, – не издав ни звука. Томас вскочил и сделал несколько шагов вперед. Длинный черенок стрелы торчал у Бена из щеки. На удивление, крови было гораздо меньше, чем можно было ожидать, но она все-таки вытекала, и в сумраке леса выглядела черной, как нефть. Бен лежал неподвижно, лишь палец на его правой руке продолжал конвульсивно подергиваться. Томаса чуть не вырвало. Неужели Бен погиб из-за него? Неужели он виноват в его гибели?..

– Пойдем, – сказал Алби. – Чистильщики завтра о нем позаботятся.

Что здесь вообще произошло?! – думал Томас, глядя на бездыханное тело. – Что я такого сделал этому парню?!

Он оторвал взгляд от тела, надеясь получить ответы, но Алби уже исчез, и лишь качающаяся ветка дерева указывала на то, что он только что был здесь.

Томас, прихрамывая, вышел из леса под ослепительные лучи солнца и зажмурился. Нестерпимо болела лодыжка, хотя он и не заметил, в какой момент ее повредил. Одной рукой он прижимал место, в которое его укусил Бен, другой держался за живот, словно хотел подавить подступающий позыв к рвоте. Перед глазами стояла жуткая картина: неуклюже лежащий Бен с вывернутой под неестественным углом головой, по стреле стекает кровь и, собираясь на наконечнике, капает на землю.

Все, хватит.

Он опустился на колени под одним из тощих деревьев на опушке леса, и его стошнило. Томаса все рвало и рвало до тех пор, пока он не стал отплеиваться желчью. Выворачивало наизнанку: казалось, приступ никогда не закончится.

И в этот момент, словно разум решил сыграть с ним злую шутку, Томас вдруг осознал, что находится в Глэйд почти двадцать четыре часа. Один полный день. Ни больше, ни меньше. В голове пронеслось все, что с ним произошло за это время. Все жуткие события.

И пришла уверенность: самое худшее уже произошло и дальше жизнь просто обязана наладиться.

Ночью Томас лежал, уставившись в усыпанное звездами небо, и гадал, сможет ли вообще когда-нибудь заснуть. Стоило ему смежить веки, и в памяти всплывал страшный образ Бена, бросающегося на него с перекошенным от бешенства лицом. Но независимо от того, закрывал или открывал Томас глаза, он продолжал слышать звук стрелы, вонзающейся в щеку Бена.

Юноша был уверен, что те пять минут на кладбище будет помнить до конца своих дней.

– Скажи что-нибудь, – обратился к нему Чак в пятый раз с тех пор, как они залезли в спальные мешки.

– Не хочу, – снова повторил Томас.

– Все знают, что произошло. Пару раз такое уже бывало. У покусанных гриверами иногда едет крыша, и они накидываются на окружающих. Так что ты не исключение.

Впервые Томас подумал, что Чак стал не просто назойливым, а почти невыносимым.

– Чак, радуйся, что сейчас у меня нет в руках лука Алби.

– Я всего лишь...

– Чак, замолчи и спи.

Томас почувствовал: еще немного, и он взорвется.

Наконец его «приятель» уснул, присоединившись к хору подростков, оглашавших Глэйд храпом.

Прошло несколько часов; была уже глубокая ночь, а Томас оставался единственным, кто не спал. Хотелось расплакаться, но слез не было. Потом, по непонятной причине, захотелось найти Алби и избить его, но он отказался от этой мысли. Юноша хотел закричать и выругаться, открыть люк и прыгнуть в черную пустоту шахты. Но он не сделал и этого.

Томас закрыл глаза, заставив себя отбросить мрачные мысли, и через некоторое время все-таки заснул.

Утром Чаку пришлось силой выволакивать Томаса из спального мешка, тащить в душ, а потом еще и в раздевалку – тот был вялым и безразличным ко всему. Завтрак прошел как в тумане: когда спустя полчаса он закончился, Томас даже не мог припомнить, что конкретно ел. Он был совершенно разбит и ощущал себя так, словно ему вскрыли череп и всадили в мозг целую дюжину гвоздей. Вдобавок ко всему его мучила изжога.

К сожалению, как успел понять Томас из разговоров, на ферме косо смотрели на любителей поспать в рабочее время.

Вскоре он уже стоял рядом с Ньютом перед хлевом на Живодерне и мысленно готовился к встрече с первым куратором. Несмотря на отвратительное утро, он был рад, что откроет для себя что-то новое; к тому же работа на ферме давала отличный шанс отвлечься от мыслей о случившемся на кладбище. Вокруг мычали коровы, блеяли козы и хрюкали свиньи. Где-то поблизости залаяла собака.

Надеюсь, Фрайпан не вложил новый смысл в понятие «хот-дог», – подумал Томас. – *Хот-дог... Когда я в последний раз ел хот-дог? И с кем?*

– Томми, ты вообще меня слушаешь?

Томас очнулся от раздумий и повернулся к Ньюту. Тот, видимо, уже довольно долго что-то говорил, но юноша не слышал ни единого слова.

– Что? А, да, извини. Просто я ночью почти не спал.

Ньют улыбнулся, пытаясь изобразить сожаление.

– Да, блин, понимаю. На тебе и правда лица нет. Небось думаешь, какой я стеганутый ушмарок, что заставляю тебя тащиться на ферму после всего, что вчера случилось?

Томас пожал плечами.

– Думаю, работа – именно то, что мне сейчас нужно. Я готов на все, лишь бы отвлечься.

Ньют кивнул и на этот раз улыбнулся более искренне.

– Как я и думал, ты не дурак, Томми. Мы тут дураков не держим, и это одна из причин, по которым нам удается сохранять Глэйд в чистоте и порядке. Начнешь лениться – начнешь хандрить. А начнешь хандрить – перестанешь бороться за жизнь и сдашься. Все просто.

Томас кивнул, катая ногой камень по пыльной потрескавшейся земле.

– Есть новости про вчерашнюю девушку?

Если что и могло рассеять тягостные воспоминания, так только мысли о незнакомке. Томас продолжал ощущать странную связь с новенькой, поэтому хотел узнать о ней как можно больше.

– Спит. Все еще в коме. Медаки заливают ей в рот какую-то жидкую стряпню Фрайпана, следят за работой органов и все такое. Она вроде в порядке, хотя и в отключке.

– Странно все это.

Томас не сомневался, что не случись на кладбище инцидента с Беном, все его мысли были бы о девушке. Возможно, он не смог бы сомкнуть глаз из-за нее. Жутко хотелось выяснить, кто она, действительно ли они были знакомы в прошлом.

– Точно. Думаю, слово «странно» подходит как нельзя лучше.

Томас попытался отбросить мысли о девушке и переключил внимание на большой хлев за спиной у Ньюта.

– С чего начнется испытание? Мне предстоит подоить коров или, может, заколоть несколько несчастных поросят?

Ньют засмеялся, и Томас про себя отметил, что он почти не слышал смеха с тех пор, как появился в Глэйде.

– Сначала мы направляем новичков к чертовым забойщикам. Но ты не волнуйся: забой животных для кухни Фрайпана – лишь малая часть работы. У забойщиков масса других обязанностей, связанных со скотиной.

– Жаль, не помню, кем был раньше. Может, любителем резать зверушек, – пошутил Томас, но Ньют, кажется, совсем не понял шутки.

– Будь спокоен, к заходу солнца ты это узнаешь. – Он кивнул в сторону хлеба. – Пошли к Уинстону – он тут куратор.

Уинстон оказался прыщавым мальчишкой, коренастым и очень мускулистым. Томас подумал, что куратор любит свою работу, пожалуй, сверх меры.

Может, его сослали сюда из-за того, что он был серийным убийцей?

В течение первого часа Уинстон показывал Томасу загоны с животными, индюшатники, курятники, хлев и объяснял, какую работу нужно выполнять. Пока они обходили ферму, Томаса неотступно сопровождала местная собака – надоедливый черный лабрадор по кличке Гав. Томас поинтересовался, откуда в Глэйде могла появиться собака, но Уинстон ответил, что она жила здесь изначально. К счастью, Гав оказался молчалив и, скорее всего, такую кличку ему дали в шутку.

Следующий час был посвящен непосредственно работе – кормежке животных, уборке помещений, ремонту ограды и выгребанию кланка.

Кланк. Томас поймал себя на том, что использует словечки глэйдеров все чаще и чаще.

Третий час на ферме выдался для него наиболее трудным: ему пришлось наблюдать, как Уинстон сначала заколол свинью, а потом разрезал на куски перед отправкой на кухню. По пути на обед Томас поклялся себе в двух вещах: во-первых, его работа не будет связана с животными и, во-вторых, он больше никогда не станет есть свинину.

Уинстон отпустил Томаса на обед одного, сказав, что останется на Живодерне. Томас был только рад этому. В присутствии Уинстона он чувствовал себя неудобно. Шагая в направлении Восточных Ворот, он так и представлял куратора грызущим в темном углу скотобойни сырую свиную ногу.

Юноша как раз проходил мимо Ящика, когда, к огромному его удивлению, из Лабиринта через Западные Ворота слева от него вбежал парень азиатской внешности с сильными руками и короткими черными волосами, на вид чуть старше Томаса. Переступив границы Глэйда, бегун сделал еще три шага, остановился и наклонился, упершись руками в колени и пытаясь отдышаться. Глядя на его покрасневшее лицо и одежду, насквозь пропитанную потом, можно было решить, что он пробежал не меньше двадцати миль.

Томас с любопытством рассматривал его – ему пока не доводилось видеть бегунов так близко, не говоря уже о том, чтобы общаться с ними. К тому же, судя по наблюдениям двух предыдущих дней, этот бегун вернулся на несколько часов раньше обычного. Томас направился к парню, намереваясь задать тому несколько вопросов.

Но не успел он мысленно оформить хотя бы одну фразу, как бегун рухнул на землю.

Глава двенадцатая

Парень лежал неподвижно в неуклюжей позе. Несколько секунд Томас боролся с искушением броситься на помощь, однако никак не мог принять решение, опасаясь навлечь на себя неприятности. Но что, если с парнем действительно что-то серьезное? Что если его... покусили? Или...

Томас отбросил сомнения – бегуну явно требовалась помощь.

– Алби!.. – заорал юноша. – Ньют! Кто-нибудь, приведите их!

Он подскочил к распластанному парню и опустился на землю рядом с ним.

– Эй, ты как?

Голова бегуна лежала на вытянутых руках, бока раздувались от тяжелого дыхания. Парень находился в сознании, хотя Томас никогда не видел человека более вымотанного.

– Я... в порядке, – ответил бегун, еле ворочая языком. Потом посмотрел на Томаса. – А ты что еще за кланк?

– Я новенький, – Томас вдруг подумал, что бегуны круглые сутки проводят в Лабиринте и узнают обо всем, что происходит в Глэйде, только из чьих-то рассказов. Интересно, ему уже сообщили о появлении девушки? Наверняка кто-то уже насплетничал. – Меня Томасом зовут. Появился у вас два дня назад.

Бегун кое-как принял сидячее положение. Его черные волосы прилипли к мокрому от пота лбу.

– А, Томас, – выдохнул он. – Новички. Ты и та цыпочка.

Алби подбежал к ним с явно озабоченным видом.

– Ты чего так рано вернулся, Минхо? Стряслось что-нибудь?

– Не гони лошадей, Алби, – отозвался бегун. Похоже, силы возвращались к нему с каждой новой секундой. – Лучше принеси воды – пришлось бросить рюкзак в Лабиринте.

Алби не двинулся с места. Он довольно сильно пнул Минхо в ногу, давая понять, что не шутит.

– Рассказывай, что произошло!

– Я едва говорить могу, балда! – рявкнул Минхо хрипло. – Принеси воды!

Томас с удивлением заметил, что по лицу Алби промелькнуло нечто напоминающее улыбку. Впрочем, парень тут же нахмурился и поглядел на Томаса.

– Минхо – единственный шанк, кто имеет право говорить со мной в таком тоне. Любой другой уже летел бы вверх тормашками с Обрыва.

И тут Алби встал и побежал – видимо, за водой для этого Минхо.

Томас был просто поражен.

– Почему он разрешает тебе помыкать собой? – спросил он.

Бегун пожал плечами и вытер со лба свежие капли пота.

– Ты что, испугался этого пустомели? Чувак, тебе предстоит еще многому научиться. Чертовы новички!

Упрек задел Томаса сильнее, чем можно было ожидать, учитывая, что знакомство с Минхо длилось всего три минуты.

– А разве он не ваш вожак?

– Вожак?.. – Минхо издал хриплый звук, очевидно, обозначающий смех. – Ну-ну. Можешь называть таким манером, если хочешь. А может, стоит величать его Эль Президенте? Или нет! Лучше Адмирал Алби! Так гораздо красивее!

Продолжая хихикать, он потер глаза.

Томас оказался в замешательстве, не зная, как продолжать разговор. Невозможно было понять, шутит Минхо или говорит серьезно.

– И кто тогда вожак, если не он?

– Лучше помолчи, Шнурок, пока совсем не запутался, – вздохнул Минхо, словно Томас его утомил, затем тихо пробормотал под нос: – И чего вы, шанки зеленые, вечно лезете с глупыми вопросами? Это так достает...

– А ты чего ожидал? – внезапно вспыхнул Томас.

Можно подумать, ты не так же себя вел, когда сам тут очутился! – захотелось ему сказать.

– Ожидал, что сделаешь то, что тебе сказали, – закроешь рот.

При этих словах Минхо впервые посмотрел Томасу прямо в глаза. Тот невольно отстранился и немедленно пожалел об этом – было ошибкой позволять парню думать, что он может говорить с ним в таком тоне.

Томас выпрямился и произнес, глядя на лежащего бегуна:

– Ага. Уверен, что именно это ты и делал, когда был новичком.

Минхо пристально посмотрел на него.

– Я – один из самых первых глэйдеров, балда. Так что не болтай о том, чего не знаешь.

Теперь Томас стал немного опасаться парня, но все равно – ему осточертело такое обращение с собой. Он хотел было встать и уйти, но Минхо быстро схватил его за руку.

– Чувак, расслабься. Я всего лишь прикалываюсь. Знаешь, иногда забавно действовать на нервы новичкам. Ты и сам поймешь, когда прибудет... – Он осекся, озадаченно задрал брови. – Как думаешь, новеньких и правда больше не будет?

Томас расслабился и снова сел рядом, удивляясь, как легко бегуну удалось его успокоить. Он вспомнил про девушку и записку, в которой говорилось, что она «последняя».

– Думаю, не будет.

Минхо вопросительно посмотрел на него.

– Ты видел цыпочку, верно? Все говорят, что вы с ней знакомы или типа того.

Томас почувствовал, как в нем нарастает обида.

– Видел, только она мне совсем не кажется знакомой.

Внезапно ему стало стыдно за свое вранье. Пусть ложь и была пустячной.

– Симпатичная?

Томас не думал о девушке в таком аспекте, с тех пор как она очнулась с запиской в руке и произнесла замогильным голосом «*Скоро все изменится*». Но ее красота ему запомнилась.

– Да, кажется, симпатичная, – ответил он, немного подумав.

Минхо медленно опустил на спину и закрыл глаза.

– Ну да. *Кажется*... При условии, что тебя привлекают цыпочки в отключке, – засмеялся он.

– Ага.

Манера поведения Минхо, похоже, менялась ежеминутно, поэтому Томас никак не мог для себя решить, нравится ему бегун или нет.

После долгой паузы он все-таки решился спросить:

– Что-нибудь интересное нашел сегодня?

Минхо посмотрел на него круглыми от удивления глазами.

– Знаешь, Шнурок, это самый идиотский вопрос, который только можно задать бегуну. –

Он опять закрыл глаза. – Впрочем, сегодня особый день.

– Что ты имеешь в виду?

Томас сгорал от нетерпения, ожидая получить хоть какую-то информацию. *Ответь!* – мысленно умолял он. – *Пожалуйста, ответь мне!*

– Давай подождем возвращения нашего свадебного генерала. Не люблю повторять одно и то же по два раза. К тому же он может быть против того, чтобы ты слышал.

Томас вздохнул. В очередной раз он остался без ответа, но его это совсем не удивляло.

– Ну скажи хоть, где так вымотался. Да и вернулся ты раньше. Обычно вы весь день там проводите?

Минхо с кряхтением приподнялся и сел, скрестив ноги.

– Точно, Шнурок. Целый день мотаюсь по Лабиринту. Но сегодня, скажем так, я малость переволновался, поэтому и рванул назад побыстрее.

Томасу не терпелось поскорее узнать, что произошло в Лабиринте.

– Расскажи.

Минхо всплеснул руками.

– Чувак! Говорю тебе – терпение! Подождем генерала Алби.

Что-то в интонации бегуна было такое, что смягчило отказ, и Томас окончательно определился: Минхо ему симпатичен.

– Ладно, умолкаю. Но когда будешь рассказывать новости Алби, сделай так, чтобы он меня не прогнал, хорошо?

Бегун пару секунд молча глядел Томасу в глаза, затем ответил:

– Хорошо, Шнурок. Ты у нас тут босс.

Спустя несколько секунд появился Алби и протянул Минхо большую пластиковую кружку с водой; тот осушил ее залпом.

– Итак, – начал Алби, – с этим покончено. Теперь говори, что там стряслось?

Минхо поднял брови и кивнул в сторону Томаса.

– Не обращай внимания, – ответил Алби. – Мне плевать, что услышит этот шанк. Говори же!

Томас молча наблюдал, как Минхо поднимается, пошатываясь из стороны в сторону. Весь его облик буквально *кричал* о неимоверной усталости. Бегун прислонился к стене и обвел обоих ледяным взглядом.

– Я нашел труп.

– Что? – оторопел Алби. – Чей труп?

Минхо улыбался.

– Труп гривера.

Глава тринадцатая

При упоминании о гриверах у Томаса учащенно заколотилось сердце – трудно было вспоминать о чудовищах без содрогания. Но ему стало любопытно, почему мертвый гривер наделал такого переполоха. Неужели раньше они не сталкивались с подобным?

Вид у Алби был недоверчивый, словно ему пообещали, что сейчас за спиной у него вырастут крылья, и он сможет взлететь.

– Сейчас не самое подходящее время для шуток, – сказал он.

– Знаешь, на твоём месте я бы тоже не поверил, – ответил Минхо. – Но я видел эту дохлую тварь собственными глазами, можешь не сомневаться.

Определенно ничего подобного раньше не происходило, подумал Томас.

– Значит, ты обнаружил *мертвого* гривера, – задумчиво повторил Алби.

– Верно, – немного раздраженно подтвердил Минхо. – Он в паре миль отсюда, недалеко от Обрыва.

Алби посмотрел в просвет в стене, потом снова на бегуна.

– Ну хорошо... А почему ты не притащил его с собой?

Минхо издал смешок, который больше походил на недовольное фырканье.

– Чувак, ты чего, огненного соуса Фрайпана перебрал? Да они по полтонны весят! И вообще, я не прикоснусь ни к одной из этих тварей, даже если мне пообещают выход из Лабиринта!

– Как он выглядел? – спросил Алби. – Он хоть немного шевелился? Железные шипы на теле были выпущены? А кожа скользкая?

Томаса распирало от любопытства. Железные шипы? Скользкая кожа? Да о чем они вообще?.. Однако он продолжал молчать, стараясь не напоминать о своем присутствии. Вряд ли подобные темы следовало обсуждать при посторонних.

– Короче, старик, – сказал Минхо. – Ты должен сам посмотреть на него. Тут есть какая-то странность.

– Странность? – удивленно переспросил Алби.

– Чувак, я чертовски устал, хочу жрать, и вдобавок мне солнцем напекло башку. Но если настаиваешь, можем туда смотаться. Как раз успеем вернуться к закрытию Ворота.

Алби посмотрел на часы.

– Лучше отложим до утра.

– Самое умное, что я услышал от тебя за последнюю неделю. – Минхо выпрямился, шутливо ткнул Алби кулаком в плечо и, слегка пошатываясь, побрел к Хомстеду.

По-видимому, боль в теле не позволила ему оглянуться, так как он, уходя, крикнул через плечо:

– По идее я обязан вернуться назад в Лабиринт, но мне по фигу. Пойду навещу Фрайпана и чего-нибудь пожую.

Томас был немного разочарован. Он понимал, что Минхо устал и ему требовалось отдохнуть и поесть, но все равно хотелось разузнать побольше.

Алби неожиданно повернулся к нему.

– Если ты что-то знаешь, но скрываешь...

Томасу до чертиков надоело, что его обвиняют в сокрытии какой-то информации. Неужели у них других проблем нет? Ведь он действительно ничего такого не утаивал.

– За что ты меня так ненавидишь? – прямо спросил он, глядя Алби прямо в лицо.

На лице Алби отобразились одновременно смущение, гнев и удивление.

– *Ненавижу* тебя? Ты так ничему и не научился с тех пор, как вылез из Ящика, придурок! Речь тут идет не о ненависти, симпатии, любви, дружбе или прочей ерунде! Все, о чем мы тут

думаем, – как бы выжить. Так что забудь бабьи замашки, шанк, и включай гребаные мозги, если они у тебя есть!

Томасу будто дали пощечину.

– Но... почему ты продолжаешь обвинять...

– Потому что совпадения быть не может, балда стебанутая! Сначала появляешься ты, на следующий день – эта девчонка с непонятным посланием, потом на тебя набрасывается Бен, а теперь еще гриверы дохнуть стали! Что-то здесь не так, и я не успокоюсь, пока не разберусь, что именно!

– Я ничего не знаю, Алби, – твердо сказал Томас. Кажется, сейчас был удачный момент для того, чтобы проявить характер. – Я даже не знаю, чем занимался три дня назад, и тем более не в курсе, почему Минхо наткнулся на труп существа, которое вы называете гривером! Так что отвали!

Алби отпрянул назад и несколько секунд оторопело глядел на него. Затем сказал:

– Не кипятись, Шнурок. Взрослей и начинай соображать. Никто никого ни в чем не обвиняет. Но если что-то вспомнишь, если что-то тебе покажется знакомым, сразу скажи. Пообещай.

Не раньше, чем ко мне вернутся воспоминания, – подумал Томас. – *И не раньше, чем я сам захочу делиться ими.*

– Я думаю... Ладно, но...

– Просто пообещай!

Томас замолчал. Алби и нажим, с каким он действовал, ему порядком опротивели.

– Обещаю, – наконец ответил он. – Если что вспомню, сообщу.

Алби кивнул, развернулся и, не произнеся более ни слова, пошел прочь.

Томас выискал самое раскидистое дерево на опушке леса около Могильника – оно давало наибольшую тень. Возвращаться назад на ферму к Мяснику Уинстону он побаивался. Томас понимал, что необходимо поесть, но ему не хотелось никого ни видеть, ни слышать, поэтому он предпочел остаться в одиночестве до тех пор, пока его не хватятся. Он сидел, опершись на толстый ствол дерева, и мечтал хотя бы о слабом ветерке, но ветра не было.

Томас уже почти задремал, когда тишину и покой нарушил Чак.

– Томас! Томас!.. – кричал мальчишка, на ходу размахивая руками. На лице его читалось сильнейшее возбуждение.

Томас потер глаза и недовольно застонал; больше всего на свете ему сейчас хотелось немного поспать. Он поднял глаза на Чака только тогда, когда услышал прямо перед собой его учащенное дыхание.

– Чего тебе?

– Бен... Бен... он... не умер, – с трудом выдавил Чак, пытаясь отдышаться.

Услышав это, Томас подскочил как ужаленный. От усталости ни осталось и следа.

– *Что?!*

– Он... не умер. За ним пошли чистильщики... стрела не задела мозг... Медаки его кое-как залатали.

Томас оглянулся на лес, где прошлым вечером на него напал обезумевший глэйдер.

– Ты что, издеваешься? Я сам его видел...

Он не умер? Томас не мог бы сейчас ответить, что сейчас чувствовал сильнее: смятение, облегчение или страх оттого, что на него снова могут напасть...

– Ага, и я его видел. Со здоровенной повязкой на голове, – ответил Чак. – Его заперли в Кутузке.

Томас снова повернулся к нему.

– Кутузке?.. В каком смысле?

– Да, в Кутузке. У нас с северной стороны Хомстеда устроена тюрьма. – Чак ткнул пальцем в сторону дома. – Его упекли так быстро, что медакам пришлось оказывать ему помощь прямо в камере.

Томас потерял глаза. Он понял, что на самом деле чувствовал, и от этого стало стыдно, – он испытал облегчение, решив, что Бен погиб и больше не придется его бояться.

– И что теперь с ним будет?

– Утром был Совет кураторов на эту тему. Принято единогласное решение. Теперь, думаю, этот шанк очень сильно жалеет, что стрела сразу не проткнула ему гнилые мозги.

Томас искоса посмотрел на Чака.

– О чем ты говоришь?

– Сегодня вечером его ждет Изгнание. За то, что пытался тебя убить.

– Изгнание? А это еще что такое? – спросил Томас, хотя он и догадывался, что ничего хорошего за этим словом не кроется, раз Чак считал его чем-то похуже смерти.

Но тут Томас увидел, пожалуй, самое страшное из всего, чему стал свидетелем с момента прибытия в Глэйд: Чак улыбался. Улыбался, несмотря на весь ужас новости, которую принес.

Ничего не ответив, Чак развернулся и побежал прочь – видимо, чтобы поделиться потрясающим известием с кем-нибудь еще.

Вечером, когда над Глэйдом начали сгущаться сумерки – примерно за полчаса до закрытия проходов, – Ньют и Алби собрали всех глэйдеров у Восточных Ворот. Бегуны вернулись совсем недавно и тут же скрылись в таинственном Картохранилище, заdraив за собой тяжелую стальную дверь. Минхо уже находился там. Алби попросил бегунов закончить свои дела как можно скорее и выделил им на все про все двадцать минут.

Тот факт, что Чак улыбался, сообщая весть об Изгнании Бена, все еще тревожил Томаса. Он понятия не имел, что скрывается за наказанием, но был уверен – нечто страшное. Особенно если учесть, что все они собрались прямо у выхода в Лабиринт. *Неужели они хотят выдворить его наружу?* – размышлял он. – *Прямо к гриверам?*

Гнетущая атмосфера ожидания чего-то зловещего нависла над толпой, словно грозовая туча. Глэйдеры напряженно перешептывались. Томас молча стоял, скрестив на груди руки, и терпеливо ожидал представления. Наконец бегуны покинули будку. Выглядели они очень уставшими, на лицах по-прежнему оставалось напряженное выражение глубокой задумчивости. Минхо вышел первым: это навело Томаса на мысль о том, что он был их куратором.

– Давайте его сюда! – скомандовал Алби, заставив Томаса вздрогнуть и очнуться от дум.

Томас опустил руки, повернулся и стал выискивать глазами Бена, с беспокойством думая, как поведет себя обезумевший юноша, когда его увидит.

Из-за дальнего угла Хомстеда показались три крепких парня, которые буквально волокли Бена по земле – тот отказывался идти самостоятельно. Одежда на мальчике была изорвана настолько, что едва держалась, а голову и лицо прикрывала толстая, мокрая от крови повязка. Он походил на мертвеца – таким же Томас видел его последний раз на кладбище. За исключением одной детали: теперь его глаза были открыты и полны страха.

– Ньют, – сказал Алби очень тихо. Не находишь Томас всего в нескольких футах рядом, он бы не расслышал слов. – Неси шест.

Ньют, очевидно, ожидал приказа, поэтому кивнул, уже направляясь к небольшому сараю с садовым инвентарем, стоявшему на Плантации.

Томас снова перевел взгляд на Бена и его конвоиров. Несчастный по-прежнему не пытался сопротивляться, позволяя волочить себя по пыльным камням. Поравнявшись с толпой, конвоиры поставили Бена прямо перед Алби, и пленник лишь безвольно свесил голову, не решаясь глядеть никому в глаза.

– Ты сам виноват, Бен, – бросил Алби, покачав головой, и посмотрел на сарай, к которому пошел Ньют.

Томас проследил за его взглядом: Ньют как раз вышел из перекошенного дверного проема с несколькими алюминиевыми трубами в руках и принялся соединять их в единый шест, футов двадцати в длину. Закончив, он закрепил на одном из концов какой-то странный предмет и потащил готовую конструкцию к толпе. У Томаса мурашки побежали по спине, когда он услышал жуткий скрежет, с которым труба волочилась по камням.

Он был ужасно напуган всей этой процедурой и почему-то никак не мог отделаться от чувства ответственности за случившееся, хотя и понимал, что ничем Бена не провоцировал. Несмотря на это, Томас сильно переживал. Что он сделал не так? Ответа не было, но угрызения совести все равно продолжали грызть его изнутри, словно язва.

Наконец Ньют подошел к Алби и передал тому конец шеста. Только теперь Томас смог рассмотреть странный предмет, который прикрепил Ньют к противоположному краю: к железной трубе толстой проволокой была прикручена петля из грубой кожи. Большая застежка в виде кнопки указывала на то, что петля могла открываться и закрываться. Назначение механизма стало очевидным.

Это был ошейник.

Глава четырнадцатая

Томас наблюдал, как Алби расстегнул ошейник и надел его на шею Бену. Когда кожаная петля с громким шлепком сомкнулась, Бен поднял голову. Его глаза застлала слеза, а из носа бахромой свисали сопля. Глэйдеры взирали на него в молчаливом ожидании.

– Алби, пожалуйста, – начал умолять Бен таким жалостливым голосом, что Томас засомневался, а тот ли это парень, который днем ранее попытался перерезать ему глотку. – Я клянусь, у меня просто помутилось в голове. Это было секундное помешательство из-за Метаморфозы. Я бы никогда его не убил. Пожалуйста, Алби. Пожалуйста!

Каждое слово, слетающее с уст мальчика, было для Томаса словно удар кулаком в живот; он ощущал себя виноватым все сильнее и сильнее.

Алби не удостоил Бена ответом. Вместо этого он дернул за ошейник, чтобы убедиться, что и на шесте, и на шее Бена тот закреплен как надо. Затем прошел вдоль шеста, оторвав его от земли и проведя ладонью по всей длине. Когда достиг конца шеста, крепко обхватил его и повернулся к толпе. Глаза Алби были налиты кровью, он тяжело дышал, а лицо перекосила злобная гримаса. Внезапно вожак глэйдеров показался Томасу олицетворением зла.

На противоположном конце шеста была совсем иная картина: Бен, дрожащий и плачущий, с петлей из неровно вырезанной старой кожи на бледной худой шее, прикованный к длинной двадцатифутовой трубе. Даже оттуда, где стоял Томас, труба казалась очень прочной – алюминиевый шест если и прогибался в центре, то совсем чуть-чуть.

Алби заговорил громким, почти торжественным голосом, не обращая ни к кому конкретно и в то же время ко всем сразу.

– Бен Строитель, Совет кураторов вынес решение. Ты приговариваешься к Изгнанию за попытку убийства Томаса Новичка. Решение окончательное. Ты покидаешь нашу общину. Навсегда.

Долгая, очень долгая пауза.

– Кураторы, занять места у Шеста Изгнания!..

Томас возненавидел Алби за то, что тот публично связал его имя с изгнанием Бена. Чувствовать собственную ответственность было невыносимо. И вот теперь, снова оказавшись в центре внимания, Томас рисковал получить в свой адрес новую порцию подозрений. Ощущение вины трансформировалось в злость и желание обвинить кого-нибудь другого – ему сильнее всего хотелось, чтобы Бен наконец-то исчез, а все поскорее закончилось.

Один за другим из толпы вышли несколько юношей и, подойдя к шесту, крепко взяли за него, словно готовились к игре в «перетягивание каната». Помимо Ньюта, среди них оказался и Минхо, что подтверждало предположение Томаса о том, что он являлся куратором бегунов. Мясник Уинстон тоже занял позицию у шеста.

Десять кураторов расположились с равными промежутками между Алби и Беном: наступило гробовое молчание. Единственным звуком, нарушавшим тишину, были приглушенные всхлипывания Бена, который не переставал вытирать нос и глаза. Он пытался повернуть голову, однако ошейник мешал ему оглянуться назад и увидеть сам шест и кураторов.

В душе у Томаса снова что-то переменялось. Все-таки это было неправильно. Неужели Бен заслужил такую судьбу? Наверняка можно наказать его как-то иначе. Неужели Томас до конца своих дней будет нести груз ответственности за случившееся? *Заканчивайте же скорее!* – мысленно закричал он. – *Пусть это кончится!*

– Пожалуйста, – сказал Бен срывающимся от отчаяния голосом. – *Пож-а-а-а-луйста!* Кто-нибудь, помогите мне! Вы не можете так со мной поступить!

– Молчать! – крикнул Алби.

Но Бен не обращал на него внимания, продолжая умолять о пощаде и дергая кожаную петлю на шее.

– Пожалуйста, остановите их! Помогите мне! Пожалуйста!..

Он переводил жалобный взгляд с одного мальчика на другого, но все неизменно отворачивались, не решаясь посмотреть ему в глаза. Опасаясь встретиться взглядом с Беном, Томас быстро отступил назад, спрятавшись за спиной какого-то высокого парня. *Это невыносимо*, – подумал он.

– Если бы мы позволяли безнаказанно творить преступления таким шанкам, как ты, община долго бы не протянула, – крикнул Алби. – Кураторы, приготовиться!

– Нет, нет, нет, нет, – слезно заголосил Бен. – Я клянусь, что сделаю все что захотите! Клянусь, что больше это никогда не повторится! Ну пожа-а-а-алуйста!..

Его пронзительный вопль заглушил оглушительный грохот Восточных Ворот, пришедших в движение. Правая стена, скрежеща камнем по камню и высекая снопы искр, заскользила влево, отгораживая Глэйд от ночного Лабиринта. Земля задрожала. Томас понял, что сейчас должно произойти, но не знал, хватит ли у него мужества досмотреть до конца.

– Кураторы, вперед! – скомандовал Алби.

Кураторы толкнули шест перед собой и начали выпихивать Бена за пределы Глэйда – прямо в Лабиринт. Голова Бена резко дернулась назад, и он издал пронзительный сдавленный крик, даже более громкий, чем грохотание закрывающейся стены. Он упал на колени, но один из кураторов, идущий впереди – плотный черноволосый парень со злым оскалом скверных зубов, – тут же рывком поставил его на ноги.

– Не-е-е-ет!.. – закричал Бен, брызгая слюной. Несчастный бился изо всех сил и, вцепившись в ошейник руками, пытался его разорвать. Впрочем, он не мог противостоять кураторам, которые общими усилиями продолжали волочить его к границе Глэйда, выход из которого был уже почти перегорожен правой стеной. – Не-е-е-ет!..

Бен попытался упереться ногами в камень на границе Ворот, но задержал продвижение лишь на долю секунды – несмотря на сопротивление, шест неотвратно выталкивал его в Лабиринт. Приговоренный извивался всем телом, стараясь освободиться от ошейника, но вскоре оказался за пределами Глэйда. До полного закрытия Ворот оставалось всего несколько секунд.

В последней отчаянной попытке избежать изгнания Бен с силой вывернулся в петле, рискуя сломать шею, и оказался лицом к лицу с глэйдерами. Томас не мог поверить, что перед ним человеческое существо – глаза Бена наполнял дикий страх, изо рта выступала пена, а бледная кожа туго обтягивала кости и раздутые вены. Выглядел он как пришелец из параллельного мира.

– Держать!.. – заорал Алби.

Бен издал протяжный крик, настолько пронзительный, что Томас невольно зажал уши. Это был животный исступленный вопль, от которого у бедняги наверняка разорвались голосовые связки. В последнюю секунду стоявший впереди куратор отсоединил наконечник с прикрепленным ошейником от основной трубы, после чего остальные быстрым движением втащили шест назад, оставив Бена за пределами Глэйда. Он был изгнан, и его последние крики потонули в ужасном грохоте сомкнувшихся стен.

Томас закрыл глаза и почувствовал, как по его щекам потекли слезы.

Глава пятнадцатая

Вторую ночь подряд Томас ложился спать, преследуемый терзающим душу образом Бена. Что бы изменилось, не случись этой истории? Он почти поверил, что чувствовал бы себя вполне комфортно и счастливо, продолжая приспосабливаться к новой жизни, постоянно открывая нечто новое ради заветной цели стать бегуном. Почти... Томас подспудно чувствовал, что Бен – лишь одна из его многочисленных проблем.

И вот теперь Бен исчез; оказался вышвырнутым в мир гриверов, чтобы пасть жертвой чудовищ, которые утащили его туда, куда утаскивают всю свою добычу. Несмотря на то что у Томаса были объективные причины ненавидеть Бена, на первый план вышло чувство жалости.

Томас с трудом представлял, каково это – оказаться в Лабиринте, но последние секунды изгнания Бена, когда тот бился в истерике, брызгал слюной и кричал, моля о пощаде, развеяли в нем последние сомнения в обоснованности главного правила Глэйда: никто не имеет права выходить в Лабиринт, кроме бегунов, да и то лишь в дневное время. Каким-то образом Бен однажды оказался укушенным, значит, лучше любого другого знал, какая судьба ждет его по ту сторону стен.

Бедняга, подумал Томас. *Не повезло парню.*

Юноша поежился. Чем больше он размышлял над этим, тем менее привлекательной казалась перспектива стать бегуном. И все-таки, как ни странно, его что-то тянуло в Лабиринт.

Рано утром, когда рассвет едва коснулся неба, Глэйд наполнился будничными звуками рабочего дня, разбудившими Томаса, который впервые после прибытия сюда спал по-настоящему крепко. Он сел и потер глаза, стараясь разогнать дремоту, но, сдавшись, снова лег, надеясь, что о нем банально забудут.

Но не прошло и минуты, как кто-то ткнул его в плечо. Открыв глаза, Томас увидел над собой Ньюта. *Ну, что еще?* – подумал он.

– Поднимайся, бездельник.

– Ага, и тебе доброе утро. Который час?

– Семь часов, Шнурок. Решил дать тебе подрыхнуть подольше после всего, что выпало на твою долю за два дня, – ответил Ньют, издевательски улыбаясь.

Томас сел, проклиная всех и вся за невозможность поспать еще несколько часов.

– Подрыхнуть? Вы что, кучка крестьян каких-нибудь, чтобы так выражаться?

Крестьяне... Интересно, откуда он знает, как изъясняются крестьяне? Томас вновь задумался об избирательности потери памяти.

– Гм... Ну, раз ты сам об этом заговорил... – Ньют уселся рядом, скрестив ноги. Несколько мгновений он молчал, наблюдая за пробуждающимся Глэйдом. – Отправлю-ка я тебя сегодня к копачам. Поглядим, Шнурок, может, их работенка тебе придется по душе больше, чем забой несчастных поросят.

Томасу надоело, что к нему обращаются как к ребенку.

– Может, хватит меня так называть?

– Как? Несчастливым поросенком?

Томас хмыкнул и покачал головой.

– Нет, *Шнурком*. Я больше не самый, что называется, новый новичок, разве не так? После меня прибыла еще девчонка. Вот ее и называй «Шнурком», а меня зовут Томас.

Мысли о девушке снова завертелись в голове, и снова появилось ощущение, будто он был знаком с ней в прошлом. Томасу стало тоскливо. Захотелось увидеть новопривывшую. *Бессмыслица какая-то*, – подумал он. – *Я даже имени ее не знаю...*

Ньют откинулся назад и удивленно поднял брови.

– Ни хрена себе! Да ты, никак, за ночь отрастил яйца и превратился в настоящего мужика! Томас решил не обращать внимания на издевку и спросил:

– А кто такие копачи?

– Так мы называем парней, которые, отключив задницу, вкалывают на Плантации – пахут, полют, сажают и все в таком духе.

– А кто у них куратор? – Томас кивнул в сторону огородов.

– Зарт. Классный парень. В смысле, пока сачковать не вздумаешь. Это тот здоровяк, который держал шест за передний конец.

Томас надеялся, что сегодня уже не услышит ни про Бена, ни про Изгнание. Тема вызвала в нем лишь тоску и ощущение вины, поэтому он поспешил заговорить о чем-то другом.

– Почему именно ты меня все время будишь?

– А что, тебе не нравится видеть поутру мою физиономию?

– Не особенно. Ну, так...

Но прежде, чем он успел завершить фразу, Глэйд потряс грохот открывающихся на день Ворот. Томас посмотрел в сторону Восточных Ворот, словно ожидал увидеть Бена, стоящего по ту сторону прохода, но вместо этого заметил потягивающегося Минхо. Бегун неспешно вышел в Лабиринт и что-то поднял с земли.

Это был наконецник шеста с кожаным ошейником. Минхо, который, видимо, был несколько не удивлен, бросил его одному из бегунов, и тот понес его в сарай с садовыми принадлежностями.

В замешательстве Томас повернулся к Ньюту. Как Минхо может быть настолько равнодушным к тому, что произошло?

– Что за...

– Я видал только три Изгнания, Томми. Будь спокоен, зрелище ничем не лучше вчерашнего. Так вот, каждый раз эти поганые гриверы оставляют ошейник у входа. Как подумаю об этом, так мурашки по коже лезут.

Томас мысленно с ним согласился.

– А что они делают с человеком – после того как поймают?

Интересно, он действительно хотел знать ответ?

Ньют лишь пожал плечами, но не слишком убедительно. Скорее, он просто не хотел об этом говорить.

– Расскажи мне про бегунов, – внезапно попросил Томас.

Слова сорвались с языка произвольно: он молча ждал ответа, невзирая на молниеносный порыв извиниться и сменить тему разговора. Хотя юноша видел гривера через окно, он очень хотел узнать все о бегунах. Желание узнать об их работе было настолько же сильным, насколько и необъяснимым. Томас уже не сомневался в своем предназначении.

– Про бегунов? Зачем тебе? – произнес Ньют после долгой паузы. Просьба Томаса его явно озадачила.

– Просто интересно.

Ньют метнул на него подозрительный взгляд.

– Эти парни – лучшие из лучших. А иначе и быть не может. Здесь все зависит от них.

Он подобрал камень и бросил его, задумчиво глядя, как тот, подпрыгивая, катится по земле.

– А почему ты не с ними?

Ньют резко повернулся к Томасу.

– Был до того момента, пока не повредил ногу несколько месяцев назад. Она так и не зажила, блин.

Он невольно потянулся рукой к лодыжке и потер ее. Легкая гримаса боли, перекосившая лицо Ньюта в этот момент, была вызвана, как показалось Томасу, не физическим страданием, а неприятными воспоминаниями.

– Как это произошло? – спросил Томас, решив выудить из него как можно больше информации.

– Драпал от чертовых гриверов, как еще? Чуть было не попался. – Ньют помолчал. – До сих пор вздрагиваю при мысли, что был на волосок от Метаморфозы.

Метаморфоза. Томас был убежден: когда он поймет, что это такое, многие вопросы отпадут сами собой.

– А кстати, что это такое? Какие-то изменения? Неужели после этого все становятся такими же психами, как Бен, и набрасываются на людей?

– Случай Бена нетипичен. Ты, кажется, хотел о бегунах поговорить? – Тон Ньюта недвусмысленно намекал на то, что тема Метаморфозы закрыта.

Это лишь сильнее разожгло любопытство, но Томас был рад и тому, что разговор снова возвращается к бегунам.

– Хорошо. Я весь внимание.

– Как я сказал, они лучшие из лучших...

– И как вы их отбираете? Смотрите, кто быстрее бегают?

Ньют одарил Томаса снисходительным взглядом и громко вздохнул.

– Слишком узко мыслишь, Шнурок. Или Томми, если тебе будет угодно. Скорость бега – только часть качеств бегуна. И очень маленькая часть, надо сказать.

– Что ты имеешь в виду? – заинтересовался Томас.

– Когда я говорю «лучшие из лучших», то имею в виду – лучшие во всем. Чтобы выжить в этом долбаном Лабиринте, надо быть умным, быстрым и сильным. Надо уметь принимать решения и правильно оценивать степень риска, на который можешь пойти. Безрассудству там нет места. Как и излишней осторожности. – Ньют откинулся назад, опершись на локти, и вытянул ноги. – Да и чертовски страшно там. Я совсем не тоскую по тем временам.

– А я думал, гриверы только по ночам вылазят.

Пусть ему и предназначено судьбой стать бегуном, но нарваться на одну из этих гадин очень не хотелось.

– Обычно да.

– Тогда чего там бояться?

О каких еще ужасах Томасу предстояло узнать?

– Напряжения, стресса, – вздохнул Ньют. – Схема Лабиринта меняется каждый день. Приходится постоянно держать в уме расположение стен, а потом еще наносить их на долбанные карты. Но самое паршивое – ты все время трясешься, что не успеешь вернуться назад. В простом лабиринте и то легко заблудиться, а уж если каждую ночь стены меняют местоположение... Чуть ошибешься, и пиши пропало – ночь в компании кровожадных тварей тебе обеспечена. В общем, Лабиринт не для дураков и слюняв.

Томас нахмурился. Он никак не мог понять, что за непреодолимое чувство толкает его в Лабиринт. Особенно после вчерашних событий. И все-таки его существо требовало скорее стать бегуном.

– А с чего вдруг такой интерес? – спросил Ньют.

Томас помедлил с ответом, боясь произнести это вслух.

– Я хочу стать бегуном.

Ньют повернулся и заглянул ему прямо в глаза.

– Ты и недели у нас не находишься, шанк, а уже такие самоубийственные мысли. Не рановато ли?

– Я не шучу.

Томас абсолютно не понимал, что им движет, но ничего не мог с собой поделать. Фактически желание стать бегуном было единственным, что помогало ему не сломаться в условиях, в которых он оказался.

Ньют продолжал неотрывно смотреть на Томаса.

– Я тоже. Забудь об этом. Никто еще не становился бегуном в первый месяц. Не говоря уже о том, чтобы в первую неделю. Тебе предстоит пройти очень много испытаний, прежде чем мы сможем рекомендовать тебя куратору.

Томас встал и принялся сворачивать спальный мешок.

– Ньют, ты меня не понял. Я не смогу весь день выщипывать сорняки – просто свихнусь. Понятия не имею, чем я занимался до того, как меня отправили сюда в железном ящике, но нутром чувую: бегун – мое предназначение. Я справлюсь.

Ньют пристально посмотрел на него.

– Никто не утверждает обратного, но пока что повремени.

На Томаса накатила волна нетерпения.

– Но...

– Не спорь, Томми, и просто поверь. Начнешь трепаться направо-налево о том, что ты слишком хорош для сельскохозяйственных работ и тебя хоть сейчас отправляй в Лабиринт, – наживешь себе кучу врагов. Оставь эту идею до поры до времени.

Наживать врагов Томасу хотелось меньше всего, но и желание сделаться бегуном никуда не исчезло, поэтому он решил зайти с другого конца.

– Отлично. Поговорю об этом с Минхо.

– Ну-ну, попробайся, шанк чертов. Бегунов выбирает Совет, и если ты думаешь, что это я такой крепкий орешек, а их можно запросто уломать, то сильно ошибаешься.

– Как мне вас убедить, что я смогу стать действительно хорошим бегуном? Заставлять меня ждать – значит впустую тратить время!

Ньют встал и ткнул в Томаса пальцем.

– Послушай-ка меня, Шнурок. Ты внимательно меня слушаешь, болван?

Удивительно, но Томас несколько не испугался угрозы. Он поднял глаза к небу и кивнул.

– Тебе лучше выбросить из головы эту чушь, пока остальные не узнали! Существуют определенные правила, и от этих правил зависит вся наша жизнь! – Он сделал паузу, но Томас промолчал, готовясь выслушать целую лекцию. – Порядок, порядок и еще раз порядок! – продолжал Ньют. – Постоянно повторяй в своей червивой башке это слово. Причина, по которой мы тут не сошли с ума, следующая: мы работаем не покладая рук и поддерживаем порядок. Именно ради порядка мы выперли Бена – негоже, когда всякие психопаты бегают по округе и пытаются выпустить тебе кишки. Порядок! Меньше всего нам здесь надо, чтобы ты его нарушал!

Понимая, что наступил момент, когда лучше прекратить упираться, Томас пошел на попятную.

– Ладно, – только и сказал он.

Ньют похлопал его по плечу.

– Давай заключим сделку.

– Какую? – В Томасе вновь проснулась надежда.

– Ты держишь рот на замке насчет бегунов, а я постараюсь как можно скорее включить тебя в список претендентов на тренировки. Как только проявишь свои способности. Но если начнешь болтать, будь спокоен – путь в бегуны тебе будет заказан навсегда. Идет?

Томаса совсем не прельщала перспектива ждать неизвестно сколько.

– Хреновая сделка какая-то.

Ньют вопросительно вздернул бровь.

– Ладно, идет, – сдался Томас.

– Отлично. А теперь наведемся к Фрайпану. Надеюсь, не подавимся его жратвой.

В это утро Томас впервые познакомился с печально известным Фрайпаном, правда, только на расстоянии. Парень был слишком занят приготовлением завтрака для целой армии голодных глэйдеров. Ему было не больше шестнадцати, а он уже имел настоящую бороду. Впрочем, все его тело было густо покрыто волосами, которые то тут, то там выглядывали из-под пропитанной маслом одежды. *Кажется, на кухне заправляет не самый чистоплотный повар на свете*, – подумал Томас и на будущее решил внимательно присматриваться к содержимому тарелки, чтобы не наглотаться противных черных волос Фрайпана.

Едва они с Ньютом присоединились к Чаку, сидевшему за складным столиком прямо напротив кухни, как большая группа глэйдеров вскочила с мест и побежала к Западным Воротам, о чем-то оживленно переговариваясь.

– Чего это они? – равнодушно спросил Томас, удивляясь собственному спокойствию. Он уже начал привыкать к тому, что в Глэиде постоянно происходит что-то непредвиденное.

Ньют пожал плечами, не отрываясь от яичницы.

– Провожают Минхо и Алби. Хотят посмотреть на того дохлого гривера, будь он неладен.

– Кстати, – встрепенулся Чак. Из рта у него вылетел маленький кусочек бекона. – У меня насчет этого возник вопрос...

– Блин, да неужели?! – ответил Ньют. – И в чем этот вопрос заключается, Чаки?

Чак, кажется, о чем-то глубоко задумался.

– Смотрите. Они нашли мертвого гривера, так?

– Верно, – сказал Ньют. – Спасибо, что просветил.

Несколько секунд Чак отрешенно постукивал вилкой по столу, затем продолжил:

– Тогда кто прикончил гадину?

Великолепный вопрос, подумал Томас. Он ожидал услышать разъяснение от Ньюта, но ответа не последовало. Тот, скорее всего, и сам не понимал, что произошло.

Глава шестнадцатая

Все утро Томас провел в компании куратора Плантации, работая, как выразился Ньют, «отключив задницу». Зарт был высоким черноволосым парнем, от которого почему-то пахло кислым молоком. Именно он находился ближе всех к Бену, держа шест во время Изгнания.

Зарт был неразговорчив. Он очень коротко объяснил Томасу, что нужно делать, и оставил его одного. Томасу пришлось заниматься прополкой, подрезкой веток на абрикосовом дереве, посадкой семян тыквы и кабачков и сбором уже созревших плодов. Он был не в восторге от работы на Плантации, на работающих с ним ребят не обращал никакого внимания, но все-таки здесь было куда приятнее, чем на Живодерне Уинстона.

Когда они вдвоем с Зартом принялись пропалывать длинный ряд молодых кукурузных побегов, Томас решил, что наступил подходящий момент спросить кое о чем. Куратор выглядел не таким уж неприступным.

– Слушай, Зарт... – начал он.

Тот быстро глянул на Томаса и снова принялся за работу. На длинном осунувшемся лице парня выделялись грустные глаза, и складывалось впечатление, что он постоянно чем-то очень расстроен.

– Да, Шнурок. Чего тебе?

– Скажи, сколько всего кураторов в Глэйде и какие еще бывают профессии? – поинтересовался Томас.

– Ну, есть строители, слоперы, чистильщики, повара, картоведы, медаки, копачи, забойщики. И бегуны, разумеется. Всех сразу не перечислишь. Возможно, есть еще что-то. Я особо не интересуюсь, кто чем занимается.

Значение большинства слов пояснения не требовало, но два из них поставили Томаса в тупик.

– Кто такие «слоперы»?

Он помнил, что Чак работал слопером, но о том, что конкретно вменялось ему в обязанности, мальчишка упорно не говорил. Сразу менял тему.

– Это шанки, которые практически ни на что не годятся. Слоперы⁴ дряют нужники, чистят душевые, кухню, прибираются на скотобойне, после того как там зарежут скотину. Короче, занимаются самой никчемной работой. Проведешь хоть один денек в компании этих горемык, и больше к ним возвращаться тебе не захочется. Можешь мне поверить.

Томасу вдруг стало очень жалко Чака. Более того, он почувствовал себя виноватым. Мальчик так старается подружиться с остальными ребятами, а в ответ получает лишь пренебрежительное отношение и равнодушие окружающих. Да, Чак немного взбалмошный и часто докучает разговорами, но все-таки Томас был рад общению с ним.

– А копачи? – спросил он, выдергивая из земли большой сорняк с комом глины на корнях.

Зарт кашлянул и ответил, не прерывая работы:

– Они выполняют всю основную работу на Плантации. Роют канавы, ковыряются в земле и все такое, а в свободное время занимаются чем-нибудь другим. Вообще-то многие в Глэйде имеют несколько специальностей. Тебе разве не сказали?

Томас проигнорировал вопрос и продолжил расспросы, решив вызнать как можно больше.

– А чистильщики кто такие? Я уже в курсе, что они занимаются покойниками, но ведь люди не так часто умирают, правильно?

⁴ От *англ.* slop – нечистоты, помои.

– Стремный народец эти чистильщики, – хмыкнул Зарт. – Помимо всего прочего, они действуют как охранники и полиция, но всем нравится называть их чистильщиками. Думаю, повеселишься, когда тебя к ним отрядят.

У Томаса оставалось еще много вопросов. Очень много. Чак и остальные глэйдеры не торопились отвечать на них, а Зарт, похоже, был не прочь поболтать по душам. Но, как ни странно, у Томаса пропало желание продолжать разговор. Совершенно неожиданно в голове снова всплыли мысли о девушке, потом он подумал о Бене и мертвом гривере, загадочная смерть которого вместо радости почему-то посеяла в глэйдерах одно лишь беспокойство.

Его новая жизнь не заладилась.

Томас сделал долгий глубокий вдох. *Просто работай*, – решил он. И взялся за лопату.

К середине дня Томас уже еле стоял на ногах от усталости – работать все время согнувшись, ползать на коленях в грязи оказалось очень утомительно. Живодерня, Плантация. Два испытания были позади.

Бегун, – размышлял он по дороге на перерыв. – *Только бы мне позволили стать бегуном.*

Он снова подумал, как нелепо, наверное, об этом мечтать. Однако, не понимая причины своего непреодолимого желания, Томас не мог ему противиться. Мысли о девушке стали не менее навязчивыми, хоть он и пытался отогнать их всеми силами.

Уставший и разбитый, Томас направился на кухню попить и чего-нибудь перекусить. Несмотря на то что обед был всего два часа назад, он сейчас не отказался бы от еще одной полноценной порции. Пусть даже и из свинины.

Томас куснул яблоко и плюхнулся на землю рядом с Чаком. Ньют был неподалеку, но сидел в одиночестве, ни с кем не разговаривая, и грыз ногти, чего Томас раньше за ним не замечал. Напряженный взгляд и глубокие морщины на лбу выдавали сильную обеспокоенность.

Странность в поведении Ньюта не ускользнула и от Чака. Он задал вопрос, который вертелся у Томаса на уме.

– Что это с ним? – шепнул он. – Выглядит совсем как ты, когда тебя только вынули из Ящика.

– Не знаю, – ответил Томас. – Почему бы тебе у него самого не спросить.

– Я слышу каждое слово, черт бы вас побрал, – громко произнес Ньют. – Не приходится удивляться, что никто не хочет спать рядом с вами.

Томас почувствовал себя так, будто его поймали на воровстве, но беспокоился он искренне – Ньют был одним из немногих в Глэйде, кто вызывал симпатию.

– Что-то не так? – спросил Чак. – Не обижайся, но ты выглядишь, как куча кланка.

– Да вообще все не так, – ответил Ньют и замолчал, глядя куда-то в пустоту.

Едва Томас собрался уточнить, что он имеет в виду, как тот заговорил снова:

– Эта девчонка из Ящика... Она все время бредит, мелет какую-то несурезицу, но в сознание никак не приходит. Медаки делают все возможное, пытаются ее кормить, но каждый раз она ест все меньше и меньше. Чует мое сердце, затевается что-то очень недоброе.

Томас уставился на яблоко, затем откусил от него и ощутил во рту горечь – он вдруг понял, насколько сильно беспокоился о здоровье девушки. Томас волновался о ней, как о близком человеке.

Ньют громко вздохнул.

– Хрень какая-то, да и только. Но сейчас меня больше всего тревожит не это.

– А что тогда? – спросил Чак.

Томас подался вперед. Любопытство было настолько сильным, что все мысли о девушке мигом отошли на второй план.

Глаза Ньюта сузились, и он посмотрел в сторону одного из выходов из Глэйда.

– Алби с Минхо, – пробормотал он. – Они должны были вернуться несколько часов назад.

Томас снова вернулся к работе: выдергивал сорняки и считал минуты, когда сможет наконец-то покинуть Плантацию. Беспокойство Ньюта передалось и ему, поэтому время от времени юноша посматривал на Западные Ворота, выискивая глазами Алби и Минхо.

По словам Ньюта, они должны были вернуться к полудню. Этого времени как раз хватало, чтобы найти мертвого гривера, осмотреть его и вернуться. Волнение Ньюта было объяснимо. Когда Чак предположил, что ребята, возможно, потеряли счет времени и изучают гривера в свое удовольствие, Ньют одарил мальчишку таким испепеляющим взглядом, что если бы Чак в буквальном смысле загорелся, Томас ничуть бы не удивился. Но больше всего Томаса поразило другое: когда он спросил, почему бы Ньюту просто не взять несколько человек, чтобы попытаться отыскать друзей в Лабиринте, лицо парня перекошил ужас – щеки ввалились, потемнели и приобрели землистый оттенок. Однако он мгновенно совладал с эмоциями и спокойно объяснил, что спасательные экспедиции запрещены строго-настрога – чтобы не потерять еще большее количество людей. Однако Томас не сомневался: на лице Ньюта он уловил именно страх. Даже простое упоминание о Лабиринте приводило того в трепет.

Что бы с ним там ни произошло – возможно, именно в тех местах он и повредил лодыжку, – Ньют не мог вспоминать об этом без содрогания.

Томас постарался отбросить мысли о Лабиринте и сосредоточился на выдергивании сорняков.

Ужин прошел в гнетущей атмосфере: было очевидно – всем не до еды. Фрайпан и его помощники приготовили сытные блюда – вкуснейший бифштекс, картофельное пюре, фасоль и горячие рулеты. Томас уже убедился, что шутки относительно стряпни Фрайпана, в сущности, оставались только шутками: все уплетали его готовку за обе щеки, да еще и просили добавки. Но сегодня вечером глэйдеры сидели за столами с видом воскресших покойников, которым предоставили право поесть последний раз в жизни, прежде чем отправить в ад.

Бегуны вернулись в положенное время, и Томас с грустью наблюдал, как Ньют, уже не скрывая паники, отчаянно бегал от Ворот к Воротам, надеясь высмотреть Алби и Минхо. Но те так и не появились. Ньют велел глэйдерам не обращать на него внимания и продолжать спокойно есть, а сам остался поджидать пропавших товарищей. Никто ничего не сказал вслух, но Томас и сам понимал, что до закрытия Ворот оставались считанные минуты.

Глэйдеры последовали приказу Ньюта и неохотно ели. Томас сидел за столом у южной стены Хомстеда вместе с Чаком и Уинстоном. Он смог впихнуть в себя лишь несколько кусков пищи, после чего его терпение лопнуло.

– Я не могу просто сидеть и непонятно чего ждать, когда они застряли в Лабиринте, – сказал он и бросил вилку на тарелку. – Пойду к Ньюту.

С этими словами Томас встал и пошел к Воротам.

Разумеется, Чак увязался за ним.

Они нашли Ньюта около Западных Ворот. Он вышагивал взад-вперед, то и дело нервно запуская пальцы в волосы. Увидев подошедших ребят, Ньют вскинул голову.

– Куда они могли деться? – воскликнул он срывающимся высоким голосом.

Томас был растроган тем, что Ньют так беспокоился за Минхо и Алби, словно те были его родными.

– Почему бы не направить туда спасательную команду? – спросил он.

Ему казалось глупым просто сидеть здесь и переживать, когда они запросто могли обратиться в Лабиринт и *найти* пропавших.

– Твою м... – начал было Ньют, но осекся. На секунду он закрыл глаза и глубоко вздохнул. – Это невозможно. Понимаешь? Больше не будем об этом. Есть правила, и мы не можем их нарушать. Особенно теперь, когда Ворота вот-вот закроются.

– Но почему? – настаивал Томас, не понимая, отчего так упирается Ньют. – Если они там застрянут, их схватят гриверы! Разве мы не обязаны им помочь?

Ньют посмотрел на него в упор; его лицо было багровым от злости, а глаза буквально метали молнии.

– Заткнись, Шнурок! – рявкнул он, – Ты и недели тут не прожил! Ты что, считаешь, я не рискнул бы собственной жизнью, чтобы спасти этих болванов? Да я бы ни секунды не колебался!

– Нет... я... извини. Я не хотел... – Томас не знал, что сказать; ему лишь хотелось как-то помочь.

Лицо Ньюта смягчилось.

– До тебя никак не дойдет, Томми. Выход туда ночью равносильно самоубийству. Мы только потеряем еще больше людей. Если эти шанки не вернутся... – Он умолк, не решаясь произнести то, что все и так понимали. – Они оба дали клятву, как и я в свое время. Как все мы. На твоём первом Совете, когда тебя окончательно припишут к какому-нибудь куратору, тебе тоже придется поклясться: никогда не выходить в Лабиринт ночью. Ни за что на свете, ни при каких обстоятельствах.

Томас поглядел на Чака: лицо того было не менее бледным, чем у Ньюта.

– Ньют этого не скажет, – произнес мальчик, – поэтому скажу я. Раз Алби с Минхо не возвращаются, значит, они погибли. Минхо слишком умен, чтобы заблудиться. Это невозможно. Они мертвы.

Ньют ничего не ответил. Чак повернулся и с поникшей головой побрел к Хомстеду. *Мертвы?* – подумал Томас. Положение казалось настолько тяжелым, что он не знал, как реагировать. В душе была лишь пустота.

– Шанк прав, – мрачно произнес Ньют. – Вот почему мы не имеем права отправиться на поиски. Нельзя допустить, чтобы ситуация стала еще хуже.

Он положил руку на плечо Томасу, и она безвольно сползла вниз. По щекам Ньюта потекли слезы. Томас был уверен, что никогда в прошлом, память о котором была спрятана глубоко в темных закоулках сознания, он не видел человека, более убитого горем, чем Ньют. Сгустившиеся сумерки соответствовали настроению Томаса.

– Ворота закроются через две минуты, – произнес Ньют.

Короткая фраза прозвучала как смертный приговор. Не сказав больше ни слова, Ньют понуро пошел прочь.

Томас покачал головой. Он едва знал Алби и Минхо, но мысль о том, что они потерялись в Лабиринте и убиты жуткими чудовищами, одно из которых он видел через окно ранним утром, причиняла нестерпимую боль.

Юноша вздрогнул, когда по Глэйду прокатился раскат грома. Затем раздался грохот и звук дробящегося камня, издаваемый трущимися друг о друга стенами. Ворота закрывались на ночь.

Разбрасывая осколки камней и поднимая тучи пыли, по земле ползла правая стена. Ее запирающие штыри, последние из которых находились на такой высоте, что, казалось, могли вспороть небо, медленно приближались к отверстиям, расположенным на торце противоположной стены. Томас смотрел как замороженный на каменную громаду, скользящую по земле вопреки здравому смыслу. Ему до сих пор до конца не верилось, что это не сон.

И вдруг он заметил какое-то движение.

Прямо перед ним в глубине уходящего вдаль коридора что-то смутно промелькнуло.

В первый момент в душу закрался страх; он отступил, опасаясь, что на него ползет гривер, но вскоре неясные очертания оформилось в две человеческие фигуры, ковляющие в сторону Ворот. Смахнув с глаз пелену страха, он присмотрелся лучше и понял, что это Минхо,

волочивший за собой Алби, который бессильно повис у него на плече. Минхо заметил Томаса и поднял голову. Томас был уверен, что в этот момент у него глаза вылезли из орбит.

– Они его задели!.. – с трудом выкрикнул Минхо сдавленным голосом. Казалось, каждый его шаг мог стать последним.

Томас не ожидал такого поворота событий, и ему понадобилось время, чтобы прийти в себя.

– Ньют!.. – заорал он, с трудом оторвав взгляд от Алби с Минхо. – Они идут! Я их вижу!..

Он знал, что должен выбежать за Ворота и помочь, но правило, запрещающее покидать Глэйд, остановило его.

Ньют, к этому времени уже находившийся возле Хомстеда, мгновенно обернулся и, прихрамывая, побежал назад к Воротам.

Томас снова посмотрел в просвет в стенах и помертвел – Алби сполз со спины Минхо и рухнул на землю. Минхо отчаянно пытался поднять его на ноги, но все-таки, сдался и, схватив товарища за руки, потащил по каменному полу волоком.

Но до Ворот оставалась еще добрая сотня футов.

Правая стена неумолимо приближалась, и Томасу почудилось, что чем сильнее он хотел, чтобы она замедлилась, тем быстрее она ползла. До полного закрытия Ворот оставались считанные секунды. Шансов на то, что Минхо успеет дотащить Алби, уже не оставалось. Никаких.

Томас обернулся в сторону Ньюта: хромяя, тот торопился как мог, но покрыл лишь половину расстояния до Томаса.

Юноша снова посмотрел в глубь Лабиринта, затем на движущуюся стену. Еще несколько футов, и все будет кончено.

И тут Минхо споткнулся и упал на землю. Стало окончательно ясно, что он не успевает. Время вышло, и ничего сделать уже невозможно.

– Не делай этого, Томми! Не вздумай, черт тебя дернул!.. – услышал Томас крик Ньюта за своей спиной.

Шипы на торце правой стены походили на гигантские руки, которые тянулись к глубоким пазам напротив, словно пытаясь скорее в них погрузиться и обрести покой на всю ночь. Воздух наполнял оглушительный скрежет камней.

Пять футов. Четыре. Три. Два.

Томас знал, что выбора у него нет. Он рванулся вперед и, в последнюю секунду проскользнув мимо шипов, вбежал в Лабиринт.

Позади него со страшным грохотом сомкнулись стены, и их гул, отразившись от увитого плющом камня, эхом прокатился по коридорам, словно сатанинский хохот.

Глава семнадцатая

Несколько секунд Томасу казалось, что время остановилось. Грохот закрывающихся Ворот внезапно сменился оглушающей тишиной; стало темно, будто само солнце испугалось того, что таилось в Лабиринте, и поспешило укрыться за стенами. В густых сумерках исполинские стены казались чудовищными надгробными памятниками, возвышающимися на поросшем плющом кладбище великанов. Томас прислонился спиной к стене, не веря до конца в то, что совершил. При мысли о последствиях безрассудного поступка ему сделалось дурно.

Пронзительный вопль Алби и кряхтение Минхо вывели Томаса из оцепенения. Он бросился к глэйдерам.

Минхо с трудом поднялся на ноги; даже в слабом сумеречном свете бегун выглядел ужасно – вспотевший, грязный и весь исцарапанный. На лежащего на земле Алби и вовсе нельзя было смотреть без трепета – одежда изорвана в клочья, руки покрыты порезами и синяками. Томас содрогнулся – неужели на Алби напал гривер?

– Шнурок, – сказал Минхо, – если ты думаешь, что совершил геройский поступок, то послушай меня: ты самый тупой из всех тупых шанков-полудурков на свете. Считай, что ты уже покойник. Как и мы с Алби.

Кровь прилила к лицу Томаса – он рассчитывал хоть на какие-нибудь слова благодарности.

– Не мог же я просто стоять там и наблюдать, как вы остаетесь за бортом!

– Ну и какая нам от тебя здесь польза? – закатил глаза Минхо. – Короче, не важно. Нарушив Правило Номер Один, ты в любом случае подписал себе смертный приговор.

– Спасибо за теплые слова. Я лишь пытался помочь.

Томасу очень захотелось дать Минхо хорошего подзатыльника. Куратор вымученно усмехнулся и опустился на колени рядом с Алби. Всмотревшись в пострадавшего юношу внимательнее, Томас понял, насколько плохо обстоит с тем дело: Алби, похоже, был на грани смерти. Его темная кожа быстро теряла естественный оттенок, дыхание стало учащенным и поверхностным.

Томаса охватило чувство безысходности.

– Что произошло? – спросил он.

– Не хочу это обсуждать, – бросил Минхо, щупая пульс Алби и наклоняясь, чтобы приложить ухо к его груди. – Скажу только: гриверы здорово умеют прикидыватьсядохлыми.

Удивлению Томаса не было предела.

– Так его что... покусали... или ужалили? И начинается Метаморфоза?

– Ты слишком многого не понимаешь, – только и ответил Минхо.

Томасу захотелось завывать от досады. Он и без Минхо прекрасно знал, что ничего не понимает, именно поэтому и задает вопросы.

– Алби умрет? – заставил себя спросить Томас и поразился, как обыденно и безразлично прозвучал вопрос.

– Раз мы не успели до заката, то, скорее всего, да. Может умереть в ближайший час. Точно не знаю, как долго человек может протянуть без сыворотки. Но будь спокоен, нам тоже каюк настанет, так что не сильно за него переживай. Скоро мы все отправимся на тот свет.

Он произнес это так спокойно, что Томас не сразу понял значение сказанного.

Наконец серьезность ситуации начала доходить до его сознания, и внутри у юноши все похолодело.

– Мы что, правда умрем? – спросил он, все еще отказываясь в это верить. – Хочешь сказать, у нас нет шансов?

– Ни единого.

– Да ладно! Ведь должен быть какой-то выход. – Томаса раздражал пессимизм Минхо. – Сколько гриверов могут здесь появиться?

Он посмотрел в коридор, уходящий глубоко в Лабиринт, словно боялся, что чудовища могут появиться от одного лишь упоминания своего имени.

– Не знаю.

И тут у Томаса промелькнула мысль, пробудившая в нем надежду.

– А как же Бен, Галли и прочие, кого покусали? Ведь они выжили?

Минхо бросил на него взгляд, который недвусмысленно давал понять, что Томас не умнее коровьей лепешки.

– Ты меня вообще слышишь? Они успели вернуться до заката, болван! Вернулись в Глэйд и получили сыворотку. Все без исключения.

Томас понятия не имел, о какой сыворотке толковал Минхо, но сейчас у него были вопросы и поважнее.

– А я думал, что гриверы выходят только по ночам.

– Значит, ты ошибался, шанк. Они *всегда* вылезают ночью, но это не значит, что они не могут появляться и в дневное время.

Томас не мог позволить себе поддаться унынию. Сдаться и покорно ждать смерти ему совсем не хотелось.

– Хоть кому-нибудь удавалось выжить после того, как он застревал в Лабиринте на ночь?

– Никогда.

Томас нахмурился, лихорадочно пытаясь найти хоть что-нибудь, что дало бы слабую надежду.

– А сколько всего погибло?

Изможденный до крайности Минхо сидел на корточках, положив руки на колени, и отрешенно смотрел в землю.

– По меньшей мере двенадцать. Ты на кладбище разве не ходил?

– Ходил.

Так вот, значит, как они умерли, подумал Томас.

– Там лежат те, кого мы смогли *отыскать*. Многие просто пропали без вести. – Минхо махнул рукой в сторону отрезанного от них Глэйда. – Долбаное кладбище не просто так устроили на самых задворках леса. Ничто так сильно не отравляет беззаботное существование, как каждодневное напоминание о погибших товарищах.

Минхо встал, взял Алби за руки и кивнул Томасу на ноги.

– Хватай за вонючие костыли. Надо перенести его к Воротам. Так они хоть одно тело смогут обнаружить утром.

Томас было решил, что ослышался – настолько дикой показалась фраза. Он почувствовал, что вот-вот окончательно и бесповоротно сойдет с ума.

– Этого не может быть! – заорал он стенам, подняв голову.

– Хватит ныть! Сам виноват. Не надо было нарушать правила. Давай, берись за ноги.

Содрогаясь от приступа нервной икоты, Томас взял Алби за ноги. Вдвоем они наполовину пронесли, наполовину протащили почти бездыханное тело на сотню футов к Воротам, где Минхо привалил Алби к стене, оставив его в полусидячем положении. Судя по внешнему виду Алби, жить ему оставалось недолго – грудь бедняги тяжело вздымалась и опускалась в такт стесненному дыханию, кожа покрылась потом.

– Куда его укусили? – спросил Томас. – Ты рану видишь?

– Черт возьми! Гриверы не кусаются в прямом смысле слова. Они колют жертву. Место укула увидеть невозможно. Их может быть целая дюжина.

Минхо скрестил на груди руки и прислонился к стене.

Почему-то слово «укол» показалось Томасу куда более зловещим, чем просто «укус».

– Колют? В каком смысле?

– Чувак, ты не поймешь, о чем я толкую, пока своими глазами не увидишь.

– Хорошо, тогда почему он тебя не уколол?

Минхо демонстративно вытянул руки.

– А может, и уколол! Вдруг я свалюсь без сознания в любую секунду!

– Они... – начал было Томас, но запнулся. Непонятно было, шутит Минхо или говорит серьезно.

– Нет никаких «они». Был только один, тот самый предположительно мертвый гривер. Он внезапно очухался, ужалил Алби и тут же смылся. – Минхо снова посмотрел в Лабиринт, уже почти полностью погружившийся во тьму. – Но можешь не сомневаться, скоро тут появится целая куча этих ублюдков, чтобы прикончить нас своими иглами.

– Иглами? – Слова Минхо казались Томасу все более и более пугающими.

– Ну да, именно иглами.

Минхо ограничился лаконичным ответом и, похоже, совсем не собирался вдаваться в подробности.

Томас скользнул взглядом вверх – по густым зарослям плюща, скрывающим огромные стены. Отчаяние заставило его мыслить рационально.

– Мы можем взобраться на стену? – Он посмотрел на Минхо, но тот молчал. – Стебли плюща. По ним можно взобраться?

Минхо раздраженно вздохнул.

– Честное слово, Шнурок, ты, наверное, считаешь нас кучкой идиотов. По-твоему, нам не могло прийти в голову залезть на эти треклятые стены?

Впервые злость захлестнула Томаса настолько, что начала вытеснять страх и отчаяние.

– Я всего лишь пытаюсь помочь, чувак! Почему бы тебе не говорить по делу вместо того, чтобы отмахиваться от всего, что я предлагаю!

Минхо подскочил к Томасу и вцепился в него.

– Ты не понимаешь, стебанутый придурок! Ты вообще ни черта не знаешь и только усугубляешь положение, пытаясь вселить надежду! Мы уже трупы! Слышишь меня?! Трупы!

Томас не мог бы сказать с уверенностью, что сейчас сильнее чувствует по отношению к Минхо – злость или жалость. Слишком уж легко тот сдается.

Минхо посмотрел на свои руки, схватившие товарища, и на его лице отразилось смущение. Он разжал пальцы и отступил назад. Томас демонстративно расправил помятую одежду.

– О господи... – прошептал Минхо и опустил на землю, закрывая лицо руками. – Мне никогда еще не было так страшно, чувак. До такой степени – никогда.

Томасу хотелось как-то ободрить Минхо, сказать ему, чтобы он вел себя как мужик, начал думать трезво и рассказал все, что знает о гриверах. Ну хоть что-нибудь!

Едва он раскрыл рот, чтобы заговорить, как услышал вдалеке странный звук. В долю секунды Минхо вскинул голову и посмотрел в черноту одного из каменных коридоров. У Томаса перехватило дыхание.

Откуда-то из глубины Лабиринта исходил зловеющий шум – непрерывное жужжание с металлическим лязгом, повторяющимся каждые несколько секунд и напоминающим скрежет трущихся друг о друга ножей. На секунду шум становился громче, после чего к нему примешивались странные щелчки; Томасу пришло на ум, что подобный звук могут издавать длинные ногти, барабанившие по стеклу. Внезапно раздался протяжный вой и еще какое-то звяканье, напоминающее звон цепей.

Сочетание непонятных звуков производило гнетущее впечатление, и то небольшое количество отваги, которое у Томаса имелось в запасе, начало стремительно улетучиваться.

Минхо поднялся на ноги. В наступившей темноте его лица почти не было видно, но как только он заговорил, Томасу стало ясно: парень напуган до смерти.

– Мы должны разделиться – это наш единственный шанс. Просто беги! Беги, не останавливаясь!

Крикнув это, он развернулся и побежал, в мгновение ока исчезнув во мраке коридоров Лабиринта.

Глава восемнадцатая

Томас оторопело смотрел в темноту, в которой только что растворился Минхо.

Внезапно он почувствовал к нему неприязнь. Минхо – ветеран этих мест, опытный бегун, а Томас – новичок, находившийся в Глэйде всего несколько дней и впервые попавший в Лабиринт. И несмотря на это, из них двоих именно Минхо потерял самообладание, запаниковал, пустившись наутек при первых признаках опасности. *Как он мог меня тут бросить?* – недоумевал Томас. – *Как мог так поступить?!*

Звук становился все громче. Юноша отчетливо различил шум работающих моторов, к которым добавлялся монотонный металлический лязг, похожий на скрип лебедочных цепей на каком-нибудь старом заводе. А затем почувствовал запах – что-то, напоминающее вонь горелого масла.

Томас мог лишь догадываться, какая участь его ждала; он видел гривера, но только мельком и через перепачканное стекло. Что с ним сделают? Как долго продлятся его мучения?

Смон! – скомандовал себе юноша. Он не имел права бездарно терять драгоценное время, просто ожидая, когда за ним придут и прикончат.

Он повернулся к Алби: тот по-прежнему полулежал-полусидел, приваленный к стене, смутно выделяясь в темноте неясной тенью. Томас опустился на колени и нащупал пульс на шее. Вроде есть. Он приложил ухо к груди, как это делал Минхо: ту-тук, ту-тук, ту-тук...

Жив пока.

Томас откинулся назад, усевшись на корточки, и вытер со лба пот. И в этот момент, длившийся какие-то доли секунды, он понял одну очень важную вещь, касающуюся самого себя – нет, того Томаса из прошлого: он не мог бросить товарища в беде. Пусть и такого вспльщивого, как Алби.

Юноша наклонился, взял Алби за обе руки и перевел в сидячее положение. Затем взвалил безжизненное тело на спину и, кряхтя, встал на ноги.

Ноша оказалась непосильной: сделав всего несколько шагов, Томас упал, и Алби распластался на земле рядом с ним.

С каждой секундой зловещие звуки становились громче, отражаясь эхом от каменных стен Лабиринта. Томасу даже почудились, что где-то вдалеке, на фоне чернеющего неба, он увидел яркие сполохи.

Но столкнуться нос к носу с источником света и звуков в его планы отнюдь не входило. Решив действовать иначе, Томас снова схватил Алби за руки и попытался тащить по земле волоком, но груз оказался таким тяжелым, что, протащив его каких-то десять футов, Томас решил отказаться и от этой затеи. Тем не менее Алби надо было куда-то спрятать.

Он оттащил парня назад к выходу в Глэйд и снова прислонил его, придав сидячее положение. Усевшись рядом и опершись спиной на каменную стену, Томас немного отдышался и начал лихорадочно размышлять. Глядя в жерла чернеющих коридоров, в которых ничего нельзя было разглядеть, он утвердился в мысли, что тактика Минхо – бежать – обречена на провал, даже если бы у него и получилось нести Алби на себе. Мало того, что он мог заблудиться, так еще была вероятность попасть прямо в лапы гриверов вместо того, чтобы убежать от них.

Он сосредоточил внимание на стенах и плюще. Минхо ничего толком не объяснил, но дал понять, что вскарабкаться на стены невозможно. И все-таки...

План созрел сам собой. Его успех зависел от физических возможностей гриверов, о которых он понятия не имел, но ничего лучшего Томас придумать пока не сумел.

Он прошел несколько десятков футов вдоль стены, пока не отыскал самые густые заросли плюща, почти полностью скрывающие стену. Томас потянулся, схватил один из самых длинных

стеблей, доходивших до самой земли, и крепко зажал его в ладони. Плеть оказалась куда толще и прочнее, чем он предполагал, – наверное, не меньше полудюйма в диаметре. Он потянул за растение, и оно со звуком разрываемого куска картона оторвалось от стены. Томас продолжал отходить от стены все дальше, отдирая его, и когда удалился от нее на десять футов, верхняя часть стебля потерялась из виду – утонула в темноте высоко над головой. Но юноша был уверен: свисающий стебель крепко цепляется где-то за вершину стены и не упадет на землю.

Ему не терпелось проверить плетя на прочность, поэтому он остановился и изо всех сил за нее дернул.

Не оборвалась.

Он дернул еще раз. Потом еще и еще, ухватившись за стебель уже двумя руками. Затем поджал ноги и повис: при этом его тело устремилось к стене, как на качелях.

Растение выдержало.

Томас быстро оторвал от стены еще несколько стеблей, которые должны были послужить веревками для подъема вверх, проверил каждый их них на прочность и убедился, что держатся они так же крепко, как и первый. Ободренный, он вернулся к Алби и потащил того к приготовленным плетям.

Внезапно в глубине Лабиринта раздался резкий треск, за которым последовал ужасающий скрежет, напоминающий звук сминаемого металлического листа. Томас вздрогнул и обернулся, напряженно всматриваясь в коридоры – он так увлекся, что совсем позабыл о приближающихся гриверах. Вроде никого, но звуки – жужжание, завывание, лязг – слышались все громче. Кажется, стало немного светлее: сейчас Томас различал куда больше деталей в Лабиринте, чем несколькими минутами ранее. Вспомнилось загадочное сияние, которое он наблюдал вместе с Ньютом в Глэйде через окно.

Гриверы неумолимо приближались. А иначе и быть не могло.

Юноша подавил нарастающую панику и принялся за дело.

Взяв один из стеблей, он обмотал его вокруг правой руки Алби. Для осуществления задуманного длины плюща было недостаточно, поэтому Томасу пришлось приподнять Алби как можно выше на собственных плечах. Сделав семь витков стебля вокруг руки товарища, он завязал плетя узлом. Потом взял еще один стебель и намотал его на левую руку, затем проделал то же самое и с обеими ногами, обмотав плющом каждую по отдельности. Томас забеспокоился, как бы такой метод не нарушил кровообращение у Алби, но рискнуть стоило.

Отбросив зародившиеся сомнения в осуществимости плана, Томас продолжил работу. Теперь настала его очередь.

Схватив свободный стебель обеими руками, он принялся карабкаться вверх над тем местом, где только что привязал Алби. Томас с удовлетворением отметил, что плотная листва плюща помогала удобнее держаться за плети, а множественные выбоины в каменной кладке служили великолепными подставками для ног. Он подумал, насколько упростилась бы задача, если бы не...

Томас мысленно оборвал себя. Он не имел права бросить Алби на произвол судьбы.

Оказавшись примерно в паре футов выше товарища, Томас несколько раз обвязал себе грудь плющом, пропустил стебли себе под мышками, затем осторожно разжал руки, продолжая твердо опираться ногами на большую трещину в камне, и повис в воздухе. К его огромному облегчению, стебель не оборвался.

Теперь предстояло самое сложное.

По бокам от него были туго натянуты четыре стебля, на которых висел Алби. Томас уцепился за тот стебель, который держал левую ногу жоака глэйдеров, и потянул на себя. Подняв ногу всего на несколько дюймов, Томас выпустил плетя из рук – тяжесть тела оказалась ему не по силам.

Он спустился на землю, полагая, что ему, возможно, будет легче не тащить Алби на себя, а толкать снизу вверх. Решившись, юноша попробовал поднимать товарища по паре дюймов, конечность за конечностью. Поднял левую ногу и обмотал вокруг нее еще один стебель. Затем настал черед правой ноги. Когда обе они были прочно закреплены, Томас сделал то же самое и с руками Алби – привязал сначала правую, потом левую.

Тяжело дыша, он отошел назад, чтобы посмотреть, что из этого вышло.

Алби висел, как неживая кукла, всего тремя дюймами выше, чем пять минут назад.

Клацанье, гул, жужжание и завывание доносились из коридоров уже очень громко. Томасу даже показалось, что где-то слева в глубине Лабиринта он заметил две красные вспышки. Гриверы приближались, и теперь стало очевидно, что их несколько.

Юноша принялся за работу с еще большим усердием.

Он медленно, но верно поднимал Алби по стене, попеременно подталкивая ноги и руки товарища на два-три дюйма вверх. Затем Томас взбирался чуть выше по стене, повиснув прямо под телом Алби, обматывал себе грудь плющом и продолжал как можно выше поднимать ноги и руки Алби, поочередно подвязывая их стеблями. Затем повторял весь процесс сначала.

Поднимался, обматывал, толкал вверх, отвязывал... Поднимался, обматывал, толкал вверх, отвязывал... К счастью, гриверы, похоже, не слишком торопились, так что у Томаса оставался некоторый запас времени.

Мало-помалу, дюйм за дюймом юноши поднимались по стене. Тяжело дыша и обливаясь потом, Томас выкладывался из последних сил. Он уже еле удерживал стебли взмокшими скользкими ладонями, к тому же ноги разболелись от постоянной необходимости опираться на трещины в камне. Тем временем звуки нарастали – пугающие кошмарные звуки. Но Томас не сдавался.

Он остановился лишь тогда, когда они с Алби оказались на высоте около тридцати футов над землей, и свободно повис на обмотанном вокруг груди плюще. Оттолкнувшись от стены натертыми, онемевшими от усталости руками, юноша развернулся лицом к Лабиринту. Все тело Томаса ужасно ныло, казалось, каждая его клеточка испытывала невероятную усталость, а мышцы буквально умоляли об отдыхе. О том, чтобы поднять Алби еще хотя бы на дюйм, не могло быть и речи. Силы покинули Томаса.

В этом месте им и предстояло укрыться. Или отбивать атаки.

Взобраться на вершину стены не было никакой возможности, поэтому оставалось лишь рассчитывать на то, что гриверы не станут смотреть вверх или не смогут сделать этого физически. Впрочем, если их и заметят, у Томаса оставалась призрачная надежда сбрасывать гриверов одного за другим с высоты, без необходимости сражаться на земле со всеми ними одновременно.

Он не имел ни малейшего представления о том, что его ожидает и увидит ли он рассвет, но понимал, что судьба Алби и его собственная решится здесь, в зарослях плюща на вершине стены.

Прошло несколько минут, прежде чем Томас заметил впереди первую отчетливую вспышку света, отразившуюся от стен Лабиринта. Жуткие звуки, громкость которых нарастала в течение часа, превратились в пронзительный металлический визг, похожий на предсмертные вопли какого-нибудь робота.

Неожиданно внимание юноши привлекло красноватое свечение на стене слева от него. Он повернулся и чуть не закричал от испуга – всего в нескольких дюймах от него сидел жук-стукач; просунув тонкие длинные лапки сквозь ветки плюща, он каким-то образом удерживался на каменной поверхности стены. Единственный красный глаз жука горел, словно крошечное солнце, и испускал настолько яркий свет, что на него было невозможно смотреть. Томас прищурился и присмотрелся к «насекомому».

Его туловище представляло собой серебристый цилиндр около трех дюймов в диаметре и около десяти в длину, из которого выступали двенадцать многосуставных широко расставленных лапок, что придавало жуку отдаленное сходство со спящей ящерицей. Из-за яркого пучка красного света, направленного прямо на Томаса, головы стукача он не видел, но, вероятно, она была крошечной, и единственным ее назначением было наблюдение.

А затем произошло нечто, отчего Томаса бросило в дрожь. Он был уверен, что однажды уже видел такое – в Глэйде, когда один из жуков пробежал мимо него по направлению к лесу. Теперь сомнения рассеялись: красный огонек глаза отбрасывал тусклые отблески на спину «насекомого», высвечивая будто кровью написанные заглавными буквами слова: «ЭТО ПОРОК»

Томас не мог себе представить, зачем кому-то понадобилось писать такое на спинах маленьких тварей. Или это предупреждение для глэйдеров о потенциальной опасности?

ЭТО ПОРОК...

Он уже знал, что жуки выполняли функции шпионов для тех, кто послал глэйдеров сюда. Алби выразился недвусмысленно, заявив, что с помощью жуков-стукачей за ними наблюдают Создатели. Томас застыл и затаил дыхание, надеясь, что жуки реагируют только на движение. Так прошло несколько томительных секунд, и юноша уже начал задыхаться.

Но вот, издав легкий шелчок, жук повернулся и побежал прочь, быстро скрывшись в листе. Томас сделал глубокий вдох, затем еще один, чувствуя, как стебли врезаются ему в грудь.

По Лабиринту пронзительным эхом прокатился очередной металлический скрежет, сопровождаемый все нарастающим жужжанием моторов. Пытаясь притвориться таким же безжизненным, как Алби, Томас безвольно повис на плюще.

И тут из-за угла коридора показалось нечто – и поползло в их сторону.

Нечто, которое он видел раньше, но тогда юноша был защищен толстым бронированным стеклом.

Нечто неопишное.

Гривер.

Глава девятнадцатая

Томас заворуженно наблюдал, как омерзительное существо медленно ползет по длинному коридору Лабиринта.

Выглядело оно как результат неудавшегося генетического эксперимента, как чудовище из кошмарного сна. Полумашина-полуживотное, гривер с лязгом перекатывался по плитам коридора. Его тело напоминало гигантскую блестящую от слизи личинку, покрытую редкой шерстью и причудливо пульсирующую в такт дыханию существа. Гривер не имел четко выраженных головы и хвоста, в длину имел не меньше шести футов, а в ширину – около четырех.

Каждые десять – пятнадцать секунд из тела гривера выскакивали острые металлические шипы, после чего существо резко сворачивалось в шар и прокатывалось дальше. Затем оно снова останавливалось, как будто переводило дыхание, и с тошнотворным хлюпаньем втягивало шипы назад в скользкую кожу. Гривер методично повторял последовательность действий, преодолевая таким образом несколько футов за раз.

Но на коже гривера были не только шипы и шерсть: из его тела то тут, то там выступали металлические «руки», каждая из которых, очевидно, выполняла строго определенную функцию. На некоторых были установлены мощные фонари, из других торчали длинные устрашающего вида иглы. На одной «руке» Томас разглядел три отростка с острыми когтями, которые то сжимались, то разжимались без какой-либо видимой причины. Когда существо перекатывалось, его механические конечности складывались и отходили в стороны, чтобы избежать контакта с землей. Что – или кто – могло породить таких отвратительных, страшных монстров?..

Теперь природа непонятных звуков стала ясна. Когда гривер катился, он издавал монотонный жужжащий звук, похожий на стрекотание цепи бензопилы, а шипы и механические «руки», ударяющие в каменный пол, объясняли происхождение непонятного лязганья. Но самое главное, что приводило Томаса в трепет, – это заунывное душераздирающее завывание, похожее на стенания смертельно раненного, которое издавало существо во время коротких передышек.

Ужасное создание – издающее не менее ужасные звуки, – которое сейчас приближалось к Томасу, не могло привидеться даже в самом кошмарном сне. Усилием воли он заставил себя отбросить страх и сосредоточился на том, чтобы сохранять максимальную неподвижность. Оставалось надеяться, что гривер их просто не заметит.

Как знать? – подумал Томас. – Может, он нас не увидит?

Но зыбкая надежда вмиг разбилась о суровую реальность, стоило лишь вспомнить о жуке-стукаче, который наверняка успел точно обозначить их укрытие.

С клацаньем и жужжанием гривер продолжал перекатываться по коридору, выписывая зигзаги и время от времени уныло завывая. Каждый раз, останавливаясь, он выпускал во все стороны стальные руки-щупальца и шарил вокруг себя, словно робот, выискивающий признаки жизни на неизведанной планете. Призрачные тени, плясавшие на стенах Лабиринта, всколыхнули в памяти Томаса смутное воспоминание, спрятанное глубоко в темнице сознания – он вдруг вспомнил, что боялся теней на стенах, когда был еще совсем маленьким. Юноше пронзительно захотелось вернуться домой, в детство, броситься в объятия матери и отца, которые, как он надеялся, были живы, сучали по нему и пытались отыскать.

В нос ударил резкий запах чего-то горелого – зловонная смесь перегретого машинного масла и паленого мяса. В голове просто не укладывалось, что люди были способны сотворить до такой степени жуткое создание и послали его охотиться на детей.

Пытаясь не думать об этом, Томас закрыл глаза и сосредоточился на том, чтобы висеть совершенно неподвижно и бесшумно. Существо продолжало приближаться.

Грррррррррр.

Щелк-щелк-щелк.

Гррррррррррр.

Щелк-щелк-щелк.

Не поворачивая головы, Томас украдкой поглядел вниз – гривер дополз до стены, на которой висели они с Алби. У закрытых Ворот в Глэйд, всего в нескольких ярдах правее Томаса, гривер остановился.

Пожалуйста, выбери другой путь, – мысленно молил Томас.

Поверни.

Ну, давай.

Туда.

Прошу тебя!

Гривер выпустил шипы и покатился прямо к тому месту, над которым находились Алби с Томасом.

Гррррррррррр.

Щелк-щелк-щелк.

Он остановился, затем подкатился чуть ближе и оказался возле стены.

Томас задержал дыхание, стараясь не издавать ни малейшего звука. Сейчас гривер был прямо под ними. Юноше невыносимо хотелось посмотреть вниз, но он понимал, что любое, даже самое слабое движение может его выдать. Пучки света, которые существо отбрасывало во всех направлениях, не задерживались на месте ни на секунду и непрерывно ощупывали стены коридора.

И вдруг совершенно неожиданно огни погасли.

Мир вокруг погрузился в темноту. Наступила тишина. Тварь словно отключилась – она не шевелилась и не издавала никаких звуков. Заунывные подвывания – и те полностью стихли. Теперь, когда свет был погашен, Томас вообще перестал что-либо видеть.

Он ослеп.

Его тяжело бьющемуся сердцу отчаянно требовался кислород, поэтому Томас сделал несколько небольших вдохов через нос. А что, если тварь услышит дыхание? Или учует запах? Ведь его волосы, руки, одежда – да вообще все было пропитано потом. Томаса охватил безумный животный страх, какой ему не доводилось испытывать никогда в жизни.

Пока все было тихо – ни движения, ни света, ни звука. Томительное ожидание сводило с ума.

Прошли секунды. Минуты. Томас уже не чувствовал собственного тела – грудь онемела от впивающихся в нее стеблей. Он с трудом подавил желание заорать чудовищу внизу: «Убей меня – или проваливай назад в свою нору!»

Но тут, так же внезапно, свет включился и коридор снова наполнился клацающими и жужжащими звуками – гривер вернулся к жизни.

А затем стал взбираться по стене.

Глава двадцатая

Шипы гривера врезались в стену, разбрасывая во все стороны осколки камня, листья и обрывки стеблей плюща. Так же как и лапки жука-стучача, некоторые из рук монстра были оснащены острыми крюками; цепляясь за неровности в каменных блоках, они помогали гриверу подниматься вверх. Яркий фонарь на одном из щупалец осветил Томаса, но на этот раз луч не скользнул в сторону, а зафиксировался прямо на юноше.

Последний проблеск надежды, зародившийся было в душе у Томаса, угас.

Единственное, что оставалось делать – бежать. *Прости, Алби!* – подумал он, выпутываясь из удерживающих его плетей. Вцепившись левой рукой в заросли плюща над головой, он развязал на груди последние узлы из стеблей и приготовился. Понятно, что двигаться вверх нельзя – последовав за ним, гривер наткнется прямо на Алби. А вариант спуститься вниз был хорош лишь в том случае, если бы Томас хотел быстро расстаться с жизнью.

Оставалось одно – смещаться в сторону.

Томас потянулся и схватил стебель в двух футах слева от себя, затем намотал его на руку и изо всех сил дернул. Стебель держался прочно, как и все предыдущие. Мельком глянув вниз, Томас отметил, что гривер покрыл уже половину расстояния до него – теперь чудище не тратило времени на остановки и двигалось гораздо быстрее.

Томас отбросил в сторону стебли, свисавшие с груди, и качнулся вдоль стены влево. Чтобы, как маятник, не полететь назад к тому месту, где висел Алби, он выставил руку и быстро схватил еще один стебель, к счастью, оказавшийся толстым. На этот раз он уцепился за него обеими руками и, развернувшись лицом к стене, уперся подошвами. Вытянув правую руку как можно дальше, взялся за другую плеть. Потом еще за одну. Подобно обезьяне, прыгающей с ветки на ветку, Томас ловко перескакивал со стебля на стебель, двигаясь даже быстрее, чем рассчитывал.

Звуки, издаваемые преследующим гривером, не утихали, только теперь к ним добавился еще и треск камня, крошащегося под ударами клешней монстра. У Томаса содрогались все косточки. Сделав еще несколько мощных рывков вправо, он оглянулся.

Гривер больше не полз к Алби, а держал курс прямо на Томаса. *Наконец-то хоть что-то пошло, как задумано!* Юноша с силой оттолкнулся ногами от стены и вцепился в очередной стебель, продолжая двигаться дальше.

Теперь Томасу совсем не нужно было оглядываться назад, чтобы понять, что с каждой секундой гривер неумолимо его настигает. Преследователя выдавали звуки. Долго так продолжаться не могло, поэтому другого выхода, кроме как спуститься на землю, у юноши не оставалось.

Он метнулся к следующей плети, но вместо того чтобы крепко ухватиться за нее, позволил руке немного сползти вниз. Стебель обжег скользнувшую по нему ладонь, зато теперь Томас оказался на несколько футов ниже. Он в точности повторил последовательность действий и со следующим стеблем. Затем еще с одним. Перепрыгнув с плети на плеть еще три раза, юноша был уже на полпути к земле. Раны на стертых до крови ладонях нестерпимо болели, и только выброс адреналина помогал справиться с переполняющим его страхом – не обращая внимания ни на что, Томас целенаправленно двигался вперед.

Когда юноша в очередной раз качнулся на стебле, в темноте прямо перед ним что-то смутно замаячило, но когда он понял, *что* именно, – было уже слишком поздно.

Коридор заканчивался, резко уходя вправо.

Томас с размаху врезался в выросшее прямо перед ним каменное препятствие и, невольно разжав пальцы, полетел вниз. Стараясь предотвратить удар о жесткий каменный пол, он расставил руки в стороны и попытался в падении ухватиться за ветки плюща. И в этот

момент он краем глаза увидел гривера – тот быстро изменил направление движения и оказался совсем близко от Томаса, готовясь вцепиться в него когтистой клешней.

Пролетев половину расстояния до земли, юноша все-таки умудрился ухватиться за стебель, едва не вырвав с корнем собственные руки, настолько резким оказалось торможение. Он с силой оттолкнулся обеими ногами от стены, чудом увернувшись от выпущенных гривером игл и когтей, и в полете ударил монстра по механической руке правой ногой. Резкий хруст свидетельствовал о маленькой победе. Впрочем, восторг поубавился, как только Томас почувствовал, что стебель, на котором он повис, качнулся назад и он вот-вот врежется прямо в спину чудовищу.

Под воздействием новой порции адреналина юноша среагировал мгновенно: он прижал ноги к груди, и как только почувствовал, что коснулся скользкого тела гривера, резко выпрямился и со всей силы оттолкнулся от спины монстра, извиваясь при этом всем телом, чтобы избежать контакта с нацеленными на него иглами и когтями. Он отлетел влево, затем оттолкнулся от стены Лабиринта и попытался ухватиться еще за один стебель. Позади раздалось жуткое клацанье, и Томас почувствовал, как что-то резануло его по спине.

Пошарив по стене, юноша нащупал очередную плеть и вцепился в нее обеими руками. Не обращая внимания на страшную боль в содранных ладонях, он слегка ослабил хватку и плавно съехал по стеблю вниз до самой земли. Томас почувствовал под ногами твердый пол и, преодолевая нечеловеческую усталость, что есть мочи припустил прочь.

Почти сразу за спиной раздался громкий звук упавшей туши гривера, за которым последовали уже привычные звуки – жужжание, щелчки и клацанье ползущего чудища. Времени оглядываться уже не оставалось – на счету была каждая секунда.

Томас свернул за угол в один из коридоров, затем в другой. Юноша мчался со всех ног – так, как еще не бегал никогда. Сворачивая во все новые и новые коридоры, он старался запомнить маршрут, надеясь, что все-таки доживет до того момента, когда сможет использовать информацию для возвращения к Воротам в Глэйд.

Направо, теперь налево. Прямо по коридору, снова направо. Налево. Направо. Два раза налево. Очередной длинный коридор. Звуки, издаваемые преследователем, не ослабевали, но и громче не делались – Томас держал темп.

Он все бежал и бежал, не останавливаясь, и сердце уже было готово выскочить из груди. Делая очень глубокие вдохи, юноша старался максимально насытить легкие кислородом, хотя прекрасно понимал, что долго такая бешеная гонка продлиться не может. В голову закралась мысль: а не проще ли бросить попытки оторваться и встретить смерть в открытом сражении с гривером?

Он завернул за угол и остановился как вкопанный. Тяжело дыша, юноша смотрел вперед, будто зачарованный: вонзая шипы в каменный пол и перекачиваясь, прямо на него надвигались три свеженьких гривера.

Глава двадцать первая

Томас обернулся посмотреть, не приближается ли первый гривер, но тот словно дразнил его: сбавил скорость и медленно, почти издевательски, сжимал и разжимал металлическую клешню.

Знает, что мне и так кранты, – подумал Томас. Все усилия пошли насмарку, и в итоге он оказался в окружении гриверов. Все кончено. Не успел и неделю прожить новой осознанной жизнью, как она обрывалась. Юноша принял решение: если ему суждено погибнуть, без боя он не сдастся. И так как схватка с одним чудовищем предпочтительнее, чем с тремя, он помчался назад – прямо навстречу гриверу, который преследовал его от Ворот. Мерзкая тварь замерла на долю секунды и даже перестала шевелить когтистыми пальцами, словно оторопел от неслыханной дерзости. Уловив замешательство монстра, Томас с воинственным кличем бросился в атаку.

Впрочем, ожил гривер мгновенно: ошестинившись шипами, он покатился вперед, готовясь столкнуться с противником лоб в лоб. Заметив, что монстр возобновил движение, юноша чуть было не остановился – вспышка безумной храбрости тут же угасла, – но все-таки продолжил бег.

Когда до столкновения оставалась лишь секунда, в течение которой удалось рассмотреть во всех подробностях стальные шипы, шерсть и скользкую кожу чудовища, Томас с силой оттолкнулся левой ногой от пола и кубарем покатился вправо. Не в силах справиться с инерцией, гривер затрясся всем телом и буквально встал на дыбы, пытаясь остановиться. Теперь он двигался куда проворнее – с надсадным металлическим скрежетом молниеносно развернулся и приготовился броситься на жертву. Однако теперь для Томаса путь к отступлению был свободен.

Он вскочил на ноги и побежал назад по коридору, преследуемый сразу четырьмя гриверами. Преодолевая себя, юноша продолжал бежать, но, судя по звукам, гриверы его настигали. Он бежал из последних сил, стараясь не думать о том, что смерть в когтях чудовищ – лишь вопрос времени.

И вдруг, когда юноша пробежал еще три коридора, из-за угла к нему метнулись две руки и рывком втянули в примыкающий проход. От страха у Томаса чуть не выскочило сердце – он попытался сопротивляться, но когда сообразил, что его схватил Минхо, брыкаться перестал.

– Что за...

– Заткнись и двигай за мной! – крикнул Минхо, увлекая юношу за собой.

Не раздумывая более ни секунды, Томас рванул вслед за товарищем. Они бежали по Лабиринту, сворачивая во все новые и новые коридоры – Минхо, видимо, точно знал, что делает и куда бежит, так как ни разу не остановился, чтобы выбрать направление.

Когда они свернули за очередной угол, Минхо попытался заговорить, жадно хватая ртом воздух.

– Я увидел... как ты ловко нырнул в сторону... там, в коридоре... и у меня возникла идея... нам надо продержаться еще немного... – с перерывами на глубокие вдохи прохрипел он.

Томас предпочел не сбивать дыхание расспросами и молча продолжал мчаться вслед за бегуном. Не нужно было оглядываться назад, чтобы понять: гриверы настигают их с устрашающей скоростью. Все тело Томаса было словно одна большая рана, ноги отказывались продолжать безудержную гонку. Однако он упорно продолжал бежать, надеясь лишь на то, что сердце не подведет и внезапно не остановится.

Ребята миновали еще несколько поворотов, когда впереди Томас увидел нечто необъяснимое, не поддающееся логике, а слабый свет, излучаемый их преследователями, лишь под-

черкивал невероятность того, что предстало перед его взором: коридор не упирался в очередную стену, а заканчивался ничем. Впереди была лишь тьма.

Они приближались к сгустку зловещего мрака, но как Томас ни напрягал зрение, понять, что было впереди, он не сумел: две параллельные увитые плющом стены уходили в никуда, а над ними зияло лишь черное, усыпанное звездами небо. Когда ребята добежали почти до конца коридора, Томас понял, что они оказались у просвета – Лабиринт внезапно обрывался.

Как? – недоумевал он. – *Как после стольких лет поиска нам с Минхо так легко удалось найти выход?*

Минхо словно прочитал его мысли.

– Рано радуешься, – еле ворочая языком от усталости, произнес он.

За несколько футов до того места, где коридор обрывался, Минхо остановился и, выставив руку, преградил Томасу дорогу. Томас замедлился и осторожно подошел к месту, где Лабиринт переходил прямо в открытое небо. Лязг приближающихся гриверов слышался все громче, но любопытство пересилило.

Они действительно оказались у выхода из Лабиринта, но, как сказал Минхо, радоваться было особо нечему. Куда бы ни глядел Томас, – вверх, вниз, влево или вправо, – он видел только небо и мерцающие звезды, как будто стоял на краю Вселенной. Картина была одновременно и пугающей, и прекрасной. На мгновение у него закружилась голова, и он почувствовал слабость в коленях.

На горизонте занимался рассвет, небо светлело буквально на глазах. Томас смотрел как замороженный, не понимая, как такое возможно. Казалось, будто кто-то сначала построил Лабиринт, а затем отправил его высоко в небо парить в пустоте до скончания веков.

– Не понимаю, – прошептал Томас, не рассчитывая, впрочем, что Минхо его услышит.

– Осторожнее, – ответил бегун. – Ты будешь не первым шанком, который полетит с Обрыва.

Он схватил Томаса за плечо и кивнул назад, в глубину Лабиринта.

– Ты ничего не забыл?

Томас раньше уже слышал слово «Обрыв», но никак не мог соотнести его с тем, что видит сейчас перед собой. Вид бескрайнего чистого неба под ним поверг юношу в какой-то гипнотический ступор. Он стряхнул морок, заставил себя вернуться к реальности и оглянулся на надвигающихся гриверов. Выстроившись гуськом, те приближались на удивление быстро, всем своим видом демонстрируя решимость разобраться с людьми. Теперь гриверы находились на расстоянии всего десятка ярдов от глэйдеров.

– Эти твари очень опасны, – сказал Минхо, – но в то же время тупы, как бревно. Стой прямо тут, рядом со мной, и гляди...

Ему не потребовалось объяснять свой замысел – Томас и так все понял.

– Ясно. Я готов, – оборвал он товарища.

Они отступили назад к самому краю пропасти и встали в центре коридора вплотную друг к другу, повернувшись к гриверам лицом. Всего пара дюймов отделяла их сейчас от падения в бездну, в которой не было ничего, кроме бездонного неба.

Собственная смелость – единственное, что они теперь могли противопоставить гриверам.

– Надо действовать синхронно! – крикнул Минхо. Его голос почти утонул в оглушающем лязге барабнящих по камням шипов. – По моему сигналу!..

Почему гриверы двигались цепочкой, можно было только догадываться – вероятно, их стесняли не очень большие размеры коридора, не позволявшие наступать широким фронтом. Но как бы то ни было, они катились один за другим, оглашая Лабиринт громким лязганьем и душераздирающими завываниями, с твердым намерением убить. Расстояние в дюжину ярдов сократилось до дюжины футов, и до столкновения с монстрами оставалась лишь пара секунд.

– Приготовься, – твердо скомандовал Минхо. – Стой на месте... еще рано...

Ожидать хотя бы лишнюю миллисекунду для Томаса было невыносимо – хотелось закрыть глаза и больше никогда не видеть ни одной из этих тварей.

– Давай!.. – заорал Минхо.

И как раз в тот момент, когда первый гривер выставил клешню, готовясь нанести удар, Минхо и Томас бросились в разные стороны к противоположным стенам коридора. Судя по жуткому визгу, который издал первый гривер, ранее опробованная Томасом тактика сработала и на этот раз. Чудовище сорвалось с Обрыва. Странно, но его предсмертный вопль оборвался мгновенно – вместо того, чтобы слышаться еще какое-то время по мере падения гривера в бездну.

Врезавшись в стену, Томас в долю секунды развернулся и увидел, как второй гривер, не успев остановиться, как раз переваливался через край пропасти. Третий монстр попытался упереться густо утыканной шипами «рукой» в каменный пол. Раздался оглушающий надсадный скрежет металла, от которого у Томаса свело скулы. Но сила инерции оказалась слишком велика, и уже в следующую секунду чудовище сорвалось вниз, вслед за двумя первыми, тоже не издав ни единого звука во время падения – пересекая край Обрыва, гриверы словно растворялись в пространстве.

Четвертый и последний монстр успел вовремя затормозить, вонзив в землю шипы, и теперь балансировал прямо на краю пропасти.

Инстинкт подсказал Томасу, *что* делать. Он метнул взгляд на Минхо, кивнул и бросился вперед. Оба парня подскочили к гриверу и, выставив вперед ноги, изо всех сил толкнули монстра в спину, отправляя того в бездну навстречу смерти.

Томас быстро подполз к самому краю утеса и, вытянув шею, попытался разглядеть падающих чудовищ. Невероятно, но те исчезли – в зияющей внизу пустоте от них не осталось и следа. Ничего.

Разум не мог постичь ни глубины этой бездны, ни того, что стало с омерзительными чудовищами. Последние силы покинули Томаса; он улегся на землю, свернувшись калачиком.

И заплакал.

Глава двадцать вторая

Прошло полчаса.

Ни Томас, ни Минхо не двинулись с места.

Томас перестал плакать; теперь его волновало другое: что теперь о нем подумает Минхо и не расскажет ли другим, как он позорно разревелся. Но слез юноша сдержать не смог – его покинули последние остатки выдержки, а боль в израненных руках и крайняя степень усталости лишь усугубили душевное состояние. Несмотря на амнезию, Томас не сомневался, что это была самая драматичная ночь в его жизни.

Он снова подполз к краю Обрыва и вытянул шею, чтобы еще раз посмотреть на рассвет. Теперь он предстал во всей своей красе: темно-фиолетовое небо постепенно становилось светло-голубым, на бескрайнем плоском горизонте появились первые проблески оранжевого солнца.

Томас заглянул в пропасть: каменная стена Лабиринта переходила в горную породу утеса, который исчезал где-то очень-очень далеко, словно в бесконечности. И даже в стремительно усиливающемся свете Томас не мог разглядеть, что находится внизу. Складывалось впечатление, будто Лабиринт выстроили на некой структуре на высоте нескольких миль над землей, что казалось невероятным.

Этого не может быть, – думал он. – Просто обман зрения.

Томас со стоном перевернулся на спину – малейшее движение причиняло боль, словно снаружи и внутри его тела не осталось живого места. Утешало лишь то, что Ворота скоро откроются и они смогут вернуться в Глэйд.

Юноша посмотрел на Минхо – тот сидел, прислонившись к стене коридора.

– Поверить не могу, что мы еще живы, – сказал Томас.

Бегун кивнул, ничего не ответив: его лицо не выражало никаких эмоций.

– Как ты думаешь, другие могут появиться или мы всех порешили?

Минхо хмыкнул.

– Главное, продержались до рассвета. В противном случае на наши задницы вскоре свалился бы еще десяток тварей. Если не больше. – Он сменил позу, кряхтя и морщась от боли. – До сих пор не верится. Seriously. Мы продержались целую ночь. Раньше такое никому не удавалось.

Томас мог гордиться собой и собственной смелостью, но сейчас испытывал лишь облегчение и невероятную усталость.

– Почему у нас получилось то, что не получалось у других?

– Хрен его знает. Это все равно что спрашивать у погибшего, что такого он сделал не так.

Томасу не давало покоя и кое-что другое: почему предсмертный скрежет гриверов мгновенно смолкал, стоило им пересечь край пропасти, и почему он не увидел, как они летели вниз. В этом было что-то очень странное и пугающее.

– Они будто испарились – после того, как пересекли край Обрыва.

– Точно. Поначалу это просто с ума сводило. Пара глэйдеров выдвинула гипотезу, что в пропасти исчезают и другие вещи, но это совсем не так. Гляди-ка.

Минхо взял камень и швырнул его с Обрыва. Томас проследил за ним глазами: камень продолжал лететь вниз, оставаясь в поле зрения, пока не превратился в еле заметную точку и не исчез.

Томас повернулся к Минхо.

– И что это доказывает?

Бегун пожал плечами.

– Но ведь камень не исчез, а спокойно падал.

– Тогда что произошло с гриверами?

Интуиция подсказывала Томасу, что в загадке Обрыва скрывается что-то очень важное. Минхо снова пожал плечами.

– Мистика какая-то. Но у меня сейчас слишком болит голова, чтобы думать об этом.

И тут Томаса как током пронзило – он вспомнил про Алби. Мысли об Обрыве мгновенно улетучились.

– Надо скорее возвращаться и снять Алби со стены.

С большим трудом он поднялся на ноги.

Видя недоумение Минхо, Томас вкратце объяснил товарищу, как подвесил Алби на стеблях плюща.

– Вряд ли он еще жив, – проговорил Минхо, удрученно глядя под ноги.

Томас не хотел в это верить.

– Откуда ты знаешь? Пойдем.

Пошатываясь, он заковылял по коридору.

– Потому что никому еще не удавалось...

Минхо умолк, но Томас догадался, о чем тот подумал.

– Не удавалось, потому что гриверы успевали убить бегунов еще до того, как вы их находили. Если я правильно понял, Алби получил только укол иглой и ничего больше, верно?

Минхо встал, и они с Томасом медленно побрели к Глэйду.

– Не знаю. Просто раньше мы с таким не сталкивались. Были случаи, когда парней жалили в дневное время, но они успевали получить сыворотку и потом проходили через Метаморфозу. А тех шанков-горемык, которые застревали в Лабиринте ночью, мы потом так и не находили – разве что спустя несколько дней, и то редко. Так вот, все они погибли такой чудовищной смертью, что ты и представить себе не можешь.

При этих словах Томас невольно передернулся.

– Думаю, после всего, что мы пережили, я и не такое могу представить.

– По-моему, в твоих словах есть разумное зерно... – Минхо с удивлением посмотрел на Томаса. – Мы ошибались! Вернее, надеюсь, что ошибались! Знаешь, мы всегда считали, что существует какая-то точка невозврата – когда использовать сыворотку уже бесполезно. Просто потому, что все покусанные, которые не успевали вернуться до заката, неизменно погибали.

Минхо явно был в восторге от собственной мысли.

Когда они свернули в очередной коридор, бегун опередил Томаса и теперь шел бодрым шагом. Но и Томас не отставал, удивляясь, насколько хорошо он запомнил путь в лабиринте коридоров – иногда юноша смещался к нужным поворотам даже раньше, чем Минхо успевал показать дорогу.

– Так ты говоришь, сыворотка? – произнес Томас. – Я слышал о ней пару раз. Что это за сыворотка такая и откуда она берется?

– Это самая настоящая сыворотка, шанк. Противогриверная сыворотка.

Томас издал саркастический смешок.

– А я-то решил, что успел узнать все об этом убогом местечке! Почему она так называется? И, кстати говоря, почему гриверов называют гриверами?

Они продолжали идти по бесконечным коридорам, сворачивая в новые и новые проходы, но теперь никто из них не забегал вперед – товарищи шли рядом.

– Не знаю, откуда пошли все эти названия, – начал Минхо, – но сыворотку присылают те, кого мы называем Создателями. Она появляется каждую неделю в Ящике вместе с остальными предметами первой необходимости. Так было испокон веков. Сыворотка эта вроде лекарства или антидота. Разлита прямо по шприцам, поэтому готова к использованию в любой момент. – Минхо изобразил, как втыкает иголку себе в руку. – Колешь эту хреновину в раненого – и он

спасен. Правда, потом человеку приходится переживать все прелести Метаморфозы, но зато он поправляется.

Минуты две прошли в полном молчании, в течение которых Томас переваривал новую информацию. За это время они успели сделать еще пару поворотов. Томас размышлял над Метаморфозой и тем, что за ней скрывается. И еще по непонятной причине он думал о той девушке.

– Странно, – озвучил мысль Минхо. – Мы раньше никогда об этом не задумывались. Если Алби все еще жив, то на самом деле нет причин, по которым сыворотка его не спасет. Мы почему-то вбили в свои тупые головы, что как только Ворота закрываются, покусанному – какюк, и ничто ему не поможет. Хочу своими глазами полюбоваться на этого висельника на стене. Сдается мне, ты меня дурачишь на фиг.

Юноши продолжали двигаться дальше. Минхо выглядел почти счастливым, но у Томаса на душе было беспокойно – его мучила мысль, которую он боялся высказать вслух и всячески от себя отгонял.

– А если до Алби добрался другой гривер – после того, как я отвлек на себя первого?

Минхо бросил на него ничего не выражающий взгляд.

– Я только хочу сказать, что надо поторопиться, – сказал Томас. Он очень надеялся, что невероятные усилия по спасению Алби не пропали даром.

Они постарались идти быстрее, но каждый шаг отдавался болью в теле, поэтому, несмотря на спешку, юноши вскоре снова пошли медленнее. В очередной раз свернув за угол, Томас заметил движение где-то вдали. От неожиданности у него чуть не подкосились ноги, а сердце учащенно заколотилось. Впрочем, он моментально сообразил, что перед ними появилась группа глэйдеров во главе с Ньютом. Он с облегчением вздохнул: впереди высились открытые на день Западные Ворота.

Они вернулись в Глэйд.

Ньют, прихрамывая, побежал им навстречу.

– Что произошло? – спросил он почти рассерженно. – И как, черт возьми...

– Я все объясню позже, – перебил его Томас. – Сейчас надо спасти Алби.

Ньют побелел.

– О чем ты? Он что, жив?

– Подойди сюда.

Томас отошел вправо. Задрал голову высоко вверх и глядя в густые заросли плюща, он отыскал глазами место на стене, где, привязанный стеблями за руки и ноги, висел Алби. Не говоря ни слова, Томас указал рукой в нужном направлении.

Впрочем, он не совсем верил в успешный исход: да, Алби висел на том самом месте и выглядел целым и невредимым, но совсем не шевелился.

Но вот Ньют заметил висящего в плюще друга и поглядел на Томаса. Если раньше Ньют выглядел удивленным, то теперь казался просто шокированным.

– Так он... жив?

Дай-то бог, – подумал Томас.

– Не знаю. Был жив, когда я его подвесил.

– Когда *ты* его подвесил... – Ньют покачал головой. – Так. Ты и Минхо – немедленно внутрь, пусть медаки вас осмотрят. Вид у вас хуже некуда. Когда освободитесь и отдохнете, все мне расскажете.

Томасу хотелось задержаться и узнать, в порядке ли Алби. Он было открыл рот, но Минхо схватил его за руку и потащил за собой ко входу в Глэйд.

– Надо обработать раны и выспаться. Шевелись.

Томас понимал, что Минхо прав. Он еще раз посмотрел вверх на висящего на стене Алби, а затем направился к Воротам.

Путь до входа в Глэйд и потом до Хомстеда показался бесконечным. Разинув рты, на Минхо и Томаса отовсюду смотрели глэйдеры, и на их лицах читался откровенный ужас, словно по площади шли восставшие из могил мертвецы. Томас понимал: подобная реакция вызвана тем, что они совершили нечто невообразимое, но такое внимание окружающих смущало.

Увидев впереди Галли – тот стоял скрестив руки и сверлил Томаса взглядом, – Томас чуть было не застыл на месте, но все-таки продолжил идти как ни в чем не бывало. Собравшись с духом, он ответил Галли долгим твердым взглядом, и когда расстояние между ними сократилось до пяти футов, тот опустил глаза.

Томас сейчас чувствовал себя настолько хорошо, что это его даже немного беспокоило. Впрочем, не слишком сильно.

Следующих пяти минут он почти не запомнил: два медака сопроводили их в Хомстед, а затем отвели наверх, где Томас украдкой заглянул в приоткрытую дверь и увидел, как кто-то кормит находящуюся в бессознательном состоянии девушку. Он едва совладал с порывом зайти в палату и спросить о ее состоянии. Потом их с Минхо препроводили в отдельные комнаты, наложили повязки на раны – по ощущениям Томаса, было очень больно, – дали поесть, попить и предоставили спальные места.

Наконец-то он остался один. Юноша лежал на самой мягкой подушке во всем Глэйде – и медленно погружался в сон, не переставая при этом думать о двух вещах. Во-первых, из головы не выходили слова, которые он прочитал на спинах обоих жуков-стукачей, – ЭТО ПОРОК. Они вновь и вновь возникали у него перед глазами.

И еще он думал о девушке.

Через несколько часов, показавшихся днями, в комнату вошел Чак и принялся тормошить Томаса. Поначалу юноша никак не мог понять, что происходит, но когда рассмотрел, кто его разбудил, недовольно застонал.

– Дай поспать, шанк.

– Я решил, что тебе захочется узнать...

Томас потер глаза и зевнул.

– Что узнать? – Он уставился на Чака, не понимая, отчего тот так довольно улыбается.

– Он жив, – сказал мальчик. – С Алби все в порядке – сыворотка подействовала.

Сон как рукой сняло. С души словно камень свалился: Томас и сам поразился тому, насколько рад был услышать добрую весть. Впрочем, радость была омрачена уже следующей фразой Чака.

– Он как раз входит в Метаморфозу.

Словно в подтверждение его слов из дальней комнаты раздался душераздирающий вопль.

Глава двадцать третья

Алби не выходил у Томаса из головы. То, что они спасли ему жизнь и вернули из ночного Лабиринта, казалось невероятной победой. Но стоила ли она таких мучений? Сейчас бедняга испытывал жуткие страдания и проходил через то же самое, что и совсем недавно Бен. А если спасенный превратится в такого же сумасшедшего? В голове Томаса навязчиво роились тревожные мысли.

На Глэйд опускались сумерки.

Томас больше не мог выносить нечеловеческие вопли Алби прямо у себя под боком, поэтому упросил медаков отпустить его из Хомстеда как есть – не отдохнувшего, всего в ушибах и бинтах. Впрочем, от стенаний жоака глэйдеров невозможно было скрыться – тот продолжал оглашать округу истошными криками. Томасу очень хотелось взглянуть на человека, ради которого он рисковал собственной жизнью, но Ньют решительно отверг просьбу. «Тебе станет только хуже». Он был непреклонен. Да и Томас был слишком слаб, чтобы вступать в словесную перепалку – проспав несколько часов, юноша по-прежнему чувствовал себя невероятно разбитым.

О том, чтобы заняться чем-то полезным, не могло быть и речи, поэтому остаток дня Томас провел, сидя на лавке неподалеку от Могильника и предаваясь отчаянию. Первоначальное ликование по поводу того, что удалось пережить кошмарную ночь, поутихло, и теперь он с болью в сердце размышлял о своей никчемной новой жизни в Глэйде. Несмотря на то что каждая мышца тела болела, а само оно от макушки до пальцев ног было покрыто синяками и ссадинами, физическая боль не шла ни в какое сравнение с эмоциональным потрясением из-за пережитого минувшей ночью. Теперь все встало на свои места: Томас больше не питал иллюзий по поводу выживания в Лабиринте. Ему словно поставили окончательный диагноз – рак в терминальной стадии.

Неужели кого-то может устраивать такая жизнь? – недоумевал он. – И каким негодяем нужно быть, чтобы поступить так с нами? Теперь юноша гораздо острее понял одержимость глэйдеров во что бы то ни стало найти выход из Лабиринта. И дело тут не в самом факте побега: впервые Томас почувствовал жгучее желание отомстить негодяям, которые отправили его сюда.

Впрочем, подобные мысли приводили Томаса лишь к осознанию безвыходности положения, которое он испытывал уже не раз: если Ньют и Алби за два года исследований не смогли разгадать тайну Лабиринта, маловероятно, что разгадка вообще существовала. Но тот факт, что глэйдеры не сдавались несмотря ни на что, говорил об их характере красноречивее любых слов.

И теперь он оказался в их рядах.

Такова моя участь, – подумал он. – Жить в огромном лабиринте в окружении мерзких чудовищ.

Горечь разъедала душу, словно яд. Крики Алби – теперь, на расстоянии, они звучали тише, но все-таки слышались достаточно отчетливо – растрavляли лишь сильнее. Каждый раз, слыша их, Томас невольно зажимал уши ладонями.

Хотя он и не помнил своей жизни до того, как очнулся в Ящике, юноша был уверен, что последние двадцать четыре часа – самые худшие с момента его появления на свет.

День незаметно подошел к концу. Солнце скрылось за высокими стенами, и вскоре Глэйд огласило уже привычное Томасу громыхание запирающихся на ночь Ворот. Когда совсем стемнело, Чак принес ему еду и большой стакан холодной воды.

– Спасибо, – сказал Томас, чувствуя прилив теплоты к мальчику. С максимальной быстротой, на которую были способны израненные руки, он принялся поддевать с тарелки куски говядины с лапшой и запихивать их себе в рот. – Как раз то, что мне сейчас нужно...

Томас сделал большой глоток воды, затем снова принялся жадно поглощать пищу. Лишь теперь он осознал, как сильно проголодался.

– Как можно так есть? Просто отвратительно, – сказал Чак, устраиваясь на скамье возле Томаса. – Все равно что наблюдать, как изголодавшаяся свинья пожирает собственный кланк.

– Прикольная шутка, – хмыкнул Томас. – Тебе стоит выступить с ней перед гриверами в Лабиринте. То-то они поржут.

Он тут же пожалел о своих словах. Судя по обиженному выражению лица Чака, реплика задела мальчика. Впрочем, обида исчезла с его лица так же быстро, как и появилась.

– Кстати, хотел сказать – в Глэйде сейчас только о тебе и говорят.

Томас выпрямился на лавке, не зная, как отнестись к подобной новости.

– С чего бы это?

– Гм... Дай-ка подумать. Во-первых, вопреки запрету, ты ночью удрал в Лабиринт. Во-вторых, выяснилось, что ты, оказывается, прямо Тарзан какой-то – ловко скачешь по зарослям плюща и подвешиваешь людей на стенах. И в-третьих, ты стал одним из первых, кто умудрился продержаться за пределами Глэйда целую ночь, да еще и укокошил четверку гриверов. Так что ума не приложу, почему тебя обсуждают все кому не лень!

Томас почувствовал прилив гордости, который, однако, быстро сошел на нет. Ему стало даже неловко из-за того, что он посмел радоваться в такой момент: Алби лежит в постели и истошно кричит от боли, мечтая лишь об одном – умереть.

– Идея отправить их к чертовой бабушке с Обрыва была не моей, а Минхо.

– А по его словам – все наоборот. Он заметил, какие номера ты выделял с отскоками в сторону, и после этого ему пришла мысль повторить то же самое на краю Обрыва.

– Номера с отскоками? – переспросил Томас. – Да такое любому идиоту под силу!

– Ой, да ладно тебе. Не скромничай. То, что ты сделал, просто невероятно. Сделали вы с Минхо, в смысле.

Внезапно Томас почувствовал злость. Он швырнул на землю пустую тарелку.

– Тогда почему мне сейчас так дерьмово, Чак? Может, ответишь?

Томас попытался прочитать ответ в глазах мальчика, но ничего не увидел. Чак лишь наклонился вперед, сцепив руки замком и опершись ими о колени, и понурил голову. Потом он еле слышно пробормотал:

– Потому же, почему нам всем тут дерьмово.

Несколько минут они сидели молча. Бледный как покойник, с выражением непередаваемой скорби на лице, к ним подошел Ньют и уселся на землю напротив. Несмотря на унылый вид Ньюта, Томасу было приятно его присутствие.

– Думаю, худшее уже позади, – сообщил Ньют. – Бедняга поспит пару дней, а когда очухается, будет в норме. Хотя, конечно, поорет малость.

Томас не вполне понимал, через какие испытания приходится проходить Алби – сущность Метаморфозы оставалась для него загадкой. Он спросил как можно более непринужденно:

– Кстати, Ньют, а что там все-таки происходит? Нет, серьезно, я не совсем понимаю, что это за Метаморфоза такая.

Ответ Ньюта его ошарашил.

– Думаешь, мы понимаем? – воскликнул тот, всплеснув руками и тут же снова опустив их на колени. – Все, что мы знаем, черт возьми, – если тебя уколет гривер своими погаными иголками, надо срочно сделать инъекцию сыворотки, иначе кранты. Как только пострадавшему

дают сывортку, он начинает извиваться, трястись, блевать; все тело покрывается волдырями и зеленеет. Такое объяснение устраивает, Томми?

Томас нахмурился. Не хотелось расстраивать Ньюта еще сильнее, но ему нужно было получить внятный ответ.

– Слушай, я понимаю, что видеть лучшего друга в таком виде – удовольствие не из приятных, но я лишь хочу понять, что там на самом деле происходит. Откуда пошло название – Метаморфоза?

Ньют поежился и, вздохнув, ответил:

– Во время Метаморфозы возвращается память. Не вся, а только обрывки, но все-таки настоящие воспоминания о том, что происходило до того, как человек попал в эту паршивую дыру. Каждый переживший Метаморфозу впоследствии ведет себя как псих, хотя обычно все проходит не так плохо, как у Бена. В общем, тебя как будто дразнят прошлой реальной жизнью, а потом снова ее отбирают.

Мозг Томаса лихорадочно заработал.

– Ты уверен? – спросил он.

Ньют недоуменно посмотрел на него.

– Что ты имеешь в виду? В чем уверен?

– В причине депрессии. Поведение меняется, потому что они хотят вернуться к нормальной жизни – или потому, что осознают, что их прежняя жизнь была ничем не лучше новой, нынешней?

Пару секунд Ньют пристально смотрел на Томаса, затем отвернулся, видимо, над чем-то серьезно задумавшись.

– Шанки, пережившие Метаморфозу, никогда об этом не рассказывают. Они просто делаются... другими. Отталкивающими, что ли. В Глэйде есть горстка таких. Я терпеть не могу находиться рядом с ними.

Ньют говорил отрешенным голосом, бессмысленно уставившись в одну точку где-то в лесной чаще, но Томас и так знал, о чем тот думает: Алби уже никогда не будет прежним.

– И не говори, – поддакнул Чак. – А худший из них всех – Галли.

– А о девчонке есть новости? – спросил Томас, решив сменить тему. Его мысли то и дело возвращались к новенькой, к тому же он был не в настроении обсуждать Галли. – Я видел там, наверху, как медаки ее кормили.

– Ничего нового, – ответил Ньют. – По-прежнему в долбаной коме или что-то вроде этого. Время от времени бормочет что-то невнятное – то ли бредит, то ли ей что-то снится. Пищу принимает исправно, и вроде внешне с ней все в порядке. Но все это очень странно.

Последовала долгая пауза, словно все трое пытались найти разумное объяснение появлению девушки. Томас в который раз задумался о необъяснимом ощущении знакомства с ней. Правда, сейчас это чувство немного притупилось – возможно, из-за того, что слишком уж много свалилось на него за последнее время.

– Как бы то ни было, в ближайшее время придется решать, что делать с Томми, – нарушил тишину Ньют.

Томас просто обалдел, не зная, как реагировать на подобное заявление.

– Делать со мной? Ты о чем?

Ньют встал.

– Ты всех тут на уши поставил, шанк. Одна половина глэйдеров решила, что ты Бог, а другая мечтает сбросить твою задницу в лифтовую шахту ко всем чертям. Придется многое обсудить.

– Например? – Томас и сам толком не знал, что больше беспокоило: отношение людей к нему как к герою или желание некоторых отправить его на тот свет.

– Терпение, – сказал Ньют. – Утром все узнаешь.

– А почему не сейчас? – Томасу подобная таинственность была не по вкусу.

– Я созвал Совет, и ты будешь на нем присутствовать. Более того, будешь единственным на повестке.

Сообщив это, он развернулся и зашагал прочь, оставив Томаса гадать, на кой черт надо созывать целый Совет, чтобы всего лишь поговорить о нем.

Глава двадцать четвертая

На следующее утро вспотевший от волнения Томас сидел, нервно ерзая, перед двенадцатью парнями – те расположились напротив него на расставленных полукругом стульях. Юноша сразу понял, что это кураторы. К его большому сожалению, среди них сидел Галли. Один стул прямо напротив Томаса оставался незанятым – это место принадлежало Алби. Все происходило в большой комнате в Хомстеде, в которой Томасу бывать еще не доводилось. Общий вид помещения говорил о том, что никто никогда не пытался сделать его хоть чуточку уютнее: стены, как и пол, сколочены из голых досок; окон в комнате не было вовсе; пахло плесенью и старыми книгами. За исключением маленького стола в углу и стульев, никакой мебели в комнате не было. Томас дрожал, но совсем не от холода.

Он с облегчением отметил, что Ньют здесь, – он сидел справа от пустующего места Алби.

– От лица нашего вожака, находящегося сейчас на лечении, объявляю Заседание Совета открытым, – произнес Ньют и слегка поморщился, словно ему претило все, что хоть отдаленно могло считаться формальной процедурой. – Как все вы знаете, за последние дни произошло много всякой хреновины, и в центре каждого происшествия оказывался Салага Томми, находящийся сейчас перед нами.

Томас зарделся от смущения.

– Теперь он не Салага, а обыкновенный нарушитель правил, – бросил Галли. Его обычно скрипучий голос звучал сейчас подчеркнуто строго.

Комната наполнилась приглушенным бормотанием и перешептываниями, но Ньют немедленно цыкнул на кураторов. Томасу вдруг захотелось убраться из этой комнаты как можно дальше.

– Галли, – произнес Ньют. – Постарайся соблюдать порядок, черт тебя дери, и не прерывай меня, потому что сегодня я не в духе. И если ты собираешься разевать свой поганый рот всякий раз, как я что-то скажу, то можешь сразу проваливать отсюда ко всем чертям!

Томас пожалел, что не имел права поддержать выступающего аплодисментами.

Галли сложил руки на груди и откинулся на спинку стула; при этом он напустил на себя настолько суровый вид, что Томас чуть не рассмеялся. Он все сильнее и сильнее удивлялся, как раньше до дрожи в коленях мог бояться Галли – теперь тот казался глупым и очень жалким.

Ньют бросил на Галли строгий взгляд, затем продолжил:

– Рад, что с этим мы разобрались. – Он снова поморщился. – Я созвал Совет, потому что последние пару дней ко мне выстраиваются целые очереди из желающих поговорить о Томасе. Причем одни видят в нем угрозу, другие, наоборот, возносят до небес и чуть ли не просят его руки и сердца. Надо, блин, решить, что с ним делать.

Галли подался вперед, но Ньют жестом остановил его, прежде чем тот успел произнести хоть слово.

– У тебя будет возможность выступить, Галли. Высказываемся по очереди. А ты, Томми, держи рот на замке до тех пор, пока мы не дадим слово. Лады? – Он подождал утвердительного кивка Томаса и указал на парня, сидящего у самого края справа. – Пердун Зарт, твой выход.

Раздались несколько смешков, и заведовавший Плантацией тихий рослый парень заерзал на стуле. Его присутствие в этой комнате казалось Томасу не менее неуместным, чем морковь на помидорной грядке.

– Ну... – начал Зарт, стреляя глазами по сторонам, словно искал поддержки у окружающих. – Я и не знаю... Он нарушил одно из основных Правил, и мы не можем позволить людям думать, что это в порядке вещей. – Он замолчал и, опустив глаза, потер ладони. – С другой стороны, с ним... многое изменилось. Теперь мы знаем, что в Лабиринте можно выжить, а гриверов – убить.

Томас немного успокоился. На его стороне был хоть кто-то, и юноша мысленно пообещал себе впредь быть максимально любезным с Зартом.

– Возражаю! – неожиданно выкрикнул Галли. – Могу поспорить, что с тупоголовыми тварями разделался Минхо.

– Захлопни варежку, Галли! – рявкнул Ньют, угрожающе приподнявшись с места. Томасу снова захотелось заплодировать. – Тут я сейчас председатель, твою мать, и если ты еще хоть раз выкнешь вне очереди, гарантирую, что навлечешь Изгнание на свою унылую задницу!

– Я тебя умоляю, – саркастически пробурчал Галли и откинулся на спинку стула, снова напустив на себя граничащий с нелепостью серьезный вид.

Ньют сел и махнул рукой Зарту.

– Это все? Официальные рекомендации будут?

Зарт замотал головой.

– Хорошо. Фрайпан, ты следующий.

По бородатому лицу повара скользнула улыбка, и он встал.

– Надо признать, кишка у шанка не тонка. И этих кишок у него – как у всех свиней и коров, вместе взятых, которых мы нажарили за целый год. – Он сделал паузу, словно ожидал услышать в ответ смех, но никто не засмеялся. – По-моему, все это глупо. Он спас жизнь Алби и ухлопал парочку гриверов, а мы сидим тут и рассусоливаем, думая, как с ним поступить. Как сказал бы Чак, это куча кланка и больше ничего.

Томасу страшно захотелось подойти к Фрайпану и пожать ему руку; он высказал вслух именно то, что давно вертелось у него самого на языке.

– Каковы твои официальные рекомендации? – осведомился Ньют.

Фрайпан скрестил руки на груди.

– Введем его в Совет, на фиг, и пусть учит глэйдеров всему, что проделывал с гриверами в Лабиринте!

Комнату наполнил невообразимый гвалт, и Ньюту потребовалось не меньше минуты, чтобы восстановить порядок. Томас поморщился: Фрайпан зашел в своих рекомендациях слишком далеко, настолько далеко, что почти дискредитировал предыдущую великолепно сформулированную характеристику тому, что тут происходило.

– Хорошо. Так и запишем, – произнес Ньют, подтверждая слова какими-то пометками в блокноте. – А теперь все заткнитесь, черт побери! Вы отлично знаете правила: ни одно предложение не может быть отвергнуто сразу. Каждый из вас сможет высказаться, когда придет черед голосования!

Он закончил писать и кивнул третьему члену Совета – черноволосому конопатому парню, которого Томас видел впервые.

– На самом деле у меня нет мнения на этот счет, – промямлил тот.

– Чего?! – резко переспросил Ньют. – Тогда какого хрена мы избрали тебя членом Совета?!

– Сожалею, но я, честно, не знаю, как поступить. – Он пожал плечами. – Я, наверное, все-таки соглашусь с Фрайпаном. Зачем наказывать человека, который спас чью-то жизнь?

– Значит, мнение у тебя все-таки есть, и ты его только что огласил, правильно? – допытывался Ньют, поигрывая карандашом.

Парень кивнул, и Ньют сделал пометку. Томас понемногу успокаивался – кажется, большинство кураторов выступали на его стороне. И все-таки просто сидеть и ждать своей участи было тяжело; очень хотелось выступить самому, но юноша заставил себя следовать протоколу и продолжал молчать.

Следующим слово взял Уинстон – прыщавый куратор Живодерни.

– Он нарушил Правило Номер Один, и я думаю, его следует наказать. Не обижайся, Шнурок. Послушай, Ньют, ты у нас больше всех твердишь о соблюдении Правил. Если мы его не накажем, то подадим плохой пример остальным.

– Отлично, – ответил Ньют, делая запись в блокноте. – Значит, ты рекомендуешь наказание. Какое именно?

– Предлагаю посадить его в Кутузку на неделю и не давать ничего, кроме хлеба и воды. Кроме того, предать дело гласности, чтобы другим неповадно было.

У Томаса упало сердце, а Галли захлопал в ладоши, за что получил от Ньюта грозный взгляд. Далее выступили еще два куратора: один из них принял сторону Фрайпана, другой – Уинстона.

Наконец настала очередь Ньюта.

– В основном я согласен со всеми вами. Томаса надо наказать, но потом подумать, каким образом воспользоваться его навыками. Я воздержусь от оглашения собственной рекомендации до тех пор, пока не выслушаю каждого из вас. Следующий.

Разговоры про наказание бесили Томаса даже больше, чем невозможность сказать хоть слово в свою защиту. Впрочем, как это ни странно, после всего, что он совершил в Лабиринте, в глубине души юноша не мог не согласиться с кураторами – он действительно нарушил Главное Правило Глэйда.

Заседание продолжалось. Некоторые считали, что Томас достоин похвалы, другие настаивали на наказании. Или на том и другом одновременно. Теперь юноша почти не слушал их, ожидая лишь выступления последних двух кураторов – Галли и Минхо. Последний не произнес ни слова с того момента, как Томас вошел в комнату, и сидел, откинувшись на стуле с видом человека, не спавшего целую неделю.

Галли говорил первым.

– Думаю, я уже достаточно четко выразил свое мнение.

Великолепно, – подумал Томас. – *Тогда сиди и помалкивай*.

– Лады, – ответил Ньют и в который раз поморщился. – Минхо, твоя очередь.

– Нет! – заорал Галли так громко, что несколько кураторов подскочили на стульях. – Я еще хочу сказать кое-что!

– Тогда не тяни кота за хвост! – рявкнул Ньют.

Томас с облегчением отметил, что временно исполняющий обязанности председателя Совета относится к Галли с неменьшим презрением, чем он сам. И хотя Томас теперь не боялся Галли, он все равно его не переносил.

– Сами подумайте, – начал Галли. – Этот хмырь появляется из Ящика, весь такой смущенный и растерянный, а спустя уже несколько дней преспокойно мотается по Лабиринту с гриверами, будто он здесь хозяин...

Томас вжался в стул. Он надеялся, что остальные не разделяют мнения Галли.

– Уверен: он водит нас за нос, – продолжал Галли напыщенно. – Или вы правда думаете, что он мог сделать то, чего никому не удалось за два года? Ни за что не поверю.

– Как насчет сути, Галли? – спросил Ньют. – Может, объяснишь конкретно, к чему ты все это говоришь, черт возьми?

– Я думаю, он шпионит на тех, кто нас сюда поселил!

Комнату снова наполнил шум и гвалт. Томас лишь сокрушенно покачал головой, не понимая, как такое вообще могло взбредить Галли в голову. Наконец Ньюту удалось утихомирить кураторов, но Галли еще не закончил выступление.

– Мы не можем доверять шанку! – закричал он. – Смотрите: спустя всего день после его появления нам подкидывают какую-то психопатку с дурацкой запиской, которая мелет всякую чушь про то, что скоро все изменится. Затем мы находим мертвого гривера, а потом этот Томас удобненько устраивается на ночлег в Лабиринте, после чего пытается убедить нас в том, что

он – герой. А ведь ни Минхо, ни кто-либо другой не видел, чтобы он хоть раз прикоснулся к плющу. Откуда мы знаем, что именно Шнурок привязал Алби на стене?

Галли замолчал. На какое-то время воцарилась тишина. Томас запаниковал – неужели они поверили этому гаду? Ему отчаянно захотелось выступить в свою защиту, и он едва не нарушил молчание, однако Галли продолжал:

– Слишком много странного приключилось, и все началось после появления этого стебанутого Шнурка. Почему именно он стал первым человеком, которому удалось пережить ночь в Лабиринте? Что-то тут не так, и пока мы не выясним – что именно, я официально рекомендую запретить его в Кутузке на месяц, а потом мы снова соберемся и все обсудим заново.

Кураторы принялись живо обсуждать услышанное, а Ньют тем временем записывал что-то в блокноте, почему-то покачивая при этом головой, отчего у Томаса зародилась надежда, что дела его не так плохи.

– Закончил, Капитан Галли? – съязвил Ньют.

– Не думай, что ты тут самый умный, Ньют, – прошипел Галли, побагровев. – Я чертовски серьезен. Как мы можем доверять шанку, если он и недели с нами не прожил? Ты даже на секунду не задумываешься, о чем я толкую, а тупо затыкаешь мне глотку!

Впервые Томас посочувствовал Галли – тот действительно имел основания быть недовольным грубым обращением Ньюта. В конце концов, он куратор.

Все равно я его терпеть не могу, – решил Томас.

– Хорошо, Галли, – сказал Ньют. – Прошу прощения. Мы выслушали твое мнение и примем к сведению рекомендацию. Ты закончил?

– Да, закончил. И я не ошибаюсь.

Не отвечая ему, Ньют указал на Минхо.

– Вперед, последний по счету, но не по важности.

Томас был несказанно рад, что наконец-то подошла очередь Минхо – тот наверняка станет на его защиту горой.

Неожиданно для всех Минхо резко выпрямился.

– Я был там и видел, что сделал это парень, – он проявил мужество тогда, когда я чуть в штаны не наложил. Я не буду впустую болтать языком, как Галли, а сразу выскажу рекомендацию, и покончим с этим.

Томас затаил дыхание и приготовился слушать.

– Лады, – ответил Ньют. – Говори.

Минхо посмотрел на Томаса.

– Предлагаю вместо меня назначить шанка на пост куратора бегунов.

Глава двадцать пятая

В комнате воцарилась гробовая тишина, будто всех внезапно сковало льдом. Члены Совета уставились на Минхо. Томас словно окаменел. Ну конечно, Минхо вот-вот признается, что просто решил пошутить.

Тишину нарушил Галли. Встав и повернувшись лицом к Ньюту, он указал через плечо на Минхо и выкрикнул:

– Это просто смешно! Да его надо выкинуть из Совета за подобные идиотские предложения!

Если в душе Томаса и была какая-то жалость по отношению к Галли, то выпад в адрес Минхо ее окончательно похоронил.

Как ни странно, некоторые кураторы поддержали рекомендацию Минхо – например, Фрайпан, который принялся заглушать Галли хлопками и потребовал провести голосование по внесенному Минхо предложению. Другие воспротивились. Уинстон энергично замотал головой и сказал что-то, чего Томас не смог расслышать. Кураторы принялись шумно обсуждать предложение, перебивая друг друга, а Томас, потрясенный и испуганный, молча сидел, обхватив голову руками, и ждал.

Почему Минхо вздумалось предложить такое? *Не иначе – пошутил*, – подумал юноша. Ньют говорил, что может пройти целая вечность, прежде чем глэйдер станет бегуном. Не говоря уже о получении должности куратора. Он снова посмотрел на спорящих членов Совета и пожалел, что не находится за тысячу миль отсюда.

Наконец Ньют бросил блокнот на пол и вышел из полукруга, призывая кураторов к тишине. Поначалу его, кажется, не только не слышали – даже не замечали; впрочем, постепенно порядок был восстановлен и все снова расселись по местам.

– Вот хрень, – сказал Ньют. – Никогда еще не видел сборище шанков, которые вели бы себя как младенцы. Может, вы забыли, но в здешних краях мы – самые старшие! Поэтому держитесь подобающе, а иначе распустим на хрен шарагу и изберем новых членов Совета! – Произнося это, он прошелся из конца в конец вдоль кураторов, заглянув в глаза каждому. – Вы меня поняли?

Совет ответил молчанием. Вопреки ожиданиям Томаса, вместо того чтобы поднять еще больший галдеж, кураторы лишь согласно закивали головами. В том числе и Галли.

– Лады. – Ньют снова уселся, возвращая блокнот себе на колени. Черкнув в нем пару строк, он обратился к Минхо: – Довольно серьезная заявка, братец. Ты уж извини, но тебе придется обосновать рекомендацию.

Томасу тоже не терпелось услышать объяснения.

Судя по изможденному виду Минхо, тот предпочел бы обойтись без пространных речей, но все-таки начал отстаивать свое предложение.

– Легко вам, шанки, сидеть тут и рассуждать о том, в чем вы ни бельмеса. Я единственный бегун в Совете. Кроме меня, здесь присутствует только один человек, который выходил в Лабиринт, – Ньют.

– Если не считать того раза, когда я... – перебил его Галли.

– А я и не считаю! – рявкнул Минхо. – Можешь мне поверить, что ни ты, ни кто-либо другой вообще не представляете себе, каково находиться в Лабиринте. И гривер тебя ужалил только потому, что ты нарушил то же самое Правило, что и Томас. Но его ты почему-то хочешь наказать! Это называется *лицемерие*, ты, смердящий кусок...

– Хватит, – оборвал его Ньют. – Обосновывай свою позицию, и закруглимся.

Напряжение достигло наивысшего накала – воздух в помещении словно превратился в хрупкое стекло, которое могло лопнуть в любую секунду. Минхо и Галли с напряженными, побагровевшими от злости лицами долго сверлили друг друга взглядами.

– Короче, вот что я скажу, – сказал Минхо, усаживаясь на стул. – Я никогда не видел ничего подобного. Он не запаниковал, не закричал, не заплакал и вообще ничем не выдал своего страха. Народ, он живет с нами всего несколько дней! Вспомните, какими мы были в самом начале – шарахались по углам, не зная куда ткнуться, ревели каждый час, никому не доверяли и отказывались что-либо делать. Мы оставались такими в течение недель, а то и месяцев, но выбора у нас не было – мы смирились и начали выживать.

Минхо снова встал и указал на Томаса.

– Буквально спустя несколько дней после появления в Глэйде парень выбегает в Лабиринт, чтобы спасти двух человек, которых он едва знает. Весь этот кланк насчет нарушения правил – просто чушь собачья. Ему даже правил официально не огласили! Зато к тому моменту он от многих успел узнать, какие опасности таятся в Лабиринте. Особенно ночью. Несмотря на это, он выскочил наружу перед самым закрытием, и все только ради того, чтобы помочь двум парням.

Минхо глубоко вздохнул; чем дольше он говорил, тем тверже становился его голос.

– Но это только цветочки. Он увидел, что я поставил на Алби крест и бросил его умирать, – а ведь я ветеран, обладающий знаниями и опытом. Так что по идее Томас не должен был ставить под сомнение мои решения. Но он поставил! Подумайте о том, ценой каких физических и моральных усилий ему удалось подвесить Алби на стене, подтягивая вверх дюйм за дюймом. Это просто безумие какое-то! В башке не укладывается! Но у него получилось. Когда мы услышали шлепанье гриверов, я сказал Томасу, что надо разделиться, и смылся, начав бегать по специальным маршрутам, которые мы давно отработали на случай погони. А он не наделал в штаны от страха, как можно было предполагать, а в одиночку смог взять ситуацию под контроль, вопреки всем законам физики и земного притяжения умудрился подвесить Алби на стене, потом еще отвлек на себя внимание чудищ, улизнул прямо из-под носа у одного из них и наткнулся...

– Мы поняли, о чем ты, – встрял Галли. – Оказывается, Томми у нас – шанк-везунчик.

Минхо с угрожающим видом повернулся к Галли.

– Заткнись, никчемный утырок! Ты ни хрена не понимаешь! Я за два года не видел ничего подобного! И прежде чем разевать свой рот...

Минхо замолчал, потер глаза и обессиленно застонал. Глядя на него, Томас поймал себя на том, что слушал бегуна с широко раскрытым ртом. Он вконец запутался в собственных чувствах: сейчас в нем смешались и признательность Минхо за то, что он защищал его перед всеми, и непонимание необъяснимой агрессии Галли по отношению к себе, и страх услышать суровый приговор.

– Галли, – произнес Минхо более спокойно, – ты просто трусливый недоносок, который никогда не хотел стать бегуном и ни разу не пытался принять участие в тренировках. Ты не имеешь права болтать о вещах, в которых не смыслишь. Так что заткнись.

Галли вскочил с места, пылая ненавистью.

– Еще одно слово – и я сломаю тебе шею! Прямо здесь, на глазах у всего Совета! – прошипел он, брызжа слюной.

Минхо рассмеялся, а затем взял Галли растопыренной пятерней за физиономию и с силой толкнул. Томас аж подскочил, глядя, как грубиян повалился на стул и, в падении разломав его, распластался на полу. Не успел Галли подняться, как Минхо мгновенно подскочил к нему и ударом ноги в спину снова отбросил на пол.

Томас потрясенно опустился на стул.

– Никогда больше мне не угрожай, Галли, – оскалившись, прошипел Минхо. – А теперь даже обращаться ко мне не вздумай. Никогда. Иначе, клянусь, я переломаю тебе руки и ноги, а затем сверну твою поганую шею.

Ньют с Уинстоном вскочили с мест и, схватив Минхо, принялись оттаскивать его от Галли. Растрепанный и багровый от злости, тот тем временем поднялся – впрочем, пойти в контрнаступление он не решился, а лишь стоял, тяжело дыша и пытаясь испепелить обидчика взглядом.

Наконец Галли неуверенными шагами попятился к выходу, злобно обводя глазами кураторов. *Подобный полный ненависти взгляд можно увидеть только у человека, собирающегося совершить убийство*, подумал Томас. Приблизившись к двери, Галли вытянул руку за спину, пытаясь нащупать ручку.

– Теперь все изменилось, – сказал он, плюнув на пол. – Тебе не стоило этого делать, Минхо. Ты совершил *огромную* ошибку. – Безумный взгляд переполз на Ньюта. – Я знаю, ты меня ненавидишь и всегда ненавидел. Тебя следовало бы подвергнуть Изгнанию за твою полнейшую неспособность управлять этой шайкой. Ты жалок, но и все остальные здесь присутствующие – не лучше. Грядут серьезные перемены. Я вам это обещаю.

У Томаса упало сердце. Неужели может произойти что-то еще хуже того, что уже произошло?

Галли рывком распахнул дверь и шагнул в коридор, но не успели кураторы прийти в себя, как он просунул голову в дверной проем и крикнул, злобно глядя на Томаса:

– А ты, вшивый Салага, возомнивший себя Богом, не забывай, что я тебя видел! Я тебя видел во время Метаморфозы! И то, что решат кураторы, не имеет никакого значения! – Он сделал паузу, обвел полусумасшедшим взглядом каждого в комнате и добавил, снова уставившись на Томаса: – Я не знаю, для чего ты к нам заслан, но жизнью клянусь, что остановлю тебя! И убью, если придется.

С этими словами он исчез, громко хлопнув дверью.

Глава двадцать шестая

Томас сидел, как ледяное изваяние, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. За короткий период пребывания в Глэйде он успел испытать все возможные человеческие эмоции – и страх, и одиночество, и отчаяние, и горечь, и даже что-то наподобие радости. Но сейчас он чувствовал нечто доселе неизвестное – ему никогда еще не заявляли, что ненавидят настолько, что готовы убить.

Галли просто сумасшедший, сказал он себе. *Он вконец спятил*. Однако мысль не принесла успокоения – напротив, испугала еще сильнее: сумасшедшие способны на все.

Члены Совета притихли; кто сидел, кто стоял, но все без исключения пребывали в состоянии шока. Уинстон и Ньют отпустили Минхо, и все трое с угрюмыми лицами расселись по своим местам.

– Поделом ублюдку, – произнес Минхо почти шепотом. Очевидно, слова не предназначались окружающим.

– Можно подумать, ты у нас тут самый святой! – воскликнул Ньют. – О чем ты вообще думал? Тебе не кажется, что это перебор?

Минхо прищурился и дернул головой, показывая, что искренне удивлен вопросом.

– Хватит молоть чушь! Каждый из присутствующих с удовольствием полюбовался, как засранец получил то, чего давно заслуживал. Уверен, ты и сам так думаешь. Кто-то должен был поставить говнюка на место.

– Он член Совета, если ты забыл, – сказал Ньют.

– Чувак, он открыто пригрозил сломать мне шею и убить Томаса! Галли совсем свихнулся! На твоём месте я бы немедленно приказал скрутить его и кинуть в Кутузку. Он реально опасен!

Томас не мог не согласиться с Минхо и снова чуть было не нарушил данное себе обещание держать рот на замке, но вовремя осекся. На его голову и без того свалилось достаточно неприятностей, и усугублять положение не хотелось. Впрочем, долго так продолжаться не могло – он понимал, что еще немного, и его прорвет.

– А может, Галли в чем-то и прав, – пробормотал Уинстон себе под нос.

– Что?! – воскликнул Минхо, в точности повторяя мысленный вопрос Томаса.

Уинстон, казалось, и сам удивился тому, что высказал мысль вслух. Он забегал глазами по комнате, затем попытался объяснить:

– Ну... Галли прошел Метаморфозу – гривер его ужалил среди бела дня прямо у Западных Ворот. Значит, к нему вернулись какие-то воспоминания. Думаю, он неспроста утверждает, что Шнурок ему знаком.

Томас снова подумал о Метаморфозе, а особенно о том факте, что она может вернуть память. И вдруг ему в голову пришла шальная мысль: а не стоит ли позволить гриверу ужалить себя ради того, чтобы вспомнить прошлое, даже ценой ужасных мучений? Впрочем, воспоминания об извивающемся в постели Бене и нечеловеческих столах Алби мгновенно отбили желание провести эксперимент. *Ни за что*, – решил он.

– Уинстон, ты видел, что сейчас произошло? – спросил Фрайпан, недоуменно глядя на куратора. – Галли – конченный псих. Глупо пытаться искать здравый смысл в его бредятине. Или, может быть, ты считаешь, что Томас – замаскированный гривер?

Томас больше не мог молчать ни секунды, пусть ему и придется нарушить порядок Заседания Совета.

– Могу я сказать? Меня уже достало, что все меня обсуждают, как будто я пустое место, – раздраженно спросил он, повышая голос.

Ньют посмотрел на него и кивнул.

– Валяй. Чертово заседание и так вконец испорчено.

Томас быстро собрался с мыслями, подбирая нужные слова, что было совсем непросто – раздражение, смятение и гнев мешали мыслить четко.

– Я не знаю, почему меня ненавидит Галли, хотя мне и наплевать на это, но он явно питает ко мне нездоровую неприязнь. Что касается того, *кто* я, то я знаю не больше вас. Правда, если мне не изменяет память, вы собирались обсудить вылазку в Лабиринт, а не то, почему какой-то идиот считает меня воплощением зла.

Раздался чей-то сдержанный смешок, и Томас замолчал, надеясь, что смог донести до слушателей свою точку зрения.

– Лады. – Ньют кивнул. – Давайте сворачивать лавочку, а что делать с Галли – позже подумаем.

– Совет не имеет права голосовать в неполном составе, если только куратор не отсутствует по болезни. Как Алби, – сказал Уинстон.

– Господи, Уинстон! – воскликнул Ньют. – Уж кто-кто, а Галли сегодня явно нездоров, так что обойдемся без него. Высказывайся в свою защиту, Томас, да приступим к голосованию по поводу твоей судьбы.

Томас поймал себя на том, что сжал кулаки на коленях так сильно, что побелели костяшки пальцев. Он заставил себя расслабиться, вытер вспотевшие ладони о штанины и начал говорить, не вполне четко представляя, что именно скажет Совету.

– Я не совершил ничего дурного. Я всего лишь увидел, что два человека пытаются доползти до Ворот, но не успевают. И не помочь им из-за какого-то глупого запрета было бы трусостью, эгоизмом и... в общем, глупостью. Если хотите упечь меня в Кутузку за попытку спасти чью-то жизнь – пожалуйста. Обещаю, что в следующий раз просто буду стоять в Воротах и хохотать, тыча пальцем в опоздавших бегунов, а потом отправлюсь на кухню к Фрайпану и спокойно перекушу с чувством выполненного долга.

Томас вовсе не собирался шутить. Он искренне не понимал, почему его поступок вызвал такую шумиху.

– Вот моя рекомендация, – произнес Ньют. – Ты нарушил чертово Правило Номер Один, поэтому отправляешься на сутки в Кутузку. Это твое наказание. Я также рекомендую Совету избрать Томаса бегуном, со вступлением решения в силу сразу после окончания заседания. Думаю, ночь, проведенная тобой в Лабиринте, стоит нескольких недель испытаний. Ты, что называется, доказал профпригодность. А что касается поста куратора, забудь об этом. – Ньют повернулся к Минхо. – В этом я согласен с Галли – дурацкая идея.

Хотя Томас в глубине души и понимал, что Ньют прав, последнее замечание его все-таки задело.

Юноша посмотрел на Минхо, ожидая реакции, но тот, кажется, совсем не удивился отказу. Однако он продолжал отстаивать свою позицию:

– Почему? Я могу ручаться, что среди нас он лучший. А лучшие становятся кураторами.

– Давай так, – сказал Ньют. – Дадим Томасу месяц, чтобы парень показал, каков он в деле. Произвести замену всегда успеем.

Минхо пожал плечами:

– Лады.

Томас облегченно вздохнул. Желание стать бегуном – удивительное для него самого, учитывая, *что* ему пришлось пережить в Лабиринте, – никуда не делось, но стать куратором ни с того ни с сего... Это уже чересчур.

Ньют окинул взглядом членов Совета.

– Итак. Мы выслушали несколько рекомендаций, теперь каждый может высказаться по...

– Да хрен с ними, с дебатами! – перебил Фрайпан. – Давайте сразу перейдем к голосованию, и дело с концом. Лично я голосую за твое предложение.

– И я, – отозвался Минхо.

Одобрительные возгласы слышались и с других мест, вселяя в Томаса надежду и переполняя его гордостью. Единственным, кто заявил категорическое «нет», оказался Уинстон.

– Твой голос ничего не решает, – сказал ему Ньют, – но все-таки объясни, чего ты так упираешься?

Уинстон пристально посмотрел на Томаса, затем повернулся к Ньюту.

– В принципе, я не против, но мы не можем полностью пренебрегать тем, что сказал Галли. В его словах есть смысл. Я уверен, что он не выдумывает. Вы и сами прекрасно знаете, что как только у нас появился Томас, все пошло кувырком.

– И то верно, – сказал Ньют. – Каждый из нас хорошенько все обдумает, а потом как-нибудь, если станет скучно, созовем очередной Совет и обсудим дела. Годится?

Уинстон кивнул.

При мысли, что его снова игнорируют, Томас недовольно простонал.

– Потрясающе! Меня как будто вообще здесь нет!

– Послушай-ка, Томми, – произнес Ньют. – Мы только что избрали тебя бегуном, черт возьми. Так что кончай ныть и проваливай отсюда. Тебе еще многому придется научиться у Минхо.

Только теперь Томас осознал, что именно произошло: он стал настоящим бегуном и скоро отправится исследовать Лабиринт. Несмотря на все тревожения, юноша задрожал от восторга; почему-то он был уверен, что лимит уготованных ему несчастий исчерпан и больше в Лабиринте ночью они не застрянут.

– А с наказанием что?

– Завтра, – ответил Ньют. – Просидишь в Кутузке от подъема и до заката.

Один день, подумал Томас. *Могло быть и хуже.*

Наконец собрание было распущено, и все – за исключением Ньюта и Минхо, – поспешили покинуть комнату.

Ньют продолжал сидеть, делая в блокноте какие-то пометки.

– Славное совещаньице, ничего не скажешь, – пробормотал он.

Минхо подошел к Томасу и шутливо ткнул его кулаком в плечо.

– А все этот шанк виноват.

Томас ткнул его в ответ.

– Куратором, говоришь? Правда хотел назначить меня куратором? Да ты еще больший псих, чем Галли!

Минхо притворно нахмурился.

– А что, сработало! Замахнулся на невыполнимое, зато получил то, чего хотел. Потом меня отблагодаришь.

Лишь сейчас Томас понял хитрый замысел Минхо и расплылся в довольной улыбке.

И тут в дверь постучали. Томас обернулся и увидел Чака; тот сиротливо стоял на пороге и выглядел так, будто за ним только что гнался гривер. От улыбки Томаса не осталось и следа.

– В чем дело? – спросил Ньют, поднимаясь со стула. Что-то в его тоне было такое, отчего Томас заволновался еще сильнее.

Чак смущенно смотрел в пол.

– Меня медаки послали...

– Зачем?

– У Алби припадок. По-моему, он совсем с катушек слетел – говорит, ему надо поговорить.

Ньют направился к двери, но Чак поднял руку, остановив его:

– Э-э... Не с тобой.

– Что ты имеешь в виду?

Чак кивнул на Томаса.

– Алби настаивает, чтобы привели *его*.

Глава двадцать седьмая

Второй раз за сегодняшний день Томас от удивления потерял дар речи.

– Ну хорошо, пойдёмте, – сказал Ньют и схватил Томаса за руку. – Одного тебя я все равно к нему не пущу.

Втроем – Томас шел следом за Ньютом, а за ними плелся Чак – они покинули комнату заседаний и направились по коридору к узкой спиральной лестнице, которую Томас раньше не заметил.

– Ты с нами не идешь, – холодно бросил Ньют Чаку, поставив ногу на первую ступеньку.

Как ни странно, Чак ничего не ответил и просто кивнул. *Видно, что-то в поведении Алби сильно напугало мальчишку*, подумал Томас.

– Кстати, – сказал он, обращаясь к Чаку. Ньют тем временем начал подниматься по лестнице. – Меня только что приняли в бегуны, так что теперь ты водишь дружбу с самым крутым перцем в округе.

Он попытался пошутить, чтобы развеять нарастающий страх от предстоящей встречи с Алби – что, если тот, как и Бен, набросится на него с обвинениями? Или, что хуже, в буквальном смысле нападет...

– Ага, точно, – пробормотал Чак, отрешенно уставившись на деревянные ступеньки.

Томас пожал плечами и стал подниматься. Лоб покрылся испариной, а ладони стали скользкими от пота – ему страшно не хотелось идти туда.

Ньют, мрачный и серьезный, ждал Томаса вверху на лестничной площадке. Поднявшись, Томас оказался в противоположном конце того самого длинного темного коридора, в который он попал в день появления в Глэйде. Он невольно представил Бена, извивающегося в муках, и в животе неприятно заныло; оставалось надеяться, что Алби миновал самую острую стадию Метаморфозы и ему не придется вновь наблюдать отвратительную картину – вздувшиеся вены на бледной коже, биение в конвульсиях... Впрочем, он не исключал чего-нибудь и похуже, поэтому заранее постарался взять себя в руки.

Они подошли ко второй двери справа, и Ньют легонько постучал. В ответ раздался стон. Ньют открыл дверь – слабый скрип всколыхнул в памяти Томаса неясные воспоминания из детства, когда он смотрел фильмы про дома с привидениями. Как и прежде, крошечные осколки памяти собрать воедино не удавалось: он помнил фильмы, но не лица актеров или своих близких, с которыми ходил в кино. Юноша помнил в общих чертах, что представляют собой кино-театры, однако все детали о том, как они выглядели, стерлись из памяти. Непередаваемое чувство, которое Томас не смог бы описать при всем желании.

Ньют вошел в комнату и сделал ему знак следовать за ним. Переступая порог, Томас мысленно приготовился к самому худшему, однако ничего страшного не увидел – на кровати с закрытыми глазами лежал обычный юноша, правда, крайне истощенный.

– Он спит? – шепнул Томас, хотя на уме у него крутился совсем другой вопрос: *Он точно не умер?*

– Не знаю, – тихо ответил Ньют, шагнул вперед и уселся на деревянный стул, стоящий возле кровати.

Томас сел по другую сторону.

– Алби, – прошептал Ньют. Затем добавил более громко: – Алби. Чак сказал, ты хочешь поговорить с Томми.

Алби медленно открыл глаза – два кроваво-красных шара, блестевшие в ярком уличном свете. Посмотрел на Ньюта, потом на Томаса и со стоном принял сидячее положение, откинувшись на спинку кровати.

– Да, – просипел он еле слышно.

– Чак сказал, что ты бился в истерике и, в общем, совсем обезумел. – Ньют подался вперед. – Что с тобой? Все никак не оклемаешься?

Алби заговорил, но казалось, каждое слово давалось ему ценой невероятных усилий.

– Все скоро... переменится... Девушка... Томас... Я их видел...

Он буквально исторгал из себя слова – со свистом, тяжело дыша. Потом сомкнул веки, снова открыл глаза, сполз вперед на кровати и лег на спину, вперившись взглядом в потолок.

– Что-то мне хреново...

– В каком смысле – «видел»?.. – начал Ньют.

– Я звал Томаса! – выкрикнул Алби неожиданно громким голосом, что всего секунду назад казалось абсолютно невозможным. – Ньют, я не с тобой хотел поговорить, а с ним. Я Томаса звал, черт возьми!

Ньют посмотрел на Томаса, удивленно подняв брови. В ответ тот лишь пожал плечами; с каждой секундой он нервничал все сильнее. Почему Алби приспичило поговорить именно с ним?

– Отлично, болван ворчливый, – ответил Ньют. – Вот он сидит. Говори.

– Выйди, – попросил Алби. Глаза его снова были закрыты, а грудь тяжело вздымалась.

– Ни за что – я должен слышать.

– Ньют. – Пауза. – Оставь нас. Немедленно.

Томасу становилось все более неуютно. Интересно, что подумает о них Ньют и что собирается сказать Алби, гадал он.

– Но... – попытался было воспротивиться Ньют.

– Вон!.. – гаркнул Алби дрожащим от напряжения голосом, поднимаясь на кровати и снова откидываясь назад. – Убирайся!

На лице Ньюта отразилась нескрываемая обида, хотя и без малейшего следа злости, что изрядно удивило Томаса. Прошло несколько напряженных секунд, а потом Ньют встал и пошел к выходу. *Он что, правда оставит меня одного?* – пронеслось у Томаса в голове.

– Не жди, что я буду целовать тебе задницу, когда придешь просить прощения, – бросил Ньют и вышел в коридор.

– И дверь закрой! – крикнул Алби, словно дал Ньюту еще одну пощечину напоследок. Ньют повиновался, захлопнув за собой дверь.

Сердце у Томаса бешено заколотилось – он остался один на один с человеком, который и до нападения гривера не отличался покладистым нравом, а теперь еще и *Метаморфозу* пережил. Юноше страшно хотелось поскорее выслушать Алби и убраться отсюда, но пауза растянулась до нескольких томительных минут. От волнения у Томаса начали трястись руки.

– Я знаю, кто ты, – наконец прохрипел Алби, нарушая тишину.

Томас не нашелся что ответить. Он попытался было что-то сказать, но ничего, кроме невнятного мычания, не получилось – он был взволнован до крайности и сильно напуган.

– Я знаю, кто ты, – медленно повторил Алби. – Я видел. Видел все. Откуда мы пришли и кто ты такой. И девушку видел. Я вспомнил *Вспышку*.

Вспышку?..

Усилием воли Томас заставил себя заговорить.

– Я не понимаю, о чем речь. Что ты конкретно видел? Я и сам хотел бы узнать про себя хоть что-нибудь...

– Приятного мало, – ответил Алби и впервые с тех пор, как вышел Ньют, поднял глаза – полные печали, запавшие и мрачные, словно черные дыры. Он посмотрел прямо на Томаса. – Если бы ты видел этот ужас... Почему те ублюдки хотят, чтобы мы помнили такое? Почему просто не оставить нас здесь и дать спокойно жить?

– Алби... – Томас очень пожалел, что не может влезть в голову парня и увидеть все собственными глазами. – Что открыла *Метаморфоза*? Что ты вспомнил? Я ничего не понимаю.

– Ты... – начал было Алби, но тут же схватился за горло и захрипел, задыхаясь. Высунув язык и кусая его, он судорожно задергал ногами и принялся яростно биться и метаться на кровати, словно его кто-то душил.

Томас в ужасе вскочил со стула и отступил назад – Алби, казалось, боролся сам с собой, вцепившись руками себе в горло и беспорядочно дрыгая ногами. Его обычно темная кожа, которая всего минуту назад была необыкновенно бледной, стала багровой, а глаза вылезли из глазниц так сильно, что больше напоминали белые с красными прожилками шарики из мрамора.

– Алби!.. – крикнул Томас. – Ньют! Ньют, сюда!..

Не успел он закончить фразу, как дверь резко распахнулась. Влетев в комнату, Ньют подскочил к Алби, схватил бьющегося в конвульсиях товарища за плечи и, навалившись всем телом, прижал его к кровати.

– Хватай за ноги!

Томас дернулся вперед, но Алби так яростно молотил ногами по воздуху, что подойти к нему, не получив удар, оказалось почти невозможным – нога угодила ему прямо в челюсть.

Скулу пронзила резкая боль, и Томас отскочил, потирая место ушиба.

– Блин, да хватай же ты его за ноги! – крикнул Ньют.

Томас застыл на месте, приноравливаясь, затем резко прыгнул на Алби, схватив обе ноги и придавив их к постели. Ньют, прижав плечи несчастного коленями, принялся отдиравать его руки, все еще сдавливающие горло.

– Отпусти!.. – закричал Ньют, дергая Алби. – Ты себя убьешь нахрен!

От усилия на его руках выступили вены, мускулы вздулись. Наконец ему удалось оторвать руки Алби от горла и прижать к груди. Алби еще несколько раз дернулся всем телом, выгибая спину и приподнимаясь над кроватью, но мало-помалу стал успокаиваться. Постепенно он стал дышать более ровно, потом окончательно затих, уставившись остекленевшими глазами в потолок.

Однако Томас продолжал крепко держать Алби за ноги, боясь, что, почувствовав свободу, тот снова начнет брыкаться. Подождав целую минуту, Ньют осторожно отпустил руки бедняги, затем спустя еще минуту убрал колени с плеч товарища и слез с кровати. Томас последовал его примеру, решив, что припадок закончился.

Алби устало посмотрел на Ньюта.

– Извини, дружище, – прошептал он. – Сам не знаю, что случилось. Как будто... моим телом кто-то управлял. Извини...

Томас глубоко вздохнул, надеясь, что ни в чем подобном больше ему участвовать не придется – большей нервозности и придумать невозможно.

– Извини, говоришь... Ну-ну... – ответил Ньют. – Ты пытался убить себя, черт возьми.

– Это не я, клянусь, – пробормотал Алби.

– В каком смысле «не ты»?

– Не знаю. Но это был *не я*...

Судя по выражению его лица, он и сам ничего не понимал.

Ньют предпочел не вдаваться в подробности. Во всяком случае, сейчас. Он поднял с пола разбросанные в припадке одеяла и укрыл больного.

– Позже поговорим, а пока спи. – Ньют приложил ладонь ко лбу Алби и добавил: – Ты сейчас не в лучшей форме, шанк.

Но Алби уже засыпал и лишь слегка кивнул с закрытыми глазами.

Ньют глянул на Томаса и жестом указал на дверь. Томас только того и ждал. Хотелось поскорее покинуть этот сумасшедший дом, поэтому он поторопился вслед за Ньютом к выходу. Но едва они переступили порог, как за спиной у них раздалось невнятное бормотание Алби.

Парни замерли и обернулись.

– Что? – переспросил Ньют.

Алби открыл глаза и повторил сказанное, но уже громче.

– С девчонкой осторожнее.

Его веки снова закрылись.

И снова девушка. Так или иначе, все почему-то сводилось к ней. Ньют бросил на Томаса недоуменный взгляд, но в ответ тот только пожал плечами – слова Алби поставили его в тупик.

– Пойдем, – шепнул Ньют.

– И еще, – окликнул его Алби, не открывая глаз.

– Да?

– Берегите карты.

Произнеся это, Алби повернулся к ним спиной, показывая, что теперь разговор действительно окончен. Услышанное не очень-то обрадовало Томаса. Скорее, наоборот.

Они с Ньютом вышли из комнаты и тихо притворили за собой дверь.

Глава двадцать восьмая

Томас и Ньют молча сбежали по лестнице и выскочили из Хомстеда во двор, залитый лучами солнца. Пожалуй, для Томаса все складывалось не самым лучшим образом.

– Есть хочешь, Томми? – спросил Ньют.

Томас не поверил своим ушам.

– Есть? Да мне после всего, что я увидел, блевать хочется!

Ньют ухмыльнулся.

– А я бы перекусил. Пошли на кухню, шанк, может, там чего осталось после обеда. Заодно и обсудим кое-что.

– Так и думал, что ты скажешь что-нибудь в этом роде...

Мало-помалу Томас становился вовлеченным в жизнь Глэйда, поэтому мог предугадывать события все лучше и лучше.

Они прошли прямо на кухню, где, несмотря на протесты Фрайпана, взяли сэндвичи с сыром и немного сырых овощей. От внимания Томаса не ускользнуло, что куратор поваров поглядывает на Томаса как-то подозрительно, но стоило ему, в свою очередь, посмотреть на Фрайпана, как тот немедленно отводил взгляд. Что-то подсказывало юноше, что отныне такое поведение станет нормой – местные обитатели почему-то считали его особенным. Несмотря на то что Томас жил в Глэйде всего неделю, он ощущал себя так, будто находится здесь целую вечность.

Они решили пообедать снаружи и уже спустя несколько минут сидели у основания западной стены, откинувшись спинами на увитый плющом камень, и смотрели на занятых своими повседневными обязанностями глэйдеров. Томас заставил себя есть – судя по тому, с какой быстротой развивались события, очередной неожиданности можно было ожидать в любой момент, поэтому силы ему еще понадобятся.

– Ты раньше такое видел? – спросил Томас, помолчав минуту-другую.

Ньют внезапно помрачнел.

– Ты про Алби? Нет. Никогда. С другой стороны, никто никогда и не пытался рассказать, что именно они вспомнили во время Метаморфозы, а когда мы спрашивали – не признавались. Может, Алби оттого и пошел вразнос, что решил заговорить.

У Томаса кусок застрял в горле. Неужели Создатели за пределами Лабиринта каким-то образом могут их контролировать? От этой мысли бросило в дрожь.

– Надо отыскать Галли, – сменил тему Ньют, грызя морковку. – Спрятался где-нибудь, паршивец. Как поем, так сразу этим и займусь. Давненько он в Кутузке не сидел.

– Ты не шутишь?

Томас несказанно обрадовался словам Ньюта. Он с огромным удовольствием лично захлопнул бы за Галли дверь тюремной камеры, а ключи от нее зашвырнул бы куда подальше.

– Чертов шанк угрожает прикончить тебя, поэтому мы обязаны позаботиться о твоей безопасности. Пусть радуется, что мы не приговорили его к Изгнанию, но обещаю, этот клан-корожий дорого заплатит за свои выходки. Помнишь, что я говорил тебе про порядок?

– Ага.

Томас подумал, что Галли возненавидит его еще сильнее, отсидев срок в Кутузке. *Плевать*, – убеждал себя он. – *Я больше не боюсь этого придурка.*

– Вот как мы поступим, Томми, – сказал Ньют. – До конца дня будешь отираться возле меня – нам надо обсудить кой-какие дела. Завтра – Кутузка. Следующий день проведешь с Минхо. Я хочу, чтобы ты какое-то время держался подальше от остальных шанков. Усек?

Томас ничего не имел против.

– Звучит заманчиво. Значит, Минхо будет меня тренировать?

– Верно. Ты теперь бегун, и он станет тебя обучать. Лабиринт, карты и все такое. Многому придется научиться. Надеюсь, будешь работать не покладая рук.

Как ни странно, мысль о том, что придется снова выходить в Лабиринт, Томаса не испугала. Он твердо решил оправдать ожидания Ньюта, к тому же усердные тренировки помогут отвлечься от других проблем. И втайне Томас надеялся покинуть Глэйд как можно скорее – теперь его новой целью в жизни стало избегать контакта с глэйдерами.

Они молча доедали обед, когда Ньют вдруг заговорил о том, что беспокоило его на самом деле. Сняв в комок оставшийся от трапезы мусор, он повернулся к Томасу и заглянул ему прямо в глаза.

– Слушай, – начал Ньют. – Я хочу, чтобы ты признался кое в чем. Мы слишком часто слышали об этом от других, так что нет смысла отрицать. Настало время сказать правду.

Томас понимал, что рано или поздно все к этому и придет, но все-таки вздрогнул. Он промолчал.

– Галли говорил об этом, Алби говорил, Бен говорил, – продолжал Ньют. – Девчонка – и та, когда мы вытащили ее из Ящика, сказала то же самое. – Он умолк, возможно, ожидая встречного вопроса Томаса, но тот молчал. – Все как один сказали, что грядут серьезные перемены.

Ньют отвернулся, посмотрел куда-то вдаль, затем заговорил снова.

– Сомнений быть не может. Галли, Алби и Бен утверждали, что видели тебя в своих воспоминаниях во время Метаморфозы, и из этого я делаю вывод, что там, в прошлом, ты отнюдь не сажал цветочки и не помогал старушкам переходить улицы. Что-то с тобой и правда нечисто, раз у Галли руки чешутся тебя укокошить.

– Ньют, я действительно не понимаю... – начал Томас, но Ньют не дал ему договорить.

– Я прекрасно знаю, что ты ни черта не помнишь! Хватит повторять одно и то же, как попугай! У нас у всех память отшибло, и то, что ты в очередной раз напомнишь нам об этом, пользы не принесет. Я говорю о том, что ты от нас чем-то отличаешься, и, полагаю, пора над этим призадуматься.

Томас почувствовал внезапный приступ злости.

– Отлично! И что, по-твоему, теперь делать? Я не меньше вашего хочу вспомнить прошлое. Или ты сомневаешься?

– Я хочу, чтобы ты открыл свой разум. Будь откровенен и скажи, кажется ли тебе что-нибудь, хоть малейшая вещь, знакомым?

– Ничего... – начал Томас, но запнулся. С момента прибытия в Глэйд произошло столько всего, что он уже и забыл, как, лежа в первую ночь рядом с Чаком, размышлял о том, каким узнаваемым кажется ему Глэйд и как по-домашнему уютно он вдруг здесь себя почувствовал. Эмоции, далекие от тех, которые он должен был бы испытывать.

– У тебя что-то на уме. Я же вижу, – вкрадчиво произнес Ньют. – Говори.

Томас помедлил, опасаясь, как бы признание не обернулось для него негативными последствиями, но держать все в себе больше не было сил.

– Ну... Я не могу ткнуть пальцем в какую-то конкретную вещь и сказать: «Вот это помню». – Он говорил медленно, тщательно подбирая слова. – Но в самом начале мне действительно показалось, будто я бывал здесь раньше.

Юноша посмотрел в глаза Ньюту, надеясь увидеть в них понимание.

– С другими новичками разве не так?

Лицо Ньюта оставалось непроницаемым. Он лишь сказал:

– Нет, Томми. Большинство из нас первую неделю только распускали сопли да мочились в портки от страха.

– Правда? Гм... – Томас умолк, огорченный и неожиданно смущенный.

Что все это значит? Чем он отличается от остальных? Может, с ним и правда что-то не так?

– А мне все показалось знакомым, и я изначально знал, что обязан стать бегуном...

– Черт, а вот это уже интереснее – Ньют изучающе посмотрел на Томаса, уже не скрывая подозрений. – В общем, продолжай прислушиваться к себе. В свободное время покопайся в памяти, напряги извилины и подумай об этом местечке. Хорошенько поройся в мозгу и постарайся найти ответ. Ради всех нас.

– Попробую.

Томас закрыл глаза, собираясь выискать ответ в темных закоулках разума.

– Да не сейчас, болван! – Ньют засмеялся. – Я имею в виду – потом как-нибудь. В свободное время – за обедом, перед сном, во время работы или в перерывах между тренировками. Сообщай мне обо всем, что хоть отдаленно покажется знакомым, договорились?

– Договорились.

Томаса беспокоило, что своим признанием он как бы подал Ньюту сигнал об опасности, и теперь тот станет относиться к нему с подозрением.

– Лады, – непринужденно улыбнулся Ньют. – А начнем с того, что кое-кого навестим.

– Кого еще? – спросил Томас, хотя уже знал ответ. Ему снова стало не по себе.

– Девчонку. Будешь пялиться на нее до рези в глазах. Поглядим – может, хоть так твои чертвы мозги зашевелиятся, что-нибудь да вспомнишь.

Ньют встал.

– Кроме того, я хочу, чтобы ты до последнего слова передал мне ваш разговор с Алби.

Томас вздохнул и тоже поднялся.

– Ладно, – ответил он покорно.

Они направились в Хомстед, где лежала девушка, по-прежнему находясь без сознания. Томаса очень волновало, что теперь подумает про него Ньют. Парень был ему действительно симпатичен, поэтому он и открылся. А вдруг теперь Ньют повернется к нему спиной?

– В крайнем случае отправим тебя к гриверам, – заявил Ньют, прерывая ход его мыслей. – Они тебя ужалят, пройдешь через Метаморфозу и все выложишь. Нам очень нужны твои воспоминания.

В ответ Томас саркастически хмыкнул, однако Ньют даже не улыбнулся.

Девушка, казалось, мирно спала и могла проснуться в любую минуту. Томас ожидал увидеть ее истощенной, находящейся на пороге смерти, однако кожа была розовой, а грудь равномерно вздымалась и опускалась в такт дыханию.

Один из медаков – низкорослый парень, имени которого Томас не запомнил, – как раз поил девушку, заливая в рот воду тонкой струйкой. На прикроватной тумбочке стояли тарелка и миска с остатками обеда – супом и картофельным пюре. Без сомнения, медаки делали все возможное, чтобы поддерживать в пациентке жизнь.

– Здорово, Клинт, – бросил Ньют непринужденно, словно навещал незнакомку уже не в первый раз. – Как она, жить будет?

– Ага, – отозвался Клинт. – Идет на поправку, правда, все время разговаривает во сне. Наверное, скоро придет в себя.

У Томаса екнуло сердце. Почему-то он не воспринимал всерьез вероятность того, что девушка может очнуться, полностью выздороветь и запросто разговаривать с глэйдерами. Странное дело, но при этой мысли юноша занервничал.

– Вы записываете ее слова? – осведомился Ньют.

Клинт кивнул.

– В основном это бормотание понять невозможно, но если удастся, то да, записываем.

– Давай, выкладывай, – сказал Ньют, ткнув пальцем в лежащий на столе блокнот.

– Да все то же, что и тогда, когда ее из Ящика вынули: что скоро все изменится, о Создателях и о том, что «окончание неизбежно». И еще...

Тут Клинт покосился на Томаса, давая понять, что не хочет говорить в его присутствии.

– Да все нормально. Он имеет право слышать то, что слышу я, – успокоил его Ньют.

– В общем... я не смог толком разобрать все слова, но... – Клинт вновь посмотрел на Томаса, – она постоянно повторяет его имя.

У Томаса чуть не подкосились ноги. Неужели его имя вообще никогда не перестанут упоминать? Неужели они с девушкой действительно знали друг друга? Прямо наваждение какое-то, от которого нигде не скрыться.

– Спасибо, Клинт. – Тон Ньюта не оставлял сомнений в том, что присутствие медаков больше не требуется. – Напишешь подробный отчет обо всем, хорошо?

– Сделаю.

Клинт кивнул обоим посетителям и вышел из комнаты.

– Тащи сюда стул, – сказал Ньют, присаживаясь на край кровати.

Томас облегченно отметил, что Ньют пока не перешел к откровенным обвинениям. Он выдвинул из-под стола стул, поставил его у изголовья кровати и сел, наклонившись вперед, чтобы рассмотреть лицо девушки повнимательнее.

– Что-нибудь припоминаешь? – спросил Ньют. – Хоть что-нибудь?

Томас не ответил и продолжал всматриваться в лицо девушки, силясь разрушить невидимый барьер в мозгу и отыскать ее в своем прошлом. Юноша мысленно вернулся к тому моменту, когда ее извлекли из Ящика и она на короткий миг открыла глаза. Темно-синие глаза, такого насыщенного оттенка, какого он больше ни у кого никогда не видел. Он попытался совместить два образа воедино, представить те глаза на лице спящей. Черные волосы, жемчужно-белая кожа, полные губы... Томас снова поразился необыкновенной красоте девушки.

И вдруг где-то в самом дальнем закоулке памяти как будто что-то всколыхнулось – еле ощутимый трепет крыльев в темном углу, невидимый, но все-таки реальный. Ощущение длилось лишь миг и сразу растворилось в недрах потерянной памяти. Но Томас действительно что-то почувствовал!

– Я и правда знаю ее, – прошептал он, откидываясь на спинку стула.

У него словно камень с души свалился, когда произнес это вслух.

Ньют встал.

– Правда? И кто же она?

– Без понятия. Но в мозгу что-то щелкнуло – где-то я с ней пересекался.

Томас потер глаза, раздраженный неспособностью ухватиться за воспоминание.

– Отлично, тогда продолжай думать, не теряй зацепку. Сконцентрируйся, черт возьми.

– Да пытаюсь я, пытаюсь! Помолчи.

Томас закрыл глаза и попытался увидеть ее лицо в черной пустоте. *Кто она?* – подумал юноша и осознал всю абсурдность вопроса – он и про себя-то ничего не знает.

Томас подался вперед на стуле и глубоко вздохнул, затем посмотрел на Ньюта, сокрушенно качая головой.

– Я просто не...

– *Тереза.*

Томас подскочил как ошпаренный, повалив стул на пол, и испуганно стал озираться по сторонам. Ему почудилось...

– В чем дело? – спросил Ньют. – Что-то вспомнил?

Не обращая внимания на вопрос, Томас продолжал оглядываться в полнейшем замешательстве, уверенный, что услышал чей-то голос. Потом снова посмотрел на девушку.

– Я... – Он опять сел, наклонился вперед, вглядываясь в ее лицо. – Ньют, перед тем как я вскочил, ты что-нибудь говорил?

– Нет.

Мог бы и не спрашивать.

– Мне показалось, что я услышал... Сам не знаю. Может, это у меня в голове чей-то голос. Она сейчас ничего не говорила?

– Она? – удивился Ньют. Глаза у него загорелись. – Нет. А что ты услышал?

Признаваться было боязно.

– Я... Я клянусь, что услышал имя. Тереза.

– Тереза? Нет, я ничего такого не слышал. Имя, наверное, всплыло из глубин твоей долбаной памяти. Выходит, ее зовут Тереза. Скорее всего, так.

Томас почувствовал себя крайне неуютно, словно на его глазах только что произошло нечто сверхъестественное.

– Клянусь, я правда слышал голос! Но только у себя в голове. Черт, не могу объяснить...

– Томас.

На этот раз он не просто вскочил со стула, но еще и отлетел от кровати на другую сторону комнаты, по пути свалив со стола лампу – она с грохотом упала на пол и разбилась на мелкие осколки.

Голос. Голос девушки – шепчущий, нежный, но твердый. Томас его слышал. Теперь он не сомневался, что действительно слышал.

– Да что с тобой происходит, черт возьми?! – воскликнул Ньют.

Сердце Томаса бешено колотилось, а в висках пульсировала кровь. В желудке противно заныло.

– Она... Господи! Она говорит со мной! Мысленно! Она только что произнесла мое имя!

– Чего?!

– Точно тебе говорю! – Комната поплыла у него перед глазами, а голову словно сдавило тугим обручем. Томас чувствовал, что сходит с ума. – Я слышу ее голос у себя в башке! Правда, это не совсем голос, а что-то вроде...

– Сядь, Томми. О чем ты вообще толкуешь, на хрен?

– Ньют, я серьезно. Это... не совсем голос, но он возникает прямо у меня в голове.

– Том, мы последние. Скоро все закончится. Так должно быть.

Слова отозвались в голове эхом и коснулись барабанных перепонок – теперь он действительно их *услышал*. Однако голос звучал так, словно не проникал в уши со стороны, а возникал у Томаса прямо в мозгу, буквально из ниоткуда.

– Том, не сходи с ума.

Он зажал уши ладонями и зажмурился. Рассудок отказывался поверить в реальность происходящего.

– *Память постепенно стирается, Том. Когда я очнусь, то не буду почти ничего помнить. Мы можем пройти испытания. Они должны завершиться. Меня послали ускорить процесс.*

Томас больше не мог этого выносить. Не обращая внимания на вопросы Ньюта, он бросился к двери, рывком отворил ее и вылетел в коридор. Скатившись по лестнице, он пулей выскочил из Хомстеда и побежал прочь.

Но отделаться от навязчивого голоса оказалось не так-то просто.

– *Скоро все изменится*, – повторила она.

Ему хотелось кричать и бежать, бежать, бежать – до тех пор, пока его не покинут силы. Оказавшись возле Восточных Ворот, Томас промчался сквозь них и выбежал за пределы Глэйда. Позабыв о Правилах, он продолжал бежать, коридор за коридором, углубляясь в самое сердце Лабиринта. Но голос преследовал его везде.

– *Это мы виноваты, Том. Мы их поставили в такие условия. А заодно и себя.*

Глава двадцать девятая

Лишь когда голос смолк окончательно, Томас остановился.

Он с удивлением понял, что бежал по Лабиринту почти час – тени от стен довольно сильно вытянулись в восточном направлении, а значит, солнце скоро сядет, Ворота закроются. Необходимо возвращаться. Томас с удовлетворением отметил, как сильно в нем развит инстинкт бегуна: ведь он, не задумываясь, сориентировался в пространстве и времени.

И все-таки надо вернуться в Глэйд.

Но как возвращаться, когда там девушка, которая снова проникнет ему в голову и станет произносить совершенно нелепые вещи?

Впрочем, выбора у него не было. Отрицанием правды делу не поможешь. И каким бы грубым и неприятным ни было вторжение в мозг, оно не шло ни в какое сравнение с возможностью снова повстречаться с гриверами.

Он многое о себе узнал, пока бежал назад к Глэйду. Нисколько не задумываясь, юноша подсознательно точно восстановил в уме весь маршрут, который проделал, пытаясь скрыться от голоса, и теперь уверенно бежал по длинным коридорам в обратном направлении, безошибочно сворачивая то влево, то вправо.

Это значило лишь одно: Минхо не ошибался, утверждая, что скоро Томас станет самым лучшим бегуном.

Юноша узнал о себе и еще кое-что – как будто ночи в Лабиринте было недостаточно, чтобы это понять, – он находится в прекрасной физической форме. Буквально сутки назад Томас пребывал в состоянии крайнего изнеможения, а тело болело от макушки до пяток, однако он смог быстро восстановиться и сейчас бежал без особых усилий, хотя находился в Лабиринте почти два часа. Не нужно быть гением математики, чтобы подсчитать: к моменту возвращения в Глэйд Томас проделал половину марафонской дистанции.

Истинные размеры сооружения он оценил только теперь – Лабиринт простирался на несколько миль. И если учесть, что по ночам стены перемещались, становилось понятным, почему из него не удавалось найти выход. До сих пор Томас сомневался в правдивости слов бегунов, искренне удивляясь их неспособности решить загадку Лабиринта.

Он продолжал бежать, не останавливаясь, сворачивал то влево, то вправо, оставляя позади коридор за коридором. К тому времени, как Томас пересек границу Глэйда, до закрытия Ворот оставались считанные минуты. Уставший, он направился прямо к Могильнику, зашел в лес и стал продирается к юго-западному углу, где деревья представляли собой почти непролазную чащу. Сейчас юноше больше всего хотелось побыть одному.

Когда блеяние овец и хрюканье свиней почти стихли, а голоса глэйдеров превратились в далекое невнятное бормотание, Томас наконец-то получил то, чего хотел. Отыскав стык двух гигантских стен, он обессиленно рухнул прямо на землю. За ним никто не пришел, никто его не побеспокоил. Вскоре южная стена пришла в движение, закрывая проход на ночь. Томас отодвинулся от стены, затем, когда она остановилась, снова прислонился к мягкому покрову из плюща и спустя несколько минут заснул.

Утром кто-то осторожно потряс его за плечо.

– Томас, проснись.

Снова Чак. Кажется, этот мальчишка способен достать Томаса из-под земли.

Застонав, Томас потянулся. Ночью кто-то заботливо, как мать, укрыл его двумя одеялами.

– Который час? – спросил он.

– Ты чуть не проспал завтрак. – Чак потянул его за руку. – Надо идти. Вставай. Пора начать вести себя как нормальный глэйдер, иначе наживешь новых проблем.

Все события минувшего дня вдруг разом ворвались в сознание Томаса, и внутри все перевернулось.

Интересно, что они теперь со мной сделают? – подумал он. – *Она вроде говорила, что это я и она поставили всех в такие условия. В том числе и себя. Что все это значит?*

Наверное, он спятил. Как знать, возможно, стресс от пребывания в Лабиринте сказался на его психике. Так или иначе, голос звучал в голове только у него. Остальные не были в курсе тех странных вещей, о которых сообщила Тереза, так что Томаса никто ни в чем не обвинял. Более того, никто даже не знал, что она сказала ему свое имя. Никто, за исключением Ньюта.

Юноша решил помалкивать: дела и так обстояли не лучшим образом, а признавшись, что он слышит голоса в голове, можно лишь нажать новые неприятности. Правда, оставалась одна проблема – Ньют. Придется убедить его, что стресс выбил Томаса из колеи, и теперь, хорошенько выспавшись, он снова в полном порядке. *Я – не псих*, – мысленно убеждал себя Томас. И, в сущности, он был прав.

Чак наблюдал за ним, вздернув брови.

– Извини, – сказал Томас, вставая и стараясь вести себя как можно более естественно. – Задумался. Пошли, поедим. Я умираю с голоду.

– Лады, – ответил Чак, хлопнув его по спине.

По пути в Хомстед Чак болтал без умолку. Томас не жаловался – в окружающем безумном мире непринужденный разговор с приятелем был тем немногим, что приближало его к нормальной жизни.

– Тебя вечером нашел Ньют и приказал не беспокоить. И еще он огласил всем решение Совета насчет тебя – сутки в Кутузке, после чего обучение по программе тренировки бегунов. Некоторые шанки были недовольны, а другие, наоборот, поддержали решение, но большинство вело себя так, будто им вообще наплевать. Что до меня, то я за тебя рад.

Чак сделал паузу, чтобы набрать в легкие воздуха, затем продолжил:

– Знаешь, в первую ночь, когда ты лежал и нес всякую ахинею о том, что мечтаешь стать бегуном, я в душе покатывался со смеху. Говорил себе: у бедняги от пережитого совсем крыша съехала. А оно вон как вышло. Я оказался неправ.

Томасу совсем не хотелось говорить на эту тему.

– Любой нормальный человек поступил бы на моем месте так же. И не моя вина в том, что Ньют и Минхо решили сделать из меня бегуна.

– Ой, да ладно тебе. Не скромничай.

Сейчас карьера бегуна занимала Томаса куда меньше, нежели загадочный голос в голове и конкретно то, что сказала Тереза.

– Пожалуй, я рад. – Юноша принужденно улыбнулся: от мысли, что придется весь день просидеть в Кутузке в полном одиночестве, все внутри переворачивалось.

– Поглядим, каково тебе будет, когда, высунув язык, начнешь бегать по-настоящему. Как бы там ни было, знай, что старина Чаки тобой гордится!

Энтузиазм друга развеселил Томаса.

– Если бы ты был моей мамой, – сказал он, улыбаясь, – у меня была бы не жизнь, а сплошной праздник.

Моей мамой, – подумал он. На мгновение мир, казалось, почернел – он даже собственную мать не помнил. Юноша заставил себя отбросить грустную мысль, пока она окончательно его не поглотила.

Они пришли на кухню, взяли завтрак и, отыскав два свободных места за большим столом, сели. Каждый входящий неизменно бросал на Томаса любопытный взгляд. Несколько глэйде-

ров даже подошли и поздравили его; другие, напротив, смотрели с нескрываемой неприязнью, и все-таки Томасу показалось, что большинство его поддерживали.

И тут он вспомнил про Галли.

– Кстати, Чак. А Галли нашли? – спросил он как можно более непринужденно, отправив в рот кусок яичницы.

– Не-а. Как раз собирался сказать. Говорят, после Заседания Совета его видели вбегающим в Лабиринт. С тех пор он так и не вернулся.

Томас выронил вилку, не зная, что думать и чего теперь ожидать. Новость, мягко говоря, его ошарашила.

– Как?.. Ты серьезно? Он правда свалил в Лабиринт?

– Ну да. Ни для кого не новость, что он спятил. Кое-кто даже стал поговаривать, что ты вчера побежал за ним в Лабиринт и порешил.

– Поверить не могу... – Томас уставился в тарелку, пытаясь осмыслить мотивы поведения Галли.

– Не бери в голову, чувак. Его все терпеть не могли, кроме пары-тройки шанков. Это они обвиняют тебя в его убийстве.

Томас слушал и поражался непринужденности, с какой Чак говорил об этом.

– Ты говоришь так, будто Галли вышел подышать свежим воздухом, хотя он наверняка уже на том свете.

Чак вдруг о чем-то глубоко задумался.

– Знаешь, я не думаю, что он мертв.

– Как это? Тогда где он? Разве мы с Минхо не единственные, кто умудрился протянуть целую ночь?

– Так я об этом и толкую. Думаю, его скрывают дружки где-нибудь в Глэйде. Галли, конечно, идиот, но не настолько, чтобы, как ты, рассиживаться в Лабиринте целую ночь.

Томас замотал головой.

– А может, как раз поэтому он и сбежал. Хотел всем доказать, что ничем не хуже меня. Парень-то меня на дух не переносит. Не переносил, – добавил он после паузы.

– В общем, не важно. – Чак пожал плечами, словно они спорили о том, что взять на завтрак. – Если он погиб, то рано или поздно вы найдете труп, а если жив, то проголодается и объявится на кухне. Мне плевать.

Томас взял тарелку и поставил на прилавок.

– Все, чего мне сейчас хочется, – пожить нормально хотя бы один день, ни о чем не думать и полностью расслабиться.

– Твое желание будет исполнено! – отозвался кто-то от входа в кухню у них за спиной.

Обернувшись, Томас увидел Ньюта: тот довольно улыбался. Улыбка вселила в Томаса чувство необъяснимого успокоения, словно он убедился, что миру ничто не угрожает и жизнь налаживается.

– Пойдем, чертов уголовник, – сказал Ньют. – Будет тебе расслабуха в Кутузке. Шевелись. В обед Чаки принесет тебе что-нибудь пожевать.

Томас кивнул и вслед за Ньютом направился к выходу из кухни. Как ни странно, перспектива просидеть целый день в тюрьме показалась заманчивой. Целый день отдыха, без забот.

Однако что-то подсказывало юноше, что скорее Галли принесет ему цветы в Кутузку, чем хотя бы один день в Глэйде пройдет без приключений.

Глава тридцатая

Курузка приутилась в неприметном закутке между Хомстедом и северной стеной, скрытая колючим, торчащим во все стороны кустарником, который выглядел так, словно рука садовника не прикасалась к нему добрую сотню лет. Она представляла собой довольно неказистое бетонное сооружение с единственным крошечным зарешеченным окошком и деревянной дверью, закрытой на страшный ржавый засов, как будто попавший сюда из мрачного Средневековья.

Ньют достал ключ, открыл дверь и жестом велел Томасу войти.

– Там только стул и безграничные возможности для безделья. Наслаждайся.

Томас мысленно чертыхнулся, когда переступил порог и увидел тот самый единственный предмет мебели – безобразное шаткое седалище, одна ножка которого была явно короче других – причем, вероятно, укоротили ее намеренно.

– Удачного дня, – напутствовал Томаса Ньют, закрывая дверь. Юноша услышал за спиной звук задвигающегося засова и щелчок замка, затем в маленьком окошке без стекла показалась довольная физиономия Ньюта.

– За нарушение правил это еще мягкое наказание, Томми, – сообщил он, глядя сквозь прутья решетки. – Хоть ты и спас жизнь людям, но должен уяснить...

– Да помню я, помню. *Порядок!*

Ньют улыбнулся.

– Ты шанк не промах, но независимо от того, друзья мы или нет, должен четко следовать правилам. Только они и помогли нам, горемычным, выжить. Поразмысли, пока будешь сидеть и пялиться на чертовы стены.

Прошел час. Скука подтачивала Томаса, словно крыса, прогрызающая дыру в полу. К концу второго часа ему хотелось биться головой об стену. Спустя еще пару часов он пришел к выводу, что предпочел бы отужинать в компании Галли и гриверов, чем торчать в этой проклятой тюрьме. Он попытался выудить из недр сознания какие-нибудь воспоминания, однако каждый раз, не успевая обрести отчетливые очертания, они рассеивались как дым.

К счастью, в полдень пришел Чак. Он принес обед и немного развеял скуку.

Мальчишка был в своем репертуаре: просунув в окошко несколько кусков курятины и стакан воды, он принялся развлекать Томаса бесконечными разговорами.

– Жизнь возвращается в нормальное русло, – объявил он. – Бегуны в Лабиринте, остальные занимаются повседневными делами. Глядишь, мы все-таки выживем. Правда, Галли не объявился. Ньют приказал бегунам немедленно возвращаться в случае, если они наткнутся на его труп. Да, кстати: Алби уже встал на ноги и всю мотается по Глэйду. Ньют страшно рад, что теперь ему больше не придется исполнять роль большой шишки.

При упоминании об Алби Томас застыл с куском курятины в руке. Он представил, как всего сутки назад тот бился в припадке и душил себя. Затем юноше пришло в голову, что никто до сих пор не знает, *что* сказал ему Алби после того, как Ньют вышел из комнаты, – прямо перед попыткой самоубийства. Впрочем, теперь, когда Алби не прикован к постели, ничто не помешает вожаку глэйдеров передать другим разговор с Томасом.

Чак продолжал болтать, направив разговор в совершенно неожиданное русло.

– Слушай, я тут немного запутался... Знаешь, мне грустно, я тоскую по дому и все такое, но при этом совсем не помню место, в которое мечтаю вернуться. Это так странно, если понимаешь, о чем я... Но я знаю наверняка, что не хочу жить здесь. Хочу вернуться назад, к семье. Какой бы она ни была и откуда бы меня ни похитили. Я хочу все вспомнить.

Томас опешил. Ему еще не доводилось слышать от Чака более серьезных и искренних слов.

– Я прекрасно тебя понимаю, – пробормотал он.

Невысокий рост Чака не позволял Томасу видеть глаза мальчика, пока тот говорил, но, услышав следующую фразу, ему стало ясно, что их наполняла боль, а то и слезы.

– Я поначалу часто плакал. Каждую ночь.

При этих словах мысли об Алби совсем выветрились у Томаса из головы.

– Правда?

– Перестал только незадолго до твоего появления. Ревел, как сопливый младенец. А потом, наверное, просто свыкся. Глэйд стал новым домом, хотя не проходит и дня, чтобы мы не мечтали вырваться отсюда.

– А я только один раз заплакал с тех пор, как прибыл, правда, тогда меня чуть живьем не съели. Я, наверное, совсем бездушный и черствый засранец.

Томас, вероятно, никогда бы не признался, что плакал, если бы Чак ему не открылся.

– Ты тогда разревелся? – донесся до него голос Чака.

– Ага. Когда последний гривер полетел с Обрыва, я сполз на землю и разрыдался так сильно, что у меня аж в горле и груди заболело. – Та ночь была еще слишком свежа в памяти Томаса. – В тот момент на меня как будто разом все свалилось. И знаешь, потом стало легче. Так что не стоит стыдиться слез. Никогда.

– А потом и правда как-то легче на душе. Странно все устроено...

Несколько минут они молчали. Томас надеялся, что Чак еще не ушел.

– Эй, Томас, – позвал его Чак.

– Я здесь.

– Как думаешь, у меня есть родители? *Настоящие* родители.

Томас засмеялся, но скорее для того, чтобы справиться с внезапным приступом тоски, вызванным вопросом мальчика.

– Ну конечно, есть, шанк! Или мне на примере птиц и пчел объяснять тебе, откуда берутся дети?

Томас вздрогнул: он внезапно вспомнил, как его просвещали на эту тему; правда, того, кто просвещал, забыл.

– Я немного не о том, – почти прошептал Чак упавшим голосом. Чувствовалось, что мальчишка совсем скукислся. – Большинство переживших Метаморфозу вспоминают страшные вещи, о которых потом не хотят рассказывать. Поэтому я начинаю сомневаться, что дома меня ждет хоть что-нибудь хорошее. Вот я и спросил, возможно ли такое, что там, в большом мире, мои мама с папой все еще живы и скучают по мне? А может, даже плачут по ночам...

Вопрос окончательно выбил Томаса из колеи. Глаза наполнились слезами. С тех пор как он оказался тут, вся жизнь пошла кувырком, поэтому юноша как-то не воспринимал глэйдеров как обычных людей, у которых есть семьи и безутешные близкие. Как ни странно, с этой точки зрения Томас не смотрел и на себя самого. Он думал лишь о том, кто его пленил, с какой целью упек в Лабиринт и как отсюда сбежать.

В первый раз Томас почувствовал к Чаку нечто такое, что привело его в неопишуемую ярость, отчего захотелось кого-нибудь убить. Ведь мальчик должен учиться в школе, жить в доме, играть с соседскими детьми. Чак заслуживал лучшей доли. Он имел право каждый вечер возвращаться домой к родителям, которые его любят и беспокоятся о нем, – к маме, которая заставляла бы его каждый вечер принимать душ, к папе, помогающему делать домашние задания...

Томас возненавидел людей, оторвавших несчастного, ни в чем не повинного ребенка от семьи. Он возненавидел их такой лютой ненавистью, на которую, казалось, человек и вовсе не

способен. Юноша желал им не просто смерти, а смерти страшной и мучительной. Ему пронзительно хотелось, чтобы Чак вновь обрел счастье.

Но их всех лишили счастья. И их всех лишили *любви*.

– Послушай меня, Чак. – Томас замолчал, пытаясь успокоиться и не выдать дрожащим голосом бушевавших в нем эмоций. – Я уверен, что у тебя есть родители. Я это знаю. Звучит ужасно, но ручаюсь, что мама как раз сейчас сидит в твоей комнате, сжимает подушку и смотрит в окно на мир, который тебя у нее отнял. И я ручаюсь, что она плачет. Плачет навзрыд, по-настоящему, сморкаясь и промокая платком опухшие от слез глаза.

Чак не ответил, но до слуха Томаса донеслись едва различимые всхлипывания.

– Не раскисай, Чак. Мы решим загадку Лабиринта и уберемся отсюда. Я теперь бегун, и, клянусь жизнью, верну тебя домой, и твоя мама перестанет плакать.

Томас искренне верил в то, что говорил. Дав клятву, он словно выжег ее в своем сердце.

– Надеюсь, ты прав, – отозвался Чак срывающимся голосом.

И показав через решетку большой палец, он ушел.

Пылая ненавистью и полный решимости сдержать обещание, Томас принялся ходить взад-вперед по маленькой тюремной камере.

– Клянусь, Чак, – прошептал он в пространство, – клянусь, что верну тебя домой.

Глава тридцать первая

К огромному изумлению Томаса, вскоре после того, как по Глэйду прокатился грохот, свидетельствующий о закрытии Ворот на ночь, пришел Алби, чтобы выпустить его на свободу. Раздалось клацанье ключа в замке: дверь Кутузки распахнулась.

– Ну как ты, шанк, держишься? – спросил Алби.

Томас глядел на него, раскрыв рот, – вожак глэйдеров разительно отличался от того человека, которого он видел только вчера. Кожа вновь обрела здоровый цвет, а от кровавокрасной сетки капилляров в глазах не осталось и следа. Складывалось впечатление, что за двадцать четыре часа Алби набрал целых пятнадцать фунтов весу.

Алби не оставил без внимания взгляд Томаса.

– Чувак, ты чего так уставился, на хрен?

Томас, словно в трансе, лишь слегка мотнул головой, пытаясь угадать, помнит ли Алби что-нибудь из вчерашнего разговора и рассказал ли о нем другим глэйдерам.

– Что? А-а... да ничего. Просто невероятно, что ты смог так быстро восстановиться. Как самочувствие?

Алби отвел в сторону руку и напряг бицепс.

– Никогда не чувствовал себя лучше. Давай на выход.

Томас вышел наружу, стараясь не бегать глазами по сторонам, чтобы не выдать беспокойства.

Алби закрыл дверь Кутузки, запер засов на замок и повернулся к Томасу.

– По правде говоря, это все брехня. Чувствую себя хуже, чем кусок гриверского кланка.

– Вчера ты так и выглядел. – Алби хмуро посмотрел на него, но Томас не понял, притворяется тот или нет, поэтому поспешил внести ясность: – Но сегодня ты выглядишь на все сто. Серьезно говорю.

Алби сунул ключи в карман и прислонился к двери.

– Жаль, не удалось нам вчера поболтать подольше...

Сердце у Томаса подпрыгнуло. Теперь он мог ожидать от Алби чего угодно.

– Гм... Ну да...

– Я видел то, что видел, Шнурок. Правда, теперь все немного затуманилось, но я все равно никогда этого не забуду. Попытался рассказать, но что-то начало меня душить. А теперь, если картинки всплывают перед глазами, то мгновенно исчезают, как будто кто-то не хочет, чтобы я все вспомнил.

Перед глазами у Томаса возникла душераздирающая сцена предыдущего дня: Алби извивается в постели и пытается себя задушить. Юноша в жизни бы не поверил, что такое возможно, если бы не увидел все собственными глазами.

– А со мной что? Ты говорил, что видел меня. Чем я занимался в прошлом? – спросил он, несмотря на то, что страшился услышать ответ.

Алби задумчиво уставился куда-то вдаль, помолчал, затем ответил:

– Ты был с Создателями. Помогал им. Но это не самое страшное из того, что я вспомнил.

Томаса словно стукнули кулаком под дых. *Помогал им?* Он хотел было уточнить, как именно помогал, но слова застряли у него в глотке.

Тем временем Алби продолжал:

– Надеюсь, Метаморфоза не возвращает настоящие воспоминания, а подсовывает липовые. Некоторые подозревают, что так оно и есть. Хочется верить, что они правы. Если мир действительно такой, каким я его увидел... – Он замолчал.

Воцарилась гнетущая тишина.

– Может, расскажешь подробнее, что ты про меня видел? – Томас решил выудить еще какую-нибудь информацию.

Алби замотал головой.

– Ни за что, шанк. Не хватало мне еще раз попытаться себя придушить. Подозреваю, они что-то внедряют людям в мозги, чтобы управлять ими. Сумели же они стереть нам память.

– Гм... Если я враг, может, стоит оставить меня под арестом? – полушутя, полусерьезно сказал Томас.

– Шнурок, ты не враг. Возможно, ты конченный кланкоголовый придурок, но никак не враг. – На обычно суровом лице Алби проявилось некое подобие улыбки. – По-моему, то, что ты сделал – рискуя собственной задницей, спас меня и Минхо, – совсем не вражеский поступок. Нет, что-то тут неладно. Есть какая-то загадка в Метаморфозе и противогриверной сыворотке. И надеюсь, все это затеяли исключительно ради нашего блага.

Томас так обрадовался тому, что Алби не считает его воплощением зла, что не воспринял и половины сказанного.

– А все-таки – что ты вспомнил? Неужто все так хреново?

– Вспомнил кое-что из детства: каким был, где жил и все в таком роде. И знаешь, если бы сейчас ко мне снизошел сам Бог и сообщил, что меня отправляют домой... – Алби потушил взгляд и снова покачал головой. – Если все, что я видел, – реально, Шнурок, клянусь, я бы добровольно отправился к гриверам, лишь бы только не возвращаться обратно.

Его слова о том, что дела обстоят хуже некуда, лишь раззадорили любопытство Томаса. Захотелось узнать какие-нибудь подробности, упросить Алби хоть что-нибудь описать. Впрочем, Томас понимал, что история с удушением еще не стерлась из памяти вожака глэйдеров, поэтому разговорить его будет крайне трудно.

– Как знать, Алби. Может, воспоминания и правда фальшивые, а сыворотка – всего лишь наркотик, вызывающий галлюцинации.

Алби с минуту о чем-то думал.

– Наркотики... Галлюцинации... – Он покачал головой. – Сомневаюсь.

– Мы все равно должны выбраться отсюда, – предпринял Томас последнюю попытку уговорить его.

– Вот спасибо тебе, Шнурок, – ответил Алби саркастически. – Прямо и не знаю, как бы мы жили без твоих советов.

Он снова еле заметно улыбнулся.

Перемена в настроении собеседника вывела Томаса из состояния уныния.

– Хватит называть меня Шнурком. Теперь девчонка – Шнурок.

– Хорошо, Шнурок. – Алби вздохнул, ясно давая понять, что разговор его утомил. – Пойди, пожуй чего-нибудь. Считай, что твое суровое тюремное наказание длиной аж в целые сутки позади.

– И одного дня хватило.

Несмотря на желание продолжать беседу, Томасу не терпелось подальше убраться от Кутузки. К тому же он страшно проголодался. Улыбнувшись Алби, он поспешил на кухню.

Ужин был отменным.

Фрайпан знал, что Томас появится поздно, поэтому оставил для него большую тарелку с ростбифом и картофелем, а рядом оставил записку с сообщением, что в буфете лежит печенье. Повар, кажется, твердо решил оказывать юноше всяческую поддержку и за пределами комнаты для заседаний Совета.

Вскоре к Томасу присоединился Минхо, видимо, решив слегка подготовить его перед первым днем тренировки, и пока тот ел, привел некоторые интересные факты, которые Томасу стоило обдумать перед сном.

Когда они расстались, Томас сразу направился к уединенному месту, в котором спал прошлой ночью, – к юго-западному углу позади Могильника. Он шел, размышляя о разговоре с Чаком и о том, каково это, когда есть родители, которые могут пожелать тебе перед сном спокойной ночи.

Несколько человек продолжали бродить по Глэйду, завершая какие-то дела, но в целом было тихо, словно глэйдеры хотели поскорее лечь и заснуть, оставляя этот день в прошлом. Томасу сейчас хотелось того же самого.

Одеяла, которые кто-то принес ему прошлой ночью, лежали на прежнем месте. Он подобрал их и уютно устроился прямо в углу, на стыке двух каменных стен, где заросли плюща были особенно густыми и мягкими. Томас сделал глубокий вдох, впуская в легкие целый букет приятных лесных ароматов, и постарался расслабиться. Свежий чистый воздух снова навел на мысли о климате в здешних краях – не слишком жарко, не слишком холодно и никаких осадков. Если бы не факт, что подростков оторвали от семей, друзей и упекли в Лабиринт вместе с монстрами, место могло сойти за рай.

Впрочем, все здесь было слишком уж хорошим. Он чувствовал это сердцем, но выразить не мог.

Томас задумался о том, что Минхо поведал ему за ужином по поводу размеров Лабиринта. Он не сомневался в правильности оценок бегуна. Впервые юноша осознал масштабы конструкции, когда глядел с Обрыва, и до сих пор не понимал, как можно было построить настолько огромное сооружение – оно простиралось на несколько миль во всех направлениях. Бегуны должны находиться в нечеловечески идеальной физической форме, чтобы каждый день выдерживать невероятную нагрузку.

Но все-таки им так и не удалось отыскать выход. Несмотря на это, несмотря на полнейшую безысходность положения, они не сдавались.

За ужином Минхо рассказал Томасу одну старую байку, которая когда-то давно ни с того ни с сего всплыла в его памяти, – о женщине, заблудившейся в лабиринте. Она шла по этому лабиринту, не отрывая правой руки от стены, и сворачивала исключительно вправо. Таким образом, благодаря простым законам физики и геометрии, женщина в конце концов дошла до выхода из ловушки. Вполне логично.

Только не здесь. Здесь все коридоры возвращали назад в Глэйд. Очевидно, бегуны упустили что-то важное.

Завтра он начнет тренироваться. Начнет помогать бегунам искать тот самый недостающий элемент головоломки. В эту ночь Томас дал себе слово: он перестанет чему-либо удивляться, забудет все плохое, что с ним случилось, и не успокоится до тех пор, пока не раскроет загадку Лабиринта и не найдет путь домой.

Завтра. Слово еще долго блуждало у него в мозгу, пока он все-таки не заснул.

Глава тридцать вторая

Перед рассветом Минхо разбудил Томаса и, помахав фонариком, дал команду следовать за ним к Хомстеду. От радости, что тренировки начинаются, утреннюю сонливость как рукой сняло. Юноша выбрался из-под одеяла и без лишних слов последовал за своим учителем, осторожно лавируя между телами глэйдеров, устроившихся на ночлег на лужайке, – если бы не храп и сопение, можно было подумать, что они мертвы. Над Глэйдом забрезжил рассвет; все вокруг окрасилось в темно-синие тона, и предметы начали отбрасывать первые тени. Томас никогда еще не видел Глэйд таким безмятежно тихим. Со стороны Живодерни донеслось кукареканье петуха.

Достигнув Хомстеда, они обогнули его и остановились в неприметном закутке у дальнего угла дома. Минхо вытащил ключ и открыл кривую дверь, ведущую в небольшой чулан. Томас задрожал от нетерпения, гадая, что в нем хранится. В мечущемся свете фонаря его взгляд выхватил какие-то веревки, цепи и некоторые другие вещи, но когда луч осветил открытый ящик, доверху набитый обувью, Томас чуть не рассмеялся – настолько все оказалось банальным.

– Тут хранится самое необходимое, – объяснил Минхо. – Для бегунов, по крайней мере. Нам регулярно присылают новую обувь. Если бы не ботинки, у нас бы ноги давным-давно до костей стерлись. – Он склонился над ящиком. – У тебя какой размер?

– Размер? – Томас задумался. – Я... и не знаю.

Юноша опять подивился тому, что имел лишь общее понятие о вещах, тогда как детали совершенно выветрились из памяти. Он нагнулся, снял одну из туфель, в которых появился в Глэйде, и заглянул внутрь.

– Одиннадцатый.

– Черт, шанк, ну и лапы у тебя... Так, кажется, кое-что нашлось. – Минхо выпрямился, держа в руке пару блестящих ботинок серого цвета. – Офигеть! В них, как в каноэ, можно плавать!

– А чего, классные!

Томас с ботинками в руках вышел из чулана и уселся на землю, чтобы поскорее их примерить. Спустя короткое время, взяв с полок еще какие-то вещи, к нему подошел Минхо.

– Их носят только бегуны и кураторы, – сказал он.

Не успел Томас поднять глаза, как ему на колени упали наручные часы. Черные, с пластиковым браслетом, совсем простенькие – на электронном циферблате отображалось только время.

– Надень и никогда не снимай. От них может зависеть твоя жизнь.

Томас страшно обрадовался – хоть он и умел по положению солнца и теней примерно определять время, но, очевидно, бегуну требовалась более точная информация. Надев часы, Томас вернулся к примерке ботинок.

Минхо тем временем продолжил:

– Вот тебе рюкзак, бутылки для воды, коробка для обедов, запасные шорты, футболки и кое-какие другие мелочи. – Он ткнул Томаса в плечо. Тот поднял глаза: Минхо протягивал ему две пары плотно обтягивающих трусов из белого блестящего материала. – Мы называем их «спецтрусы». С ними всегда будет... гм... легко и комфортно.

– Легко и комфортно?

– Ну да. Понимаешь, твой...

– Ясно. Можешь не продолжать. – Томас взял нижнее белье и «другие мелочи». – Вы до деталей все продумали, как я посмотрю.

– А ты думал! За два года проклятой беготни сто раз можно понять, чего именно не хватает, и попросить это прислать, – сказал Минхо и начал собирать свой рюкзак.

– Хочешь сказать, вы можете заказывать необходимые вещи? – поразился Томас.

Интересно, с какой стати Создатели так пекутся о глэйдерах?

– Конечно. Просто кидаем в Ящик записку, и дело сделано. Правда, не факт, что Создатели пришлют то, что попросим. Иногда они выполняют просьбы, иногда – нет.

– А карту когда-нибудь просили?

Минхо усмехнулся:

– Ага, было дело. И еще телик просили, но так нам ни черта и не дали. Наверное, эти ублюдки не хотят, чтобы мы видели, как прекрасна жизнь за пределами вшивого Лабиринта.

Что-то подсказывало Томасу, что жизнь на свободе, напротив, далеко не сахар – разве в нормальном мире могли поступить так с детьми? От подобной мысли стало неудобно, словно в темноте разума он вдруг набрел на свет и увидел что-то очень важное. Впрочем, это чувство исчезло так же быстро, как и возникло. Томас тряхнул головой. Закончив завязывать шнурки на ботинках, он встал, сделал небольшой круг трусцой и несколько раз подпрыгнул на месте, чтобы проверить, как ноги чувствуют себя в новой обуви.

– Вроде нормально. Думаю, я готов.

Минхо все еще сидел на корточках, складывая вещи в рюкзак. Он посмотрел на Томаса с нескрываемым отвращением.

– Выглядишь, как идиот, который скачет козлом, пытаясь подражать балерине. Готов, говоришь? Ну-ну. Интересно, долго ли ты там продержишься без плотного завтрака в желудке, запасов еды в рюкзаке и оружия?

Томас, который к этому моменту уже перестал прыгать, застыл на месте.

– Оружие?..

– Оружие. – Минхо встал и направился назад к чулану. – Иди сюда. Сейчас сам все увидишь.

Томас проследовал за Минхо в маленькую комнату, где куратор отодвинул от задней стенки несколько ящиков. Под ними оказался потайной люк, за которым юноша увидел деревянную лестницу, уходящую под пол в кромешную темноту.

– Храним его в подвале, чтобы шанки вроде Галли не могли добраться. Вперед.

Томас осторожно начал спускаться по лестнице вслед за Минхо. Каждая из дюжины ступенек так угрожающе скрипела под тяжестью их веса, словно могла вот-вот подломиться. Прохладный воздух бодрил, несмотря на сильный запах плесени и пыли. Наконец они ступили на земляной пол. В темноте подвала невозможно было ничего разглядеть, пока Минхо, дернув за шнурок, не включил единственную лампочку.

Помещение оказалось куда просторнее, чем предполагал Томас, – по меньшей мере тридцать квадратных футов. Тянущиеся вдоль стен полки и несколько массивных столов были завалены таким количеством всевозможного оружия, что у Томаса перехватило дыхание. Деревянные копья, металлические пики, сети, похожие на те, которыми укрывают курятники, бухты колючей проволоки, пилы, ножи, мечи... Одна из стен была целиком отведена под снаряжение лучников; тут лежали стрелы, деревянные луки и запасные тетивы. При виде их Томас вспомнил Могильник и Бена, сраженного стрелой Алби.

– Ни фиги себе, – пробормотал Томас.

В изолированном пространстве маленького помещения звук его голоса моментально заглох. Мысль о том, что бегунам требуется так много оружия, поначалу привела его в замешательство, однако увидев, что большую часть предметов покрывает толстый слой пыли, Томас успокоился.

– Большую часть не используем, – пояснил Минхо, – но на всякий случай держим про запас. А в Лабиринт обычно берем только пару остро заточенных ножей.

Бегун кивнул на большой деревянный ящик в углу. Он был открыт, а его крышка при-
слонена к стене. Ящик был до самого верха наполнен ножами всех форм и размеров.

Оставалось лишь надеяться, что остальные глэйдеры не знают о существовании подвала.

– А не опасно хранить здесь все это добро? – спросил Томас. – Представь, а если бы Бен
спустился сюда, перед тем как свихнуться и напасть на меня?

Минхо вытащил из кармана связку ключей и со звоном потряс ими перед лицом Томаса.

– Они есть только у нескольких счастливицков.

– И все-таки...

– Хватит ныть. Выбери себе пару удобных ножей, только убедись, что они хорошо зато-
чены. Потом поедим и упакуем провизию в дорогу. И еще: перед отправкой в путь хочу позна-
комить тебя с Картохранилищем.

Томас чуть не запрыгал от радости – приземистая постройка не давала ему покоя с тех
самых пор, как он увидел бегунов, скрывшихся за ее толстенной дверью. Он выбрал сверка-
ющий короткий кинжал с отделанной резиной рукояткой и нож с длинным черным лезвием.
Впрочем, восторг Томаса угас довольно быстро: хотя теперь он хорошо знал, какие твари
водятся в Лабиринте, все равно не хотелось думать о том, что оружие может однажды потре-
боваться.

Через час, поев и упаковав провиант, они уже стояли перед тяжелой стальной дверью,
ведущей в Картохранилище, как Минхо назвал бункер. Томасу не терпелось попасть внутрь.

Рассвет предстал во всем своем великолепии. Глэйд пробуждался: подростки сновали
по площади, готовясь к новому дню, а в воздухе витал аромат жареного бекона – Фрайпан
со своими подручными вовсю трудились на кухне, чтобы вскоре насытить несколько десятков
голодных желудков. Минхо отпер замок, повернул круглую ручку, вращая ее до тех пор, пока
изнутри не донесся отчетливый лязг, и потянул на себя. С громким скрипом массивная желез-
ная дверь отворилась.

– Только после вас, – с шутливым полупоклоном произнес Минхо.

Томас молча вошел в бункер. Легкое опасение, смешанное с крайним любопытством,
овладело им настолько, что пришлось напомнить себе о необходимости дышать.

В темной комнате пахло плесенью и сыростью с таким сильным привкусом меди, что,
казалось, ее можно было ощутить на языке. В мозгу мелькнуло расплывчатое воспоминание о
том, как в детстве, будучи еще несмышленным малышом, он тащил в рот медные монеты.

Минхо щелкнул выключателем, зажигая несколько флуоресцентных ламп. Когда они раз-
горелись в полную силу, Томас смог рассмотреть помещение во всех подробностях. Простота
убранства удивила: Картохранилище представляло собой почти пустое помещение шагов два-
дцати в длину с абсолютно голыми бетонными стенами. Прямо в центре стоял деревянный
стол, окруженный восемью стульями. На столе, напротив каждого из стульев, лежали аккурат-
ные стопки бумаги и набор карандашей. Помимо стола и стульев, интерьер комнаты составляли
восемь ящичков, подобных тем, в каких на оружейном складе хранились ножи. Ящички были
закрыты и стояли с равными промежутками друг от друга, по два возле каждой стены.

– Добро пожаловать в Картохранилище, – объявил Минхо. – Самое занятное местечко,
которое тебе доводилось видеть.

Томас был немного разочарован – он ожидал чего-то более впечатляющего.

Юноша сделал глубокий вдох.

– Только хреново, что тут воняет, как на заброшенном медном прииске.

– А мне запах нравится. – Минхо выдвинул из-под стола два стула и сел. – Садись. Хочу,
чтобы ты получил общее представление о месте, в которое сейчас отправимся.

Когда Томас уселся, бегун взял чистый лист бумаги, карандаш и принялся рисовать
схему. Томас наклонился поближе. Минхо изобразил большой квадрат, занявший почти всю

площадь листа, а затем разделил его на квадраты меньшего размера. Теперь схема походила на увеличенное поле игры в «крестики-нолики» – три ряда квадратов одинакового размера. В центральном квадрате он написал слово «ГЛЭЙД», а остальные пронумеровал цифрами от одного до восьми, начав с верхнего левого квадрата и далее по часовой стрелке. Напоследок Минхо нарисовал несколько коротких черточек, пересекающих линии.

– Это Ворота, – объяснил он. – Ты видел только те, которые ведут из Глэйда, но в самом Лабиринте есть еще четыре штуки – они ведут в первый, третий, пятый и седьмой сектора. Сами Ворота остаются на месте, но пути к ним постоянно меняются из-за перемещения стен по ночам.

Он замолчал и пододвинул лист к Томасу.

Томас принялся изучать нарисованный план, восхищаясь тем, что Лабиринт оказался таким четко структурированным сооружением. Минхо тем временем продолжал:

– Таким образом, Глэйд окружен восемью секторами, каждый из которых представляет собой изолированный квадрат. Мы целых два года бьемся, как рыба об лед, но так и не приблизились к разгадке. Единственное место, которое с натяжкой можно считать выходом из Лабиринта, – Обрыв. Но вариант годится, только если хочешь полетать и разбиться в лепешку. – Минхо стукнул пальцем по схеме. – Проклятые стены смещаются каждый вечер во всех местах одновременно – как раз в то время, когда у нас закрываются Ворота. Мы сделали такой вывод, потому что в другое время никогда не слышали грохота.

Томас оторвался от листа.

– Я не видел, чтобы хоть одна из стен двигалась, когда мы ночью застряли в Лабиринте. – Он был рад добавить крупицу информации и от себя.

– Главные коридоры в районе Ворот никогда не меняют местоположение. Стены, которые перемещаются, расположены значительно глубже.

– А-а, вот как...

Томас снова всмотрелся в грубую схему, пытаясь мысленно представить Лабиринт и каменные стены в тех местах, которые Минхо обозначил линиями.

– У нас всегда задействовано как минимум восемь бегунов, включая куратора. Один бегун на сектор. Чтобы обежать весь сектор, в надежде отыскать проклятый выход, требуется целый день. Затем мы возвращаемся и переносим план на бумагу. Один день работы – один лист. – Минхо кивком указал на один из ящичков. – Вот почему эти хреновины битком набиты картами.

Томаса вдруг посетила неприятная и в то же время пугающая мысль.

– Я что... заменяю кого-то погибшего?

Минхо замотал головой.

– Нет, мы просто тебя тренируем. Но кто-то из бегунов может попросить об отпуске. Не волнуйся, бегуны довольно давно не погибали.

Как ни странно, слова лишь усилили беспокойство, которое, как надеялся Томас, не отразилось у него на лице.

– Так, значит, у вас... уходит целый день, чтобы исследовать один несчастный квадрат? – спросил он, побарабанив пальцами по третьему сектору на карте.

– Ну, ты даешь. – Минхо встал и подошел к ящичку прямо позади них, опустил на колени и, подняв крышку, откинул ее на стену. – Погляди сюда.

Томас встал и заглянул из-за спины Минхо в ящик, в который могло уместиться ровно четыре стопки бумаги. Как раз четыре стопки в ней и оказалось; доходили они до самого верха. Друг от друга карты мало чем отличались: грубые наброски квадратных секторов занимали собой почти всю поверхность листа. В правом верхнем углу всех карт значилась надпись «Сектор 8», далее следовало имя «Хэнк» и слово «Дата» с указанным за ней числом. На последнем листе фигурировало число 749.

Минхо продолжил:

– Мы с самого начала поняли, что стены двигаются, и тут же начали фиксировать их перемещения. Думали, что, сравнив местоположение стен по дням и неделям, сможем найти закономерность в движении. Так оно и получилось – расположение стен во всех секторах Лабиринта повторяется с периодичностью в месяц или около того. Дело оставалось вроде бы за малым: вычислить момент, когда откроются проходы, ведущие за пределы секторов, но вот проходов-то как раз и не обнаружилось.

– Два года прошло, – сказал Томас. – Неужели вы ни разу не доходили до такого отчаяния, чтобы остаться в Лабиринте на ночь и поискать проход после того, как стены переместятся?

Минхо посмотрел на него с нескрываемым раздражением.

– Чувак, звучит как оскорбление. Seriously.

– Что?.. – смутился Томас. У него и в мыслях не было поддеть товарища.

– Мы в течение двух лет задницы надрываем, и теперь все, что ты можешь спросить, – почему мы такие слюнтяи, что ни разу не заночевали в Лабиринте? В самом начале нашлись смельчаки, попытавшиеся остаться снаружи на ночь. Все они погибли. Может, хочешь повторить их подвиг? Думаешь, один раз выжил, сможешь до бесконечности судьбу испытывать?

Томас смущенно покраснел.

– Нет. Извини.

Внезапно он почувствовал себя куском кланка. С Минхо трудно было поспорить. В душе Томас понимал, что и сам предпочел бы возвращаться каждый вечер в Глэйд живым и невредимым, чем гарантированно встречаться с гриверами. При мысли о них он поежился.

– Ну так вот. – К огромному облегчению Томаса, Минхо снова перевел внимание на кипы карт в ящике. – Жизнь в Глэйде, может, и не такая сладкая, но, по крайней мере, мы тут в безопасности. Еды в достатке, есть защита от гриверов. Так что мы не имеем права просить бегунов остаться в Лабиринте на ночь, рискуя жизнью. Ни за что. Во всяком случае, не сейчас. По крайней мере, не раньше, чем конфигурация стен подскажет, что проход действительно может где-то открыться. Пусть и временный.

– Насколько вы приблизились к разгадке?

Минхо пожал плечами.

– Трудно сказать... Мы не знаем, что еще можно сделать, и это здорово угнетает. Но мы не имеем права пропустить хотя бы один день, так как есть вероятность, что как раз в этот самый день проход и правда где-нибудь откроется. Мы не имеем права сдаваться. Ни в коем случае.

Томас удовлетворенно кивнул – решимость Минхо ему imponировала. Как бы плохо ни обстояли дела, но если они сдадутся, станет еще хуже.

Минхо извлек из ящика еще несколько листов – карты, созданные в последние несколько дней. Бегло их просмотрев, он пояснил:

– Каждый бегун ведает картами, относящимися к закрепленному за ним сектору. Как я сказал, мы сравнивали карты по дням, неделям и месяцам, но, честно говоря, так и не нашли ключ к разгадке. А если быть честным до конца, мы даже не знаем, что искать. На самом деле мы в дерьме, чувак.

– Мы не имеем права сдаваться, – монотонно произнес Томас, словно под гипнозом повторяя то, что Минхо сказал чуть раньше. Слово «мы» сорвалось с языка совершенно непроизвольно, и юноша понял, что действительно стал частью Глэйда.

– Точно, брат. Нельзя опускать руки. – Минхо аккуратно положил листы назад, закрыл ящик и встал. – Ладно. Что-то мы засиделись, пора отправляться. Первые дни ты будешь просто следовать за мной и наблюдать. Готов?

Томас почувствовал, как нервы напряглись, словно туго натянутые струны, а в животе защекотало. Час настал. Больше никаких раздумий, никакой болтовни – он находится в шаге от того, чтобы совершить первый настоящий поход в Лабиринт.

– Ну... Вроде.

– Никаких «вроде». Готов или нет? – Минхо посмотрел на него неожиданно сурово.

– Я готов, – твердо ответил Томас.

– Тогда вперед.

Глава тридцать третья

Они вышли через Западные Ворота в восьмой сектор и побежали по коридорам в глубь Лабиринта. Томас, не останавливаясь, все время бежал рядом с Минхо, сворачивая то влево, то вправо, и, казалось, нисколько не задумывался о выборе направления. Ранний утренний свет обладал какой-то необыкновенной чистотой и блеском, придавая окружающим предметам – плющу, потрескавшимся стенам, каменным блокам под ногами – яркие и резкие очертания. Несмотря на то что до полудня оставалось еще несколько часов, было достаточно светло. Томас старался не отставать от Минхо, иногда делая мощные рывки вперед, чтобы сократить временами увеличивающийся между ними разрыв.

Внезапно впереди показался небольшой прямоугольный проход, пробитый прямо в длинной стене, который вел в северном направлении. Выглядел он почти как обычный дверной проем, только без двери. Минхо промчался через него, не сбавляя скорости.

– Эти Ворота ведут из восьмого сектора – квадрат в центре слева – в сектор один – верхний левый квадрат. Как я сказал, Ворота всегда остаются на месте, но подход к ним может немного отличаться из-за постоянной перетасовки стен.

Томас последовал за Минхо в Ворота, отметив про себя, как тяжело он дышит. Виной всему нервное возбуждение, решил юноша, скоро дыхание опять станет ровным.

Они свернули направо и побежали по длинному коридору прямо, минуя несколько проходов, уходивших влево. Достигнув конца коридора, Минхо сбавил темп, перейдя почти на шаг, и, сунув руку за спину, извлек из бокового кармана рюкзака блокнот и карандаш. Не останавливаясь, сделал какую-то пометку и сунул их назад. Томасу стало любопытно, что записал Минхо, но не успел он открыть рот, чтобы это выяснить, как бегун объяснил:

– Я в основном... рассчитываю на зрительную память. – В голосе Минхо отчетливо слышались признаки напряжения. – Но примерно каждый пятый поворот делаю заметки, которые использую после возвращения. Чаще всего фиксирую изменения, которые произошли по сравнению со вчерашним днем. Таким образом, используя вчерашнюю карту, я потом быстро смогу нарисовать сегодняшнюю. Элементарно, чувак.

Томас пришел в восторг. В устах Минхо составление карт действительно представлялось довольно простым занятием.

Они пробежали еще немного и достигли пересечения коридоров. Перед ними открылось три возможных направления движения, однако Минхо без малейшего колебания свернул направо. Вытащив из кармана нож, он прямо на ходу срезал со стены большой пучок плюща, бросил его на землю себе за спину и побежал дальше.

– Хлебные крошки? – поинтересовался Томас, вдруг вспомнив старую сказку. Он почти перестал удивляться подобным внезапным проблескам памяти.

– Точно. Хлебные крошки, – отозвался Минхо. – Чур, я – Гензель, а ты – Гретель.

Они продолжали бежать все дальше в Лабиринт, сворачивая то вправо, то влево. После каждого поворота Минхо срезал и бросал на землю трехфутовые обрубки плюща. Томаса впечатляла сноровка куратора – тот проделывал все это, нисколько не сбавляя темпа бега.

– Ладно, – произнес Минхо. Теперь дышал он гораздо тяжелее. – Теперь ты.

– Что я?

Томас не ожидал, что в первый день ему придется делать что-нибудь самостоятельно, кроме как бежать следом за куратором и просто наблюдать.

– Срезай плющ. Ты должен выработать привычку делать это автоматически в течение всего пути. На обратном пути мы подбираем обрезки или просто отбрасываем их ногой в сторону.

Прошло довольно много времени, прежде чем у Томаса начало получаться на ходу срезать стебли, зато он делал что-то сам, чему был несказанно рад. После первых двух попыток ему пришлось делать рывки вперед, чтобы нагнать Минхо, в третий раз он порезал палец, однако где-то с десятой попытки юноша почувствовал себя вполне уверенно и на бегу срезал стебли почти так же ловко, как Минхо.

Пробежав еще некоторое расстояние – Томас понятия не имел, какое именно, но предполагал, что около трех миль, – Минхо перешел на шаг, а затем и вовсе остановился.

– Привал.

Он сбросил рюкзак на землю и достал из него бутылку воды и яблоко.

Томаса не пришлось упрашивать – он с радостью последовал его примеру и с жадностью прильнул к бутылке, наслаждаясь прохладной свежестью воды, потекшей по пересохшему горлу живительным ручейком.

– Притормози, – остановил его Минхо. – На обратный путь оставь.

Томас оторвался от бутылки, сделал глубокий удовлетворенный вдох и громко отрыгнул. Откусив от яблока, он почувствовал себя неожиданно посвежевшим. Внезапно мысли вернулись к тому дню, когда Минхо с Алби отправились посмотреть на мертвого гривера, после чего все пошло кувырком.

– Кстати, ты так и не рассказал, что случилось с Алби в тот день. Понятно, что гривер ожил, но как все вообще происходило?

Минхо тем временем снова взвалил на плечи рюкзак, очевидно, готовясь отправиться в путь.

– Что тут скажешь. Тварь только притворялась дохлой. Алби, болван, пнул его ногой, а эта гадина вдруг ожила, выпустила колючки и покатила прямо на него. Правда, гривер себя странно повел – совсем не пытался атаковать. Мне показалось, что он хотел удрать, а Алби просто оказался у него на пути.

– Хочешь сказать, гривер драпанул от вас?

С учетом увиденного несколькими днями ранее, Томас с трудом верил в версию Минхо. Тот пожал плечами.

– Ну да. По-моему, ему требовалась подзарядка или что-то типа. Хрен его знает.

– А что с ним могло произойти? Ты у него раны на теле или что-то необычное не заметил? – Томас и сам не знал, что пытался понять, но подспудно чувствовал, что странная перемена в поведении гривера произошла не случайно и разгадка тайны может помочь им в будущем.

Минхо призадумался.

– Нет. Гадина просто выглядела мертвой; валялась, как восковая фигура, а потом – раз! – и резко ожила.

Томас лихорадочно думал, пытаясь найти во всем какой-то смысл, хотя даже не знал, с чего начать и в каком направлении двигаться.

– Интересно, куда он сбежал... Ты не в курсе, где вообще скрываются гриверы? – Он помолчал секунду-другую, затем добавил: – Никогда не пробовали за ними проследить?

– Господи! У тебя и правда мания самоубийства какая-то. Жить надоело? Поднимайся. Надо идти.

Минхо развернулся и направился дальше.

Томас бежал следом, на ходу пытаясь самому себе ответить на вопрос, который сидел у него глубоко в мозгу и не давал покоя: почему внешне мертвый гривер внезапно вернулся к жизни и, главное, где потом скрылся...

Раздосадованный тем, что не знает ответа, он поспешил за Минхо.

Они бежали еще примерно два часа, прерываясь на небольшие остановки, которые, казалось, раз от раза становились короче. В какой бы хорошей физической форме Томас ни находился, он изрядно устал.

Наконец Минхо в очередной раз остановился и снял рюкзак. Опустившись на землю и откинувшись спиной на мягкий плющ, они молча приступили к обеду. Томас с огромным удовольствием смаковал каждый кусочек сэндвича и овощей, пережевывая пищу как можно медленнее. Он тянул время, понимая, что Минхо поднимет в дорогу сразу после того, как он сделает последний глоток.

– Сегодня изменения есть? – спросил он.

Минхо хлопнул по кармашку рюкзака, в котором лежал блокнот.

– Обычные перетасовки стен. Ничего такого, от чего твоя тощая задница пустилась бы в пляс.

Томас задрал голову и сделал большой глоток воды, глядя на тянущиеся ввысь стебли плюща на противоположной стене. В листве мелькнули красные огоньки и знакомый серебристый отблеск. Сегодня он видел такое довольно часто.

– А что это за жуки-стукачи такие? – спросил он. Ими, казалось, кишел весь Лабиринт. Затем Томас вспомнил, *что* увидел в Лабиринте ночью. С тех пор так много произошло, что у него не было времени спросить. – И почему у них на спинах написаны слова «это порок»?

– Мы не смогли поймать ни одного из них. – Минхо покончил с едой и засунул коробку для обедов назад в рюкзак. – И что значат слова, не знаем. Возможно, их написали, чтобы нас запугать. Но, скорее всего, жуки шпионят. Шпионят на *них*. Другого объяснения у нас нет.

– На кого – на *них*? – спросил Томас, готовясь задать Минхо еще несколько вопросов. В нем снова закипала ненависть к людям за пределами Лабиринта. – Догадки есть?

– Мы понятия не имеем, кто такие Создатели. – Минхо непроизвольно сжал кулаки, словно душил кого-то. Лицо его побагровело. – Жду не дождусь, когда смогу добраться до них и вспороть...

Но не успел куратор закончить свою мысль, как Томас вскочил и побежал на другую сторону коридора.

– Что это?

– А-а, ты об этом, – вяло отозвался Минхо.

Томас приблизился к источнику блеска, раздвинул в стороны стебли плюща и непонимающе уставился на квадратную металлическую табличку со словами, выбитыми на ней крупными заглавными буквами. Он провел рукой по выпуклой надписи, словно желая удостовериться, что зрение ему не изменяет.

ЭКСПЕРИМЕНТ «ТЕРРИТОРИЯ ОБРЕЧЕННЫХ»

ПРОГРАММА ОПЕРАТИВНОГО РЕАГИРОВАНИЯ

ОБЩЕМИРОВАЯ КАТАСТРОФА

Прочитав текст вслух, юноша повернулся к Минхо.

– Это что такое?

Томас не сомневался, что надпись имеет непосредственное отношение к Создателям. По телу побежал холодок.

– Да черт его знает. Этим весь Лабиринт увешан. Как будто «знак качества» поставили на свое великолепное творение, ублюдки. Я уже давно перестал обращать внимание.

Томас снова повернулся к зловещей надписи, пытаясь подавить нарастающее беспокойство.

– Звучит не очень-то обнадеживающе. Катастрофа. Территория обреченных. *Эксперимент*. Шикарно, ничего не скажешь.

– Да уж, Шнурок. Шикарнее не придумаешь. Пойдем.

Томас неохотно отпустил стебли плюща, тут же скрывшие табличку, закинул рюкзак за спину и побежал вслед за Минхо, ни на минуту не переставая думать о загадочных словах.

Спустя час после обеденного привала, когда они оказались в конце очень длинного прямого коридора без единого ответвления в стороны, Минхо остановился.

– Последний тупик, – сказал он спутнику. – Нужно возвращаться.

Томас громко вздохнул, стараясь не думать о том, что они провели в Лабиринте лишь половину положенного времени.

– Ничего нового?

– Нет. Стандартные изменения, – сухо ответил Минхо, глядя на часы. – Полдня прошло, пора назад.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и побежал в обратном направлении.

Томас потрусил следом, досадуя, что они не могут задержаться и тщательно исследовать стены.

– Но... – начал было Томас, поравнявшись с Минхо.

– Не обольщайся, чувак. Вспомни, что я говорил раньше: мы не можем рисковать понапрасну. К тому же сам подумай: ты правда считаешь, что где-то здесь есть выход? Секретная дверь, например, или типа того?

– Н-не знаю... Может, и есть. Как-то ты пессимистично настроен.

Минхо замотал головой и смачно харкнул на стену слева от себя.

– Нет никакого выхода. Все эти перемещения – лишь вариации на тему. Стена – это просто стена и ничего более. Без тайных проходов.

Томас чувствовал, что Минхо прав, но не мог смириться с поражением.

– Откуда ты знаешь?

– Будь уверен, выродки, которые напустили на нас гриверов, не дадут выбраться просто так.

После таких слов Томас даже засомневался, а есть ли вообще смысл в дальнейших исследованиях Лабиринта.

– Тогда зачем вообще рыпаться? Живите себе спокойно и ни о чем не думайте.

Минхо мельком глянул на него.

– Зачем рыпаться? Затем, что отсюда *возможно* выбраться! Иначе во всей этой затее с Лабиринтом просто нет смысла. Но если ты думаешь, что мы где-нибудь найдем небольшую красивую дверь, ведущую в Счастливый Город, ты явно не в себе.

Томас посмотрел вдаль. Он ощутил такую безнадежность, что едва не остановился.

– Дерьмово.

– Самое умное, что ты произнес за сегодня, Шнурок.

Минхо с шумом выдохнул и продолжил бег, а Томас сделал единственное, чему пока научился лучше всего, – помчался следом.

Из-за страшного изнеможения остаток дня Томас почти не запомнил. Вернувшись в Глэйд, они с Минхо немедленно отправились в Картохранилище, где начертили карту сектора и сравнили ее с картой предыдущего дня. Вскоре Ворота закрылись на ночь, после чего

Томас отправился ужинать. Чак несколько раз пытался завязать с ним разговор, но от усталости юноша почти не слышал его и лишь изредка бездумно кивал в ответ.

Не успели еще сумерки смениться темнотой ночи, а Томас уже лежал, свернувшись клубком на мягкой листве плюща в облюбованном юго-западном углу Глэйда, и думал о том, сможет ли заставить себя снова выйти в Лабиринт. От мысли, что сегодняшний подвиг придется повторить и завтра, бросало в дрожь. Особенно после осознания тщетности попыток найти выход. Работа бегуна вмиг утратила былое очарование. А ведь прошел всего один день.

Запал в душе и уверенность в том, что можно изменить ситуацию, окончательно угасли, а обещание, данное самому себе – вернуть Чака в лоно семьи, – растворилось в полнейшем изнеможении, боли и ощущении безнадежности.

Он уже почти засыпал, когда в голове вдруг зазвучал голос – нежный девичий голос, славно исходивший из уст прекрасной феи, заточённой у него в мозгу. На следующее утро, когда все перевернулось с ног на голову, юноша уже не смог бы точно ответить, слышал ли что-то на самом деле или ему только пригрезилось.

Однако все-таки Томас четко уловил и запомнил каждое слово:

– Том, я только что запустила процесс Окончания.

Глава тридцать четвертая

Томас очнулся, окутанный слабым мертвенным светом. Сначала он подумал, что просто проснулся раньше положенного и до рассвета оставался еще час, но затем услышал крики. Он посмотрел вверх, сквозь ветви деревьев, и вместо привычного утреннего неба, подернутого бледными красками рассвета, увидел над собой безжизненную серую плоскость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.